

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАЗАНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

И.И. Нурутдинов

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАКТИК
(ДЕ-)КОНСТРУИРОВАНИЯ ВАХХАБИЗМА
КАК РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕВИАЦИИ

монография

Казань 2015

УДК 297:316.[277+75+624]

ББК 60.56

Н 90

Одобрено редакционно-издательским советом КЮИ МВД России

Рецензенты

доктор политических наук, профессор В.А. Беляев (КНИТУ(КАИ);
кандидат социологических наук Р.Р. Сафин (ООО «ЦАИР-Маркетинг»)

Н 90 Нурутдинов И.И.

Социологический аспект практик (де-) конструирования ваххабизма как религиозной девиации: монография / И.И. Нурутдинов. - Казань: КЮИ МВД РФ, 2015. - 138 с.

Монография посвящена анализу ваххабизма как религиозной девиации с позиции методологии социального конструкционизма. Помимо анализа конструкционистской методологии, она включает в себя исследование проблематики отклоняющегося поведения в социологическом дискурсе и обзор социо-исторического контекста возникновения и развития ваххабизма.

Большое внимание уделено раскрытию специфики конструирования образа ваххабизма в общероссийских печатных изданиях и риторике экспертного сообщества. Кроме того, проанализированы особенности деконструирования негативного образа ваххабизма в сети Интернет.

Монография адресована научным работникам, общественным деятелям, преподавателям, студентам, аспирантам высших учебных заведений, всем, кто интересуется проблемами социальных девиаций и конструирования социальной реальности.

ISBN:

ББК 60.56

© Нурутдинов И.И., 2015

© КЮИ МВД России, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Глобальные геополитические изменения, имевшие место в нашей стране в начале 1990-х гг., стали причиной целого ряда трансформаций и деформаций в социальной жизни общества. За короткий период произошли существенные изменения в политической, экономической и социальных сферах. Сопоставимые изменения произошли и в сфере ценностных ориентаций общества. Религия, которая в той или иной степени испытывала гонения на всем протяжении существования СССР (за исключением короткого периода во второй половине 1980-х гг.), прочно вошла в повседневную жизнь социума.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось бурным развитием различных религий, в т.ч. ислама, в Российской Федерации, почва для чего была подготовлена еще во время оттепели 1980-х гг. Обратной стороной реисламизации в России стало появление и усиление влияния ваххабизма – течения в исламе, которое рассматривается в качестве девиантной секты ортодоксальным мусульманским большинством.¹

Появление ваххабитов в России, как в виде различных миссионеров из арабских стран, так и в виде их местных последователей, породило активное обсуждение ваххабизма в пространстве публичных дискурсов: дискуссии о ваххабизме попали в риторику первых лиц государства и политиков, представителей силовых структур, религиозных деятелей. Ваххабитский фактор в чеченском конфликте усилил негативные коннотации, которые связывались в общественном представлении с ваххабитами, а участие последних в целом ряде крупных и дерзких террористических актов фактически поставило знак равенства между ваххабизмом и терроризмом.

Однако было бы ошибочным утверждать, что конструирование ваххабизма в пространстве публичных дискурсов осуществлялось исключительно с позиции демонизации этого направления в исламе. Частично экспертное сообщество и частично представители мусульманской религии занимались деконструированием² негативного образа ваххабизма, стремились минимизировать представления о его опасности и в целом

¹ Ваххабизм весьма многогранен и может рассматриваться с различных сторон: как политическое явление (например, официальная идеологическая доктрина в Саудовской Аравии), как культурный феномен (образец маргинальной контр-культуры в мусульманских сообществах), как религиозное явление (ваххабизм с точки зрения традиционных суннитских правовых школ-мазхабов). Мы рассматриваем ваххабизм как девиантное социальное явление, т.к., на наш взгляд, рассмотрение ваххабизма с социологической точки зрения во многом объединяет его различные ипостаси в рамках одного предмета исследования.

² Постмодернистский термин «деконструирование» используется нами в узком смысле для обозначения деятельности по символическому демонтажу идеальных объектов, формируемых в ходе конструкционистских практик.

депроблематизировать повестку дня, связанную с ваххабизмом. Труды основоположников ваххабизма в 1990-х гг. и частично – в начале 2000-х гг. издавались значительными тиражами и распространялись в мечетях и мусульманских учебных заведениях, продавались в книжных магазинах. Развитие телекоммуникационных технологий в 2000-х гг. значительно облегчило задачу по деконструированию образа ваххабизма как религиозной девиации: сторонники ваххабизма в настоящее время активно используют возможности сети Интернет для размещения материалов, занимающихся апологетикой ваххабизма, а зачастую – разных форм экстремизма и терроризма. Об этом, в частности, говорит тот факт, что в федеральном списке экстремистских материалов присутствует более десяти проваххабитских веб-ресурсов, признанных судебными органами России экстремистскими.¹

Дискурсы, проблематизирующие и депроблематизирующие ваххабизм, находятся в постоянной интеракции, «сталкиваются» друг с другом, конструируя все новые и новые значения в символическом универсуме. Научный анализ особенностей (де-) конструирования ваххабизма как религиозной девиации позволяет понять, как изменяются смыслы, ассоциируемые с ваххабизмом, какие риторические приемы и дискурсивные стратегии используются для негативизации или позитивизации образа ваххабизма, какая риторика превалирует в его описании. В нынешнюю информационную эпоху (термин М. Кастельса), в которой происходит виртуализация социального пространства, основная борьба между сторонниками и противниками ваххабизма будет происходить в пространстве публичных дискурсов, и ее исход будет зависеть от способности каждой из сторон обеспечить эффективную символическую коммуникацию тех или иных идеалов и ценностей. Ярким подтверждением этому являются, в частности, события, произошедшие в Татарстане летом 2012 г. (покушение на муфтия ДУМ РТ и убийство его заместителя), в ходе которых как в традиционных, так и электронных СМИ с новой силой разгорелась полемика между противниками и сторонниками ваххабизма. В целом же, исходя из вышесказанного, выбранная нами для исследования тема представляется весьма актуальной.

Многоаспектность темы (де-)конструирования ваххабизма как девиантной религиозной практики делает необходимым обратиться к нескольким направлениям разработанности данной темы в научной литературе.

Первое направление связано с конструкционистской парадигмой в социологии и представлено работами А. Щюца, П. Бергера и Т. Лукма-

¹ Подр. см.: Федеральный список экстремистских материалов // Российская газета. – 2012. – 25 апреля.

на.¹ В этом же ряду можно выделить некоторые теории, носящие вспомогательный характер и объясняющие механизмы конструирования социальной реальности и особенность конструкционистских процессов в разных социальных институтах. Лингвистические особенности конструирования социальной реальности, например, весьма существенно были проработаны учеными, работающими в сфере дискурс-анализа (Р. Водак, Т. ван Дейк, Н. Фэркло, М. Фуко и др.).²

Такие исследователи, как Дж. Бест, Г. Блумер, Дж. Китсьюз, Д. Ласик, М. Спектор, Дж. Шнайдер заложили основу теории конструирования социальных проблем.³ Специфика конструкционистской деятельности в масс-медиа явилась объектом анализа Р. Бера, Ч. Боска, Ш. Иенгара, М. Маккомбса, С. Хилгартнера, Д. Шоу и др.⁴ Экспертному конструированию социальной реальности посвящены труды Дж. Гасфилда, О. Карпенко, С. Хилгартнера и др.⁵ Среди отечественных исследователей-конструкционистов следует упомянуть Е.Г. Дьякову, Е.А. Здравомыслову, Ж.В. Журавлеву, А.А. Темкину, А.Д. Трахтенберг, И.Г. Ясавеева и др.⁶

¹ См.: Щюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

² См.: Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. – Basingstoke: Palgrave, 2011; Wodak R., Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. – London: Sage, 2009; Van Dijk T.A. News as Discourse. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988; Van Dijk T.A. Discourse and Context. A sociocognitive approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008; Fairclough N. Discourse and Social Change. – Cambridge: Polity Press, 1992; Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. – London: Routledge 2003; Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 416 с. и др.

³ Подр. см.: Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной соци-альной теории: хрестоматия / сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. – Казань, Изд-во Каз. ун-та, 2001; Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности-II / под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд. КГУ, 2001; Loseke D.R. Thinking about social problems: an introduction to constructionist perspectives. – Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003; Schneider J.W. Problems Theory: The Constructionist View // Annual Review of Sociology. – 1985. – Vol. 11. – P.209-229 и др.

⁴ Подр. см.: Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия / пер. с англ.; сост. И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд. Каз. гос. ун-та, 2000. – С.18-53.; McCombs M. E., Shaw D.L. The agenda setting function of mass media // Public Opinion Quarterly. – 1972. – № 36 – P.176-187; Behr R., Iyengar S. Television news, real-world cues, and changes in the public agenda // Public Opinion Quarterly. – 1985. – № 49. – P.38-57 и др.

⁵ См.: Gusfield J.R. The Culture of Public Problems: Drinking-Driving and the Symbolic Order. – Chicago: University of Chicago Press, 1984; Hilgartner S. Science on Stage: Expert Advice as Public Drama. – Stanford: Stanford University Press, 2000; Карпенко О. Как эксперты производят «этнофобию» // Расизм в языке социальных наук / под. ред. В. Воронкова. – СПб: Алетейя, 2002. – С.23-38 и др.

⁶ Подр. см.: Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 130 с.; Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как фе-

Второе направление представлено многочисленными работами, посвященными исследованию социальных девиаций в целом. Среди подобных работ можно упомянуть труды Э. Дюркгейма, Р. Кловарда, А. Козна, Р. Мертона, Л. Олина, И. Ная, Э. Сазерланда, Ф. Трешера и других классиков девиантологии.¹ Среди отечественных авторов существенный вклад в исследование проблем социальных девиаций внесли В.В. Волков, Ю.Ю. Комлев, Л.М. Прокументов, А.Л. Салагаев, Н.Х. Сафиуллин и др.²

Специфичным направлением среди трудов по девиантологии являются те работы, которые рассматривают социальные отклонения в качестве социальных конструктов. Среди работ, которые составили основу конструкционистского подхода к социальным отклонениям, нельзя не упомянуть исследования в рамках теории ярлыков (Ф. Танненбаум, Э. Леммерт, Г. Беккер).³ Непосредственно конструкционистская интерпретация отклоняющегося поведения представлена в целом ряде работ зарубежных (Н. Бен-Йехуда, Н. Вебсдейл, Н. Гуд, Дж. Фаррелл, С. Козн, Р. Ломбардо, Н. Рафтер, В. Сакко и др.)⁴ и отечественных исследовате-

министская теория // Женщина. Гендер. Культура / под ред. З. Хоткиной, Н. Пушкиревой, Е. Трофимова. – М., 1999. – С.46-65; Журавлева Ж.В. ВИЧ-инфекция и СПИД в масс-медиа: конструирование социальной проблемы: автореф... дис. канд.соц. наук: 22.00.06 / Ж.В. Журавлева. – Казань, 2002; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. – 200 с. и др.

¹ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – М., 1994; Cloward R.A., Ohlin L.E. Delinquency and Opportunity: A Theory of Delinquent Gangs. – New York, 1960; Cohen A.K. Delinquent Boys: The Culture of the Gang. – Glencoe, 1960; Мертон П. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. – 1992. – № 2; Nye I. Family Relationships and Delinquent Behavior. – New York, 1958; Sutherland E. Professional Thief. – Chicago, 1937; Thrasher F.M. The Gang: A study of 1313 gangs in Chicago. – Chicago, 1927 и др.

² См.: Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. – М., Изд. ГУ ВШЭ, 2005. – 350 с.; Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения: вопросы теории. – Казань: Изд-во КГУ, 2000. – 160 с.; Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. – Томск: ТГУ, 1993. – 144 с.; Салагаев А.Л. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. – Казань: Экоцентр, 1997. – 158 с. и др.

³ См.: Tannenbaum F. Crime and Community. – New York: Columbia University Press, 1938; Lemert E. M. Social Pathology. – New York: Mcgraw-Hill, 1951; Becker H. Outsiders. – New York: Free Press, 1973.

⁴ См.: Cohen S. Folk devils and moral panics: the creation of the Mods and Rockers – New York: Routledge, 2011; Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: The Social Construction of Deviance. – Oxford: John Wiley and Sons, 2009; Making Trouble. Social Construction of Crime, Deviance and Control / J. Ferrell, N. Websdale (Eds.). – New Brunswick, NJ.: Transaction Publishers, 2009; Lombardo R.M. The hegemonic narrative and the social construction of deviance: the case of the Black Hand // Trends in Organized Crime. – 2010. – Vol.13. – № 4. – P.263-282; Rafter N.H. The Social Construction of Crime and Crime Control // Journal of Research in Crime and Delinquency. – 1990. – Vol.27. – № 4. – P.376-389; Sacco V.F. Media Constructions of Crime // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1995. – Vol.539. – № 1. – P.141-154.

лей (Я.И. Гилянский, А.С. Макаров, П.А. Мейлахс и др.).¹

К *третьему направлению* относятся работы, посвященные непосредственно ваххабизму – его становлению и развитию, доктринальным основам, современному состоянию, а также связи с террористической деятельностью. В рамках этого направления можно выделить исследования зарубежных исследователей Ч. Аллена, Дж. Брачмана, Д. Голда, Н. ДеЛонг-Бас, М. Кука и др.² Что же касается отечественных ученых, то свой вклад в рассмотрение проблематики ваххабизма внесли А.М. Васильев, Х.В. Дзудиев, А. Кудрявцев, А.А. Мантаев и ряд других.³

Анализ научной литературы показывает, что в настоящее время отсутствуют специальные социологические работы, рассматривающие ваххабизм как девиантный социальный конструкт. Несмотря на актуальность проблемы ваххабизма, до настоящего времени практически не проводилось серьезных научных исследований данного социального феномена. Недостаток научного осмысления проблематики ваххабизма мешает ее адекватному восприятию со стороны общества в целом.

Эмпирическую базу данной монографии составили как результаты авторских социологических исследований, так и вторичный анализ данных социологических исследований, проведенных российскими социологами:

- количественно-качественного анализа тематического репертуара, используемого для конструирования ваххабизма в печатных СМИ. Ис-

1 См.: Гилянский Я.И. Конструирование преступности // Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией: сборник научных трудов. – Саратов: Сателлит, 2009. – С.102-112; Гилянский Я.И. Конструирование девиантности. – СПб.: Деан, 2011. – 224 с.; Макаров А.С. Конструирование социальной проблемы подростковой делинквентности в печатных изданиях Республики Татарстан: автореф. дис....канд. соц. наук: 22.00.04. / А.С. Макаров. – Нижний Новгород, 2007; Мейлахс П.А. Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – № 4. – С.135-151.

² См.: Allen C. God's Terrorists: The Wahhabi Cult and the Hidden Roots of Modern Jihad. – London: Abacus, 2007; Brachman J. Global jihadism: theory and practice. – New York: Routledge, 2008. – 212 p.; Gold D. Hatred's Kingdom: How Saudi Arabia Supports the New Global Terrorism. – Washington, DC.: Regnery Publishing, 2004; DeLong-Bas N. J. Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad. – London: Oxford University Press, 2004; Cook M. On the Origins of Wahhabism // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland. – 1992. – Vol.2. – № 2. – P.191-202 и др.

³ См.: Васильев А.М. Пуристане ислама. – М.: Наука, 1967; Дзудиев Х.В., Перщиц А.И. Ваххабиты на Северном Кавказе – религия, политика, социальная практика // Вестник Российской академии наук. – 1998. – Т.68. – № 12. – С.1113; Кудрявцев А. «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3 (9). – Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/sac-09-2000/14_Kudriav.shtml, свободный; Мантаев А.А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2002 и др.

следование охватило все выпуски газет «Известия», «Российская газета» и «Независимая газета» за период 2001-2011 гг.;

- качественного исследования особенностей конструирования ваххабизма экспертным сообществом по комплексной методике, включающей в себя анализ полужформализованных экспертных интервью (N = 16), а также анализ интервью с экспертами, опубликованных в средствах массовой информации (N = 17).

- вторичного анализа глубинных интервью, собранных исследовательской группой под руководством Г.М. Мансуровой в ходе работы над проектом «Исламизация в Республике Татарстан: влияние на социальную стабильность и формирование новых идентичностей молодежи» (1999-2000 гг.) и сравнение выводов, сделанных исследователями по результатам этого проекта;

- качественного анализа контента проваххабитских веб-сайтов, деконструирующих представления о ваххабизме как религиозной девиации.

Автор надеется, что проблемы, поднятые в данной монографии, вызовут интерес и получат дальнейшую проработку в рамках социальных наук.

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА

Краеугольным камнем любого социологического исследования является адекватная методологическая база. Исходя из того, что предметом монографии является (де)конструирование девиантных практик, необходимо обратиться к методологии социального конструкционизма.

Социальный конструкционизм в последние десятилетия стал одним из популярнейших методологических направлений, что позволяет ряду исследователей, в частности Ж.Т. Тощенко, рассматривать его в качестве самостоятельной социологической парадигмы, которая позволяет учитывать «взаимосвязи между макро- и микросоциологией; между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом; между структурно-функциональной и конфликтологической ориентациями». ¹ Более традиционные социологические воззрения рассматривают конструкционистскую методологию в рамках такого общепhilософского направления, как феноменология, которая, в свою очередь, включается в парадигму социальных дефиниций (согласно классификации Дж. Ритцера). ²

Конструкционистская методология отличается двумя особенностями. Во-первых, социальный мир, с точки зрения конструкционизма, предстает как существующий из интерпретаций, смыслов и идей думающих и действующих индивидов (в отличие от объективного представления, согласно которому человеческое существование характеризуется общим набором предзаданных обстоятельств). Вторая особенность связана со способом теоретизирования, предлагаемого учеными-конструкционистами. В конструкционизме объяснение социального мира «сводится» к характеристикам каждого индивида, его сугубо личностным значениям и интересам (индивидуалистическое объяснение, в отличие от холистического подхода, объясняющего социальные образования в форме либо общности их идей, либо материальных условий). Конструкционизм, таким образом, ставит своей задачей понимание индивидуальных и интересубъективных смыслов и мотивов; человек здесь предстает как коммуникативный агент, активно создающий и конструирующий социальный мир. ³

¹ Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С.6.

² Подр. см.: Ritzer G. *Sociology: A Multiple Paradigm Science*. – Boston: Allyn and Bacon, 1975. – P.119-124.

³ См.: Блюдина У. Молодежные культуры, масс медиа и феномен «моральных паник» // Другое поле: Социологические практики / под ред. Е. Омельченко. – Ульяновск: Средневожжский научный центр, 2000. – С.53.

Несмотря на то, что основные идеи конструкционистского подхода почерпнуты из работ социального философа А. Шюца,¹ а некоторые тезисы схожи с постулатами теоремы Томаса («Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям»)² и концепцией самоисполняющегося пророчества Р. Мертон («Неправильное понимание ситуации, которое обуславливает поведение, делающее изначально-неверное предположение истинным»),³ рассмотрение его основных положений мы начнем с классического труда П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания».⁴

Прежде всего, теория Бергера и Лукмана говорит о том, что конструирование социальной реальности – это лингвистический процесс, ключевую роль в котором играет языковой тезаурус, означающий разнообразные объекты. Ученые пишут: «Язык, используемый в повседневной жизни, постоянно предоставляет мне необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретают смысл и значение и эти объективации, и сама повседневная жизнь. Я живу в географически определенном месте; я пользуюсь инструментами от консервного ножа до спортивных автомобилей, – которые указаны в техническом словаре моего общества; я живу в переплетении человеческих взаимосвязей... которые тоже упорядочены посредством словаря».⁵

По мнению авторов теории, любой индивид участвует в процессе типизации социального мира, который позволяет группировать и выделять социальные объекты по различным признакам («мужчина», «европеец», «покупатель» и т.д.), причем в сумме эти типизации составляют социальную структуру. Видами типизации являются объективизация (примеры разделения на классы, которые становятся достоянием иных индивидов) и сигнификация, т.е. создание обозначений, которые в дальнейшем группируются в системы и становятся объективно доступными.⁶

Общество, как считают Бергер и Лукман, имеет субъективно-объективную природу, которая основана на трех элементах: экстернализации (превращение индивидуального опыта в групповой); объективизации (превращения групповой деятельности в «объективный социум»); интернализации (превращение объективного социума в виде «объектив-

¹ Подр.см.: Шюц А. Смысловое содержание социального мира // Избранное: Мир, священный смыслом. – М.: Росс. полит. энцикл., 2004. – С.687-1006.

² Подр. см.: Thomas W.I., Thomas D.S. The child in America: Behavior problems and programs. – New York: Knopf, 1928. - P. 571-572.

³ Подр. см.: Merton R.K. Social Theory and Social Structure. – New York: Free Press, 1968. – P.477.

⁴ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

⁵ См.: Там же. – С.41-42.

⁶ См.: Там же. – С.57-62.

ного опыта» в субъективную реальность индивида), которые находятся в постоянной взаимосвязи.¹

Конструирование социальной реальности происходит посредством того, что типизации символически фиксируются и передаются от поколения к поколению через их хабиитуализацию, т.к. «действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий ... как образец его исполнителем».

Далее в действие включается механизм институционализации с последующим эффектом легитимизации сконструированного института, который начинает в последствии восприниматься как часть «объективной реальности». Бергер и Лукман пишут: «Типизации опривыченных действий, составляющих институты, всегда разделяются; они доступны для понимания всех членов определенной социальной группы, и сам институт типизирует как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия. Институт исходит из того, что действия типа X должны совершаться деятелями типа X».²

Сохранение институционального порядка во временном континууме зависит от его легитимизации – он требуется для оправдания институционального порядка через придание нормативного характера его практическим императивам.³ «Легитимация создает новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже свойственны различным институциональным процессам. Функция легитимации заключается в том, чтобы сделать объективно доступными и субъективно вероятными уже институционализированные объективации «первого порядка»,⁴ т.е. обыденные представления о реальности. Легитимизация тесно связана не только с проблематикой «ценностей», но и проблематикой «знания», т.к. объяснение различных норм и правил основывается на знании базовых феноменов, лежащих в их основе (например, запрет на инцест предполагает знание степеней родства).⁵

В рамках конструкционистской методологии существует несколько направлений, различия в которых продиктованы отношением к статусу объективной реальности. В частности, такое направление, как радикальный конструкционизм (П. Ватцлавик, Х. фон Фёрстер, Э. фон Глазерсфельд), которое зародилось в рамках теории познания, вообще отрицает наличие объективной реальности. Как отмечает А.В. Кезин,

¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – С. 90.

² См.: Там же. – С.92.

³ См.: Там же. – С.152.

⁴ См.: Там же. – С.150.

⁵ См.: Там же. – С.152-153.

«радикальный конструктивизм занимает явно и даже нередко эпатажно выраженную антиреалистическую позицию. Ее суть состоит в отказе от каких-либо суждений по поводу объективного мира, понимании познания не как репрезентации объективного мира, а как конструктивной деятельности нейрофизиологических механизмов, в ходе которой создается, конструируется единственно доступная для нас феноменальная действительность».¹ Характерными чертами радикального конструкционизма являются антиреалистическая установка в теории познания – отказ от каких-либо суждений об объективной реальности, понимание познания как конструктивной деятельности человеческого мозга, постулирование относительности и субъективности любого научного знания, а также мировоззренческий плюрализм – признание множества различных равноправных версий реальности, т.к. вера в существование одной единственной реальности представляется опасным заблуждением.²

Направление, зародившееся в рамках теории конструирования социальных проблем и носящее название «строгий конструкционизм» (М. Спектор, Дж. Китсьюз), не отрицает существование объективной реальности, как это делают сторонники радикального конструкционизма, но при этом не принимает ее существование в расчет. Концентрируя внимание на процессе выдвигания т.н. условий-требований (claims-making) как составной части проблематизации ситуаций, сторонники строгого конструкционизма говорят о том, что «недовольство ... выражается в отношении условия, предположительно существующего, а не в отношении условия, существование которого мы, как социологи, хотели бы верифицировать или удостоверить. То есть, сосредоточиваясь на процессе выдвигания утверждений-требований, мы оставляем в стороне вопрос о том, являются эти утверждения верными или ошибочными... Мы не касаемся того, существует или нет предполагаемое условие».³ Иначе говоря, вопрос об объективном существовании некоторых условий в рамках данной теории не ставится.

Сторонники умеренного конструкционизма настаивают на том, что необходимо различать т.н. грубые и институциональные факты. Первые представляют собой различные физические, биологические и прочие данности, существующие объективно, тогда как вторые являются про-

¹ Кезин А.В. Радикальный конструктивизм: познание в «пещере» // Вестник Московского университета. Серия «Философия». – 2004. – № 4. – С.3.

² См.: Побережный А.А. Идеи радикального конструктивизма в контексте современной духовной культуры: автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: специальность 09.00.08. – М., 2007. – С.20-21.

³ Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности-II / под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд. КГУ, 2001. – С.161.

изводными от культуры и социума. Как отмечает Дж. Серль, «грубые факты существуют независимо от любых человеческих институтов, тогда как институциональные факты могут существовать лишь в рамках человеческих институтов. Грубые факты нуждаются в институте языка, который позволяет эти факты озвучивать, хотя, при этом, они существуют вне зависимости от института языка или любого другого института. Утверждение о том, что Солнце расположено на расстоянии девяноста трех миллионов миль от Земли, требует наличия института языка и института измерения расстояния в милях, однако сам факт того, что существует некое расстояние между Солнцем и Землей, существует независимо от каких-либо институтов. Институциональные факты, в противоположность этому, требуют наличия специальных человеческих институтов для своего существования».¹ Критикуя методологические допущения радикального конструкционизма, Серль утверждает, что институциональные факты логически зависят от грубых фактов, поэтому отказ от признания реальности последних «запирает» исследователя в бесконечный замкнутый круг институциональных фактов, зависящих друг от друга.²

В рамках умеренного конструкционизма наиболее известной является концепция контекстуального конструкционизма, авторство которой принадлежит Дж. Бесту. Эта теория возникла в результате академической полемики в рамках теории социального конструирования проблем и является ответом на попытки абстрагирования от социального контекста, с одной стороны, и представления конструирования социальных проблем в качестве фальсификационной деятельности («теория фальсификации») – с другой. Вот как пишет о своей версии конструкционизма сам Дж. Бест: «Контекстуальные конструкционисты сохраняют сосредоточенность на процессе выдвижения утверждений-требований и, тем не менее, признают возможным существование некоторых допущений о социальных условиях... контекстуальные аналитики утверждают, что такие допущения позволяют разместить утверждения-требования в их социальном контексте. При исследовании ряда вопросов этот контекст может не играть особой роли... Тем не менее, знание социальных условий может помочь объяснить, почему возникают определенные утверждения-требования».³

Понятие «контекст» в этой версии конструкционизма не относится к «грубым фактам»: «всякое утверждение о социальных условиях яв-

¹ Searle J. The Construction of Social Reality. – New York: Free Press, 1995. – P.28.

² См.: Ibid. – P.56.

³ Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности-II / под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд. КГУ, 2001. – С.167-168.

ляется социальной конструкцией... Контекстуальные конструкционисты утверждают, что всякое утверждение-требование можно оценить. Эта оценка может быть основана на различного рода данных, таких, как данные официальной криминальной статистики или опросов общественного мнения, которые, в свою очередь, являются социальными конструкциями – продуктами организационной практики департаментов полиции, служб, проводящих опросы общественного мнения, и т.д. Контекстуальные конструкционисты допускают с разумной долей уверенности, что они могут обладать знанием социальных условий. Они признают социально конструируемую природу уровней преступности и другой информации о социальных условиях, но допускают, что такая информация может быть использована для описания (пусть несовершенно) того контекста, в котором происходит выдвижение утверждений-требований».¹

На наш взгляд, наиболее оптимальной версией конструкционизма является его контекстуальный вариант – именно на эту версию мы будем ориентироваться в своем исследовании.

В дальнейшей нашей работе по формулированию методологических основ исследования мы будем руководствоваться дедуктивным принципом «от общего – к частному». Если рассматривать конструкционизм как концептуальную методологическую основу, объясняющую наиболее общие принципы социального конструирования реальности, то на следующих (вспомогательных) уровнях методологического «каркаса» исследования находятся частные теории, объясняющие отдельные аспекты конструкционизма применительно к конкретным предметам исследования.

Среди частных теорий можно выделить те, которые имеют статус «технических», т.е. объясняют механизмы, лежащие в основе конструкционистского процесса. Остальные частные теории могут быть названы «специальными», т.к. они объясняют специфику конструкционизма с точки зрения различных социальных институтов, например, особенности конструирования реальности в пространстве публичных дискурсов (масс-медиа, экспертное сообщество и т.д.).

К «техническим» теориям социального конструкционизма, безусловно, можно отнести различные теории дискурса. Связано это с тем, что с процессуальной точки зрения конструирование социальной реальности представляет собой лингвистическую деятельность,² а исследова-

¹ Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности-II / под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд. КГУ, 2001. – С.168-169.

² Подр. см.: Бергер П. Социальное конструирование реальности..., С.67.

ние социальной реальности имеет дело с изучением лингвистических продуктов, в частности, текстов или устной речи. Понятие «дискурс» весьма многогранно. Как пишет У. Майнхоф, «дискурс скорее затрагивает значение высказываний, нежели «предложения», он тяготеет к прагматике, хотя лингвистическая прагматика не может служить исчерпывающим объяснением всех аспектов дискурса. В силу этого концепции дискурса варьируются от наиболее узкого текстуально-лингвистического описания, согласно которому определение дискурса сводится к «связному языковому высказыванию, большему, чем предложение» (письменному или устному, исходящему от одного индивида или от нескольких), до макроконцепций, в которых предпринимается попытка теоретического определения идеологических кластеров – «дискурсивных формаций»), систематизирующих знание и опыт и подавляющих (в силу своего господствующего положения) альтернативные дискурсы».¹

Различные подходы к определению дискурса связаны с тем, что в настоящее время существует множество школ и подходов к его исследованию, а ситуация усложняется еще и тем, что сам концепт «дискурс» является междисциплинарным.² Анализ научной литературы по данной теме показывает, что исследования, связанные с дискурсивным анализом медиа-текстов, экспертных высказываний, политической риторики, парламентских дебатов и т.д., чаще всего выполняются в рамках четырех основных подходов, которые трактуют дискурс более широко по сравнению с трактовками, воспринимающими дискурс на уровне отдельного высказывания.³ К указанным подходам относятся:

1. Социокогнитивная модель дискурса Т. ван Дейка.
2. Дискурс-анализ Н. Фэркло.
3. Социолингвистический подход к дискурсу Р. Водак.
4. Теория дискурса Ш. Лакло и Э. Муфф.

Социокогнитивная модель дискурса Т. ван Дейка фокусируется на связи между человеческим разумом (в частности, кратковременной и долговременной памятью), дискурсивными интеракциями и обществом. Важным дополнением к дискурсу в форме текста или речи, по мнению Т. ван Дейка, выступает контекст (или контекстуальная модель), который определяется как динамическая модель субъективной ментальной репрезентации участников дискурсивного взаимодействия,

¹ Майнхоф У. Дискурс // Контексты современности-II / под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд. КГУ, 2001. – С.23.

² Подр. см.: Русакова О.Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // Политическая экспертиза. – 2006. – Т.2. – № 3. – С.191-212.

³ Классификации подходов к понятию дискурса см.: Серю П. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С.26-27.

связанная с текущими характеристиками коммуникативной ситуации.¹ Из данного определения видно, что ван Дейк трактует контекст более узко и индивидуально по сравнению с традиционным конструкционистским пониманием контекста как определенных (более широких) социальных условий. Кроме того, другим, не менее важным, выводом ван Дейка является тезис о субъективной природе контекста: в своей более ранней работе по социокогнитивной теории дискурса он прямо называет контекст «конструктом участников» дискурсивного взаимодействия, наличие которого можно определить лишь по его последствиям.²

Ментальная «дефиниция ситуации» контролирует адекватную адаптацию производства и понимания дискурса в социальном пространстве. Контекстуальная модель выступает в качестве посредника между дискурсивными и социальными структурами. Кроме того, важное значение имеет и культурно-историческое измерение этой интеракции (культурные вариации и их историческое изменение).³ Таким образом, связь между «текстом» и «контекстом» реализуется с помощью контекстуальной модели, которая представляет собой ментальную модель, находящуюся в эпизодической памяти индивида и которая призвана служить цели адаптации индивидуального дискурса к социальным условиям, чтобы дискурс был социально-приемлемым.⁴

Отличительной особенностью социокогнитивной теории дискурс-анализа Т. ван Дейка является тщательная авторская проработка методики анализа дискурсов как текстуального, так и речевого характера, которая приводится в целом ряде его книг и статей.⁵ Судя по примерам в этих работах, свой анализ Т. ван Дейк начинает с анализа контекста, т.к., по его мнению, адекватно понять дискурсы можно только в том случае, если есть понимание контекста.⁶

Вторым этапом дискурс-анализа является выделение совокупности тем, образующих макро-структуру дискурса. Ван Дейк отмечает, что темы – это основное отображение глобальных дискурсов, которые «заклучают в себе (субъективно) наиболее важную информацию

¹ См.: Van Dijk T.A. *Critical Discourse Studies: A sociocognitive Approach // Methods of critical discourse analysis / R. Wodak, M. Meyer (Eds.). – London: Sage, 2009. – P.65-66.*

² Подр. см.: Van Dijk T.A. *Discourse, context and cognition // Discourse Studies. – 2006. – № 8 – P.163-164.*

³ См.: Van Dijk T.A. *Critical Discourse Studies: A sociocognitive Approach... – P.66.*

⁴ См.: *Ibid.* – P.73.

⁵ См. напр.: Van Dijk T.A. *Discourse analysis: Its development and application to the structures of news // Journal of Communication. – 1983. – Vol.33. – № 2. – P.20-43; Van Dijk T.A. Elite Discourse and Racism. – London: Sage, 1993; Van Dijk T.A. News as Discourse. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988 и др.*

⁶ См.: Van Dijk T.A. *Critical Discourse Studies: A sociocognitive Approach... – P.67.*

дискурса, выражают общий «контент» ментальных моделей событий, и, что наиболее важно, они репрезентируют значения или информацию о дискурсе, которую большинство читателей запомнит наилучшим образом. С точки зрения дискурсов, темы характерным образом выражаются в заголовках, аннотациях, резюме и анонсах».¹

Третий этап заключается в анализе локальных значений – таких, как «значения слов...структура и природа предложений, состыковка и другие связи между предложениями, такие как подтекст, предпосылки, уровни описания, уровни детализации и т.д.».² Причина этого, пишет ван Дейк, в основном контекстуальна: «локальные значения являются функцией выбора, который делается ораторами / писателями в их собственных ментальных моделях событий, или же в их более общем знании и идеологии. В то же время они являются видами информации, которая непосредственно влияет на ментальные модели, и, следовательно, на мнения реципиентов».³

И, наконец, четвертый этап, предполагает исследование семантических особенностей текста или речи, которые труднее контролируются в процессе их производства, например, интонации, синтаксических структур, структуры предложений, риторических оборотов, характеристик речи (повторы, исправления, паузы, выражения неуверенности и т.д.). По мнению ван Дейка, «подобные формы прямо не выражают лежащие в основе значения и, следовательно, убеждения, а, скорее, сигнализируют «прагматические» свойства коммуникативного события, такие, как намерение, текущее эмоциональное состояние говорящего, его видение тех вещей, о которых он говорит, мнение об иных участниках коммуникации, и интеракционные ожидания, такие, как положительная самопрезентация и формирование впечатлений. Таким образом, мужчины могут скрывать свое негативное мнение о женщинах, или белые о черных, но косвенным образом их идентичность может быть раскрыта такими незаметными характеристиками разговора или невербальными свойствами коммуникативного события (жесты, выражение лица, телесные позы, дистанция общения и пр.)».⁴

Следует также отметить заслугу Т. ван Дейка в разработке такого важного аспекта, связанного с темой нашего исследования, как взаимосвязь дискурса и властных отношений. Ван Дейк пишет: «Я в основном определяю социальную власть в терминах управления, которое осуществляет одна группа в отношении других групп и их членов... Если

¹ См. : Van Dijk T.A. Critical Discourse Studies: A sociocognitive Approach... – P.68.

² См.: Ibid. – P.69.

³ См.: Ibid.

⁴ См.: Ibid. – P. P.72.

при этом используются коммуникативные действия, то есть дискурс, мы имеем дело с более частным видом управления – управлением дискурсом других людей, что является одним из наиболее очевидных способов взаимосвязи дискурса и власти: люди не могут свободно говорить или писать когда, где, кому, что и как захотят, и они при этом частично или полностью контролируются властными группами, такими, как государство, полиция, масс-медиа или бизнес-корпорации, заинтересованные в подавлении свободы (обычно критических) текстов и речи».¹ По мнению ученого, «управление осуществляется не только в отношении дискурса как социальной практики, но и в отношении сознания управляемых, то есть в отношении их знания, мнений, отношений, идеологии, а также личных или социальных репрезентаций. В целом, управление сознанием является непрямым, подразумеваемым, возможным или вероятным следствием дискурса. Те, кто управляет дискурсом, могут косвенно управлять сознанием людей. А поскольку действия людей контролируются их сознанием (знаниями, отношениями, идеологией, нормами, ценностями), управление сознанием означает также косвенное управление действиями».²

Каковы же механизмы реализации властных отношений посредством дискурса? По мнению ван Дейка, в первую очередь власть осуществляется через управление контекстом: «первым шагом в управлении дискурсом является управление его контекстом. Например, властные элиты или организации могут решать, кто, когда, где и с какими целями будет участвовать в том или ином коммуникативном событии».³ Примерами этого является отбор новостей, выбор экспертов для интервью, использование пресс-релизов определенных информационных агентств.⁴

Во-вторых, подобные отношения реализуются через управление дискурсом («как структуры самого дискурса становятся предметом управления: что (от глобальных тем до локальных значений) может или должно быть высказано и как должно быть сформулировано (с помощью каких слов, насколько детально и точно, в каких формах предложений, насколько должна присутствовать предыстория, и т.д.)? А также какие речевые или другие коммуникативные акты должны или могут быть наполнены такими дискурсивными значениями или формами, и как эти акты организованы в социальном взаимодействии?»⁵).

¹ Ван Дейк Т.А. Дискурс и доминирование // Современный дискурс-анализ. – 2009. – Вып.1. – №1. – С.14, 15.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

⁴ См. Там же.

⁵ См.: Там же. – С.16.

И, в-третьих, властные отношения проявляются в управлении сознанием. Ван Дейк пишет: ««Управление сознанием» имеет отношение не только к пониманию текстов и речи, но также и к личному и социальному знанию, предыдущему опыту, личным мнениям и социальным установкам, идеологиям, ценностям и нормам и прочим факторам, играющим определенную роль в изменении сознания индивида. Как только мы разберёмся в сложнейших когнитивных репрезентациях и процессах, мы сможем показать, например, как расистские сообщения об иммигрантах приводят к формированию или воспроизводству предубеждений и стереотипов, которые в свою очередь могут приводить к формированию системы расистских идеологий или контролироваться ими, а они, соответственно, – воспроизводить расистские тексты, что, в итоге, приводит к дискурсивной репрезентации расизма».¹

Теория дискурс-анализа Н. Фэркло – одного из родоначальников критического дискурс-анализа, основывается на ряде элементов. Фэркло пишет, что «связь между социальными структурами и социальными явлениями нуждается в категориях-посредниках – к ним я отношу «социальные практики», означающие относительно устойчивые формы социальной деятельности, которые совместно артикулируются для образования социальных пространств, институтов и организаций. На каждом уровне присутствует семиотическое измерение. Языки, равно как и иные семиотические системы, представляют собой определенный тип социальной структуры. Я использую термин «порядок дискурса», разработанный Фуко... для семиотического измерения артикулированных сетей социальных практик... Я использую термин «текст» в более расширенном виде для семиотического измерения социальных явлений – письменные документы и правительственные веб-сайты являются текстами в этом значении, равно как и интервью и встречи в правительственных и бизнес-организациях... Термин «текст» не совсем удачен, т.к. трудно отделаться от первичной ассоциации с письменными документами, хотя трудно найти более предпочтительный общий термин».²

По мнению Фэркло, можно выделить три плана выражения дискурса:

1. дискурс как часть социальной деятельности в рамках социальной практики, предполагающей, например, использование языка определенным образом;

2. дискурс, выражающийся в репрезентациях. Ученый отмечает, что «социальные агенты в любой социальной практике производят репре-

¹ См.: Ван Дейк Т.А. Дискурс и доминирование // Современный дискурс-анализ. – 2009. – Вып.1. – №1. – С.14.

² Fairclough N. Critical discourse analysis // Marges Linguistiques. – 2005. – Vol.9. – P.77.

зентации других практик, а также «рефлексивные» репрезентации их собственной практики (т.е. той, в поле которой они находятся в конкретный период). Они «реконтекстуализируют» другие практики... т.е., они инкорпорируют их в собственную практику. А это значит, что различные агенты будут репрезентировать практики различным образом в зависимости от того, как они позиционируют себя в собственной практике. Репрезентация есть процесс социального конструирования практик, включающий также рефлексивное самоконструирование – репрезентации вторгаются в социальные процессы и практики и придают им форму»;

3. дискурс, выражающийся в образах жизни, в утверждении идентичностей (любой образ жизни представляет семиотический конструкт).¹

Исходя из этого, Фэркло заключает, что «дискурсы – это различные репрезентации социальной жизни, которые по своему существу являются позиционируемыми – различные позиции социальных агентов позволяют им различным образом «видеть» и репрезентировать социальную жизнь в различных дискурсах. Например, жизнь бедных и малообеспеченных людей репрезентируется в различных дискурсах в социальных практиках правительства, политики, медицины, социальной науки, а также в различных дискурсах в рамках каждой из этих практик в зависимости от различных социальных позиций социальных агентов. И наконец, дискурс как часть образа жизни конституирует стили – например, стиль менеджера, стиль политического лидера».²

Особенностью «порядка дискурса», как полагает Фэркло, является доминирование: «некоторые способы создания значений являются доминирующими или «мейнстримовыми» в определенном порядке дискурса, другие же являются маргинальными, или же «альтернативными».³

Безусловно интересным является и вывод Фэркло о диалектике дискурса, который может быть выражен формулой «действие → его репрезентация в дискурсе → изменение в самом действии». Вот как описывает диалектику дискурса сам автор: «люди не только действуют и взаимодействуют в сетях социальных практик, они также интерпретируют и репрезентируют себе и другим то, что они делают, и эти интерпретации и репрезентации оформляют и переоформляют то, что они делают. Более того, ... действия людей постоянно интерпретируются и репрезентируются другими, в том числе различными категориями экспертов ... и академическими учёными... Это означает, что способы

¹ Фэркло Н. Диалектика дискурса [Электронный ресурс] // Современный дискурс анализ. – 2009. – Вып.1. – Режим доступа: http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf, свободный.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

(взаимо)действия и образы жизни (в том числе и дискурсные аспекты, жанры и стили) репрезентируются в дискурсах, которые могут способствовать производству новых представлений, которые в свою очередь могут быть предписаны или навязаны. Круг замыкается; так развивается диалектика, вызывающая перемещения между различными социальными элементами, движения от материального к нематериальному, перемещения между дискурсами, жанрами, стилями».¹

С методической точки зрения анализ дискурсов по Фэркло довольно сложный. Это связано с тем, что, во-первых, ученый предлагает исследование не только текстов и интертекстуальных взаимовлияний, но и более широких социальных практик, в т.ч. условий производства этого текста, а также порядка дискурса в целом. Во-вторых, исследование текстов предполагает и исследование его интерпретаций со стороны аудитории, что предполагает масштабные исследования с применением психолингвистических и культурологических методов.²

Социолингвистический подход к дискурсу Р. Водак, разработанный в рамках Венской школы критического дискурс-анализа, рассматривает социо-лингвистику дискурса как направление, предназначенное для исследования текста и контекста, и которое признает за ними обоими равную значимость. Как пишет Водак, данный подход «способен идентифицировать и описать механизмы, лежащие в основе дискурсивного беспорядка, включенного в определенный контекст (например, структура и функции медиа, такие институты, как больницы и школы), которые влияют на коммуникативный процесс».³ По мнению Водак, важность контекста для понимания дискурса трудно переоценить: ее исследования дискурсов антисемитизма в начале 1990-х показали, что дискурсивный контекст обладает существенным значением для понимания структуры и функций антисемитских высказываний.⁴

Спецификой социолингвистического подхода Водак является метод, получивший название дискурсивно-исторического. Данный метод, в отличие, например, от социокогнитивного подхода Т. ван Дейка, предполагает необходимость «систематически интегрировать всю имеющуюся фоновую (background) информацию для анализа и интерпретации множества слов письменного и устного текстов».⁵

¹ Фэркло Н. Диалектика дискурса [Электронный ресурс] // Современный дискурс анализ. – 2009. – Вып. 1. – Режим доступа: http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf, свободный.

² Подр.см.: Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – С.100-147.

³ Wodak R. Orders of Discourse. – New York: Addison Wesley Longman, 1996. – P.3.

⁴ Подр.см.: Wodak R. Wir sind alle unschuldige Tater! Diskurshistorische Studien zum Nachkrieg-santisemitismus. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.

⁵ Wodak R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // Handbook of Pragmatics

Каким образом работает выявленная Водак «историчность» дискурсов? Ученый отмечает, что «при получении новой информации ..., понимание направляют ментальные репрезентации, именно ментальные модели способствуют связи вновь полученной информации с уже известной. По причине различных убеждений и систем знаний тексты новостей понимаются и запоминаются избирательно, что зависит от когнитивных фреймов определенной социальной группы. Данные выводы были получены в результате следующего эксперимента: мы попросили группу людей изложить наиболее важную информацию после прослушивания текстов новостей... Новости в изложении опрошенных всегда были связаны с их личным опытом, а комментарии к ним – с собственным видением их дальнейшего развития. Это объясняет, почему люди приходят к различным умозаключениям, получая одну и ту же информацию. Пересказ новостей в значительной степени также зависел от фоновых знаний, мнений и предвзятых стереотипов, то есть информация была сформулирована в рамках существующих в сознании говорящих моделей отображения стереотипной ситуации».¹ Водак добавляет: «нами предложена модель производства и понимания текста, которая включает несколько параметров: знание и опыт (то есть когнитивные структуры: фреймы, схемы и сценарии...), влияющие на производство и декодирование дискурса, жанров, текстов, авторы и целевая аудитория которых имеют возрастные, гендерные, социальные и другие различия. Кроме того, мы рассматриваем производство и понимание текста как рекурсивные процессы, для которых характерна не только постоянная обратная связь с ментальными моделями, хранящимися в кратковременной и долговременной памяти, но и обновление этих моделей. Процессы обновления информации неразрывно связаны с систематическими, сознательными и подсознательными стратегиями (в настоящее время, мы бы назвали этот процесс отбором релевантной информации...).»²

Для нашего исследования (де)конструирования девиантных практик особенно интересны выводы, полученные Р. Водак в связи с изучением антисемитизма. Отмечая, что антисемитские убеждения имеют различные исторические корни в разных странах, автор эмпирически приходит к, казалось бы, парадоксальному выводу: «человек может никогда не встречаться с евреями и не иметь отрицательного опыта взаимодействия с ними, но иметь о них негативное суждение. Опросы общественного

Manual / J. Verschuren, J. Ostman, J. Blommaert (Eds.). – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. – P.204-210.

¹ Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19. – С.111.

² См.: Там же. – С.111-112.

мнения говорят о том, что антисемитские настроения более сильны и распространены, в том случае, если отсутствуют контакты с представителями данной социальной группы. Представления, предположения и воображение, основанные на фольклоре и предрассудках, передаваемых из поколения в поколение, хранятся как ментальные модели и коллективные установки».¹

Интересна и такая авторская находка, как выявление исторического изменения различных негативных суждений, которые со временем превращаются в т.н. концептуальные фреймы – термины, понятные вне контекста: «[негативные] термины были «приспособлены» к новым контекстам, их эксплицитные расистские/антисемитские смыслы легко превратились в понятные для говорящих/читающих/слушающих намеки, основанные на коллективном знании. Значение и использование «East coast», по-видимому, аллюзия на «могущественных еврейских лобби в Нью-Йорке» – явный тому пример. Вначале этот термин эксплицитно использовался в словосочетаниях, выражающих антисемитские настроения автора, затем в австрийском дискурсе стал употребляться самостоятельно, вне контекста. В терминах когнитивной лингвистики выражение «East coast» приобрело статус концептуальной метафоры, фрейма».²

Теория дискурса Ш. Лакло и Э. Муффа претендует на звание мета-теории дискурса, с помощью которой можно изучать любые социальные феномены. Основопологающей идеей теории дискурса Лакло и Муффа, основанной на сочетании теорий марксизма и структурализма, является то, что социальное явление никогда не бывает законченным или полным и поэтому абсурдно говорить о том, что оно может быть «зафиксировано» – подобная «фиксация» может носить исключительно условный характер. Под дискурсом Лакло и Муфф понимают совокупность фиксированных значений в пределах специфической области, которая состоит из знаков – «узлов». По мнению ученых, понять дискурс можно только благодаря подобным «узлам», т.к. каждый дискурсивный знак фиксируется как момент по отношению к иным знакам. Дискурс пытается зафиксировать значения тех знаков, которые пока не зафиксированы и имеют множество значений (т.н. элементы), т.е. превратить их в «моменты». При этом подобный процесс никогда не завершается.³

Лакло и Муфф делают, таким образом, вывод о том, что цель дискурса – устранение двусмысленности, за счет превращения «элементов»

¹ Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19. – С.114.

² См.: Там же. – С.113.

³ См.: Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – С.54-59.

в «моменты». Однако в этом же и кроется изменчивая природа дискурса, поскольку всегда существуют другие потенциальные значения, которые, участвуя в специфических артикуляциях, могут преобразовать структуру дискурса. Это говорит о том, что дискурс – это «временная закрытость», поэтому ученые заключают, что всегда будет место для борьбы за то, какой будет структура, какие дискурсы будут в ней преобладать, и какое значение будет приписано отдельным знакам.¹

С методической точки зрения Лакло и Муфф предлагают следующую структуру дискурс-анализа:

1. выявление значений, устанавливаемых артикуляциями при речевых высказываниях;
2. выявление значений, исключаемых подобной артикуляцией;
3. выявление того, какие дискурсы являются основой той или иной артикуляции и какие дискурсы эти артикуляции воспроизводят / трансформируют;
4. выявление «узловых точек» и альтернативных способов их определения со стороны дискурсов;
5. выявление борьбы вокруг значений.²

Нетрудно заметить, что теория дискурса Лакло и Муфф довольно точно описывает дискурсивную природу (де)конструирования девиаций. Любые социальные объекты, в интерпретации Лакло и Муфф, предстают в качестве дискурсивных пространств с «узловыми точками», за которые идет борьба дискурсов нормы (фиксация значений «нормального / приемлемого / понятного») и девиации (фиксация значений «аномалии» / отклонения). Изменения социальных объектов и пространств артикулирует появление новых «узловых точек» (новых социальных феноменов, нуждающихся в сигнификации с позиции нормы/девиации), вокруг которых также разгорается «дискурсивная борьба».

Далее перейдем к анализу специальных теорий в рамках нашей методологии. Первая теория, на которой мы не можем не остановиться, это теория конструирования социальных проблем. Основная идея данной теории заключается в отказе от традиционной трактовки социальных проблем как «объективных» социальных явлений в пользу их понимания в качестве риторики.³ В рамках теории конструирования социальных проблем существуют два направления, которые были нами рассмотрены выше – «строгий» конструкционизм (М. Спектор, Дж. Китсьюз)

¹ См.: Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – С.61-62.

² См.: Там же. – С.62.

³ См.: Ясавеев И.Г. Конструкционистский подход к социальным проблемам // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – Т.2. – №4. – С.533-537.

и «контекстуальный» конструкционизм (Дж. Бест). Сторонники конструкционистского понимания природы социальных проблем акцентируют внимание на деятельности различных индивидов и групп по выдвиганию т.н. условий-требований, т.е. риторической проблематизации определенных ситуаций, воспринимаемых ими в качестве проблемы. М. Спектор и Дж. Китсьюз пишут: «Деятельность по выдвиганию претензий, недовольства или требований изменения составляет сущность того, что мы называем социально-проблемной деятельностью. Определения условий как социальных проблем конструируются членами общества, которые пытаются привлечь внимание к ситуациям, находимым ими невыносимыми, и которые стараются мобилизовать существующие институты для того, чтобы сделать что-нибудь в отношении этих ситуаций. Выдвижение утверждений-требований всегда есть форма взаимодействия: требование одной стороны от другой, чтобы что-то было сделано в отношении некоторого предполагаемого условия. Выдвижение утверждений-требований включает в себя ответы на вопросы анкет, подачу жалоб, предъявление судебных исков, созыв пресс-конференций, написание писем протеста, принятие резолюций, выступления с публичными разоблачениями, публикацию в газетах заявлений, поддерживающих некоторые правительственные действия или оппозиционных по отношению к ним, проведение пикетов и бойкотов».¹

Другая теория, которая также заслуживает нашего внимания, – это концепция «публичных арен», предложенная С. Хилгартнером и Ч.Л. Боском. По мнению авторов, в условиях ограниченной пропускной способности медийных ресурсов (газетных площадей, времени телеэфира, личного времени политиков, экспертов, ученых и пр.) лишь некоторые социальные проблемы могут получить внимание аудитории, и поэтому между ними имеет место конкуренция за доступ к общественному вниманию. Ученые пишут: «Утверждения о социальных проблемах... выбирают какую-либо интерпретацию реальности из множества возможных... социальные проблемы конкурируют одновременно на двух уровнях. Во-первых, в рамках каждой самостоятельной арены могут конкурировать различные варианты определения ситуации, стремящиеся к тому, чтобы быть принятыми в качестве авторитетной версии реальности... Во-вторых, значительное число проблем – от беременности в юном возрасте и профессиональных заболеваний до нехватки донорских органов – конкурируют друг с другом за общественное внимание, при этом в ходе сложного процесса отбора устанавливаются приорите-

¹ Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности-II / под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд. КГУ, 2001. – С.161.

ты – что следует считать важным».¹

В результате своего анализа Хилгартнер и Боск делают вывод, что «пропускная способность ограничивает размер политической и социальной повестки дня. Другими словами, число социальных проблем определяется не числом вредных или опасных ситуаций и условий, существующих в обществе, а пропускной способностью публичных институтов... за исключением того случая, когда пропускная способность институциональных арен увеличивается, рост одной социальной проблемы имеет тенденцию сопровождаться упадком одной или нескольких других».²

Какие же проблемы имеют все шансы попасть в повестку дня? Как считают ученые, это те проблемы, которые отвечают критериям драматичности, новизны, культурных акцентов и политических пристрастий. Кроме того, появление проблем на публичных аренах связано и с локальными факторами, например, организационным характером публичных арен.³ В то же время любая проблема, попадающая в повестку дня, находится в опасности упадка и вытеснения.⁴

Последний пассаж Хилгартнера и Боска вводит в фокус методологических основ нашего исследования целый пласт теоретических концепций, связанных с различными тематико-риторическими формами, техниками и способами конструирования социальной реальности в пространстве публичных дискурсов, которые ряд исследователей называют дискурсивными стратегиями (совокупность запланированных оратором заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели⁵).

Там, например, интересную типологию дискурсивных стратегий деконструирования проблемных ситуаций предлагают П. Ибарра и Дж. Китсьюз. Они вводят понятие контрриторических стратегий, которые представляют собой дискурсивные стратегии противодействия характеристикам проблемной ситуации для ее «депроблематизации». Ученые выделяют два класса контрриторических стратегий: «сочувствующую» контрриторику, признающую проблематичный статус ситуации, но, в то же время, блокирующую требование исправить ее и «несочувствующую» контрриторику, не принимающую ни предлагаемые характеристики и оценки ситуации, ни предлагаемые средства ее исправления. «Сочувствующая» контрриторика включает в себя пять стратегий:

¹ Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. – 2008. – №2. – С.77-78.

² См.: Там же. – С.80.

³ См.: Там же. – С.81-84.

⁴ См.: Там же. – С.89.

⁵ См.: Клюев Е. В. Речевая коммуникация. – М.: Приор, 1998. – С.11.

1. «натурализация» – стратегия, при которой принимается оценка ситуации, предлагаемая теми, кто конструирует проблему, но при этом отвергается призыв к действию посредством представления самой ситуации в качестве неизбежной;

2. «контрриторика затрат, связанных с исправлением ситуации», заключается в утверждении, что следует примириться с проблематичным условием, а не исправлять его посредством предлагаемых мер, поскольку провозглашаемые «выгоды» не компенсируют «затрат»;

3. «декларация бессилия» – стратегия, предполагающая проявление морального сочувствия и, в то же время, указание на истощение имеющихся ресурсов, не позволяющее справиться с ситуацией.

4. «перспективизация» – стратегия, которая заключается в утверждении, что объяснение, предлагаемое людьми, которые конструируют проблему, это всего лишь их взгляд на положение дел, отличающийся от самого положения дел.

5. «критика тактики» – стратегия, в которой критик соглашается с предлагаемой характеристикой ситуации, но возражает против средств, используемых людьми, выдвигающими утверждения-требования.¹

«Несочувствующая» контрриторика состоит из четырех стратегий:

1. «антитипизация» – стратегия, которая предполагает заявление, что утверждение-требование на самом деле не является описанием полномасштабной социальной проблемы, а относится к тому, что можно назвать «отдельными инцидентами»;

2. «опровергающие истории» – стратегия, которая предполагает дискредитацию утверждения-требования посредством приведения примеров, которые показывают, что обобщения, предлагаемые теми, кто конструирует проблему, не являются верными и фактологически корректными;

3. «контрриторика неискренности» – стратегия, при которой лицо, противодействующее конструированию социальной проблемы, заявляет, что предлагаемая характеристика условия подозрительна, поскольку у того, кто выдвигает утверждения-требования, имеется своя «скрытая повестка дня» и данное лицо действует в своих корыстных интересах;

4. «контрриторика истерии» – стратегия, которая предполагает указание на то, что моральные суждения людей, конструирующих проблему, не основываются на «здоровой» оценке ситуации, а находятся под влиянием «иррациональных» или «эмоциональных» факторов.²

Британский исследователь С. Холл с коллегами выделяют две дис-

¹ Цит. по: Ясавеев И.Г. Конструирование «непроблем»: стратегии депроблематизации ситуаций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – № 1. – С. 93-94.

² См.: Там же. – С. 95.

курсивные стратегии, нередко используемые как масс-медиа, так и экспертным сообществом и политиками. Первую стратегию Холл с коллегами называют «спираль сигнификации» (signification spiral) по аналогии с термином «спираль усиления девиаций», вводимой некоторыми девиантологами, в частности, С. Козном. Под этим термином исследователи понимают особый процесс дискурсивного обозначения ситуаций (сигнификации), который ведет к эскалации угрозы с их стороны.¹ Вторая стратегия носит название «сближения (проблем)» (convergence) и предполагает взаимную артикуляцию двух или более проблематизируемых событий для эксплицитного или имплицитного проведения параллелей между ними.² Примером спирали сигнификации и стратегии сближения проблем является, в частности, конструируемая проблема криминальной угрозы этнических меньшинств. Так, группы молодежи из числа этнических меньшинств символически обозначаются в качестве «банд» и «шаек», а само их существование сочленяется с проблемами наркоторговли, насилия, незаконного хранения оружия и нарушения общественного порядка.

К дискурсивно-риторическим приемам конструирования социальной реальности в пространстве публичных дискурсов относятся и приемы стереотипизации, негативизации, иронизации/карикатуризации, типизации, (де)сакрализации, позитивизации, демонизации и пр.³

К имплицитным стратегиям конструирования социальной реальности можно отнести теорию фрейминга. Один из основателей данной теории, Роберт Энтман, определяет фрейминг как «отбор определенных аспектов воспринимаемой реальности для того, чтобы сделать их более заметными в тексте сообщения, и тем самым добиться определенного взгляда на проблему, ее каузальной интерпретации и моральной оценки, а также способа ее решения».⁴ В своем другом определении Энтман говорит об отборе и акцентировании внимания на определенных аспектах событий и установлении связей между ними для продвижения определенной их интерпретации, оценки и решения.⁵ Теория фрейминга, таким образом, говорит о том, что любые события могут быть ре-

¹ См.: Hall S. Policing the crisis: mugging, the state, and law and order / S. Hall [et al.]. – New York: Holmes & Meier, 1978. – P.223.

² См.: Ibid.

³ См. напр.: Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // *Личность. Культура. Общество.* – Т.V. – Вып. 1-2 (15-16). – С.120-139; Бурганова Л.А., Батайкина С.В. Конструирование имиджа государственной службы средствами массовой информации (опыт эмпирического исследования) // *Власть.* – 2008. – № 3. – С.42-45 и др.

⁴ См.: Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication.* – 1993. – Vol.43. – №4. – P.52.

⁵ См.: Ibid. – P.5.

презентированы с помощью различных лингвистическим приемов, которые позволяют выделять одни характеристики и, наоборот, скрывать другие. С точки зрения конструирования девиаций, например, акцент будет делаться на общественной опасности явления при игнорировании иных аспектов проблемы. В частности, одним из направлений борьбы с наркоманией рассматривается, в последнее время, запрет на безрецептурный отпуск лекарств, содержащих кодеин. В медийной и экспертной дискуссиях на данную тему акцент делается на практике изготовления синтетических наркотиков из препаратов кодеиновой группы, и практически игнорируется тот факт, что это нововведение меньше всего скажется на наркопотребителях (которые будут приобретать препараты нелегальным образом) и значительно затруднит жизнь рядовых граждан.

Таким образом, в первой главе мы рассмотрели методологические основы конструирования социальной реальности. Мы проанализировали одноименную теорию П. Бергера и Т. Лукмана, которая составляет методологический каркас нашего исследования. Далее были рассмотрены основные подходы к дискурс-анализу, а также ряд специальных теорий, в частности, теория конструирования социальных проблем, теория публичных арен и ряд теорий, анализирующих особенности тематико-риторического конструирования социальной реальности.

ГЛАВА 2. КОНСТРУИРОВАНИЕ ДЕВИАЦИЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Представление о том, что девиантность / делинквентность конструируются, является, по мнению Я.И. Гилинского, одной из новелл современной социологии отклоняющегося поведения. Он пишет, что «завоевывает все большее признание отношение к различным видам девиантности как к социальным конструктам. Власть, политический режим, общественное мнение, СМИ конструируют «преступность», «наркотизм», «коррупцию», «проституцию» и др. Все они лишены онтологической реальности. В реальной жизни, в природе нет ни одного из названных феноменов по своему содержанию, *suī generis, per se*. Курение марихуаны нормально (легально) в современной Голландии, потребление вина «преступно» в странах ислама, курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Испании. В СССР преступлением являлись «частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество» – основа современной экономики. Умышленное лишение жизни человека может быть тяжким преступлением (ст. 105 УК РФ), может быть «подвигом» - убийство врага на войне, или же оно юридически «нейтрально» – совершено в состоянии необходимой обороны (умышленное причинение смерти нападающему). И тогда все большее значение приобретает изучение субъектов, мотивов, механизмов, последствий конструирования».¹ Отмечая «подвижный» характер социальных отклонений и их обусловленность социально-историческим контекстом, Е.Л. Омельченко пишет: «Следует признать, что девиантность – это не жестко определяемое с помощью тех или иных критериев поведение, а процесс, определяемый ситуацией».²

Прежде чем перейти к дальнейшему теоретическому анализу, определимся с тем, что мы понимаем под девиациями. В социологии отклоняющегося поведения накоплено довольно много определений данного понятия. Приведем лишь некоторые из них.

Исследователи Дж. Дуглас и Ф. Уокслер определяют девиацию как «любые мысли, чувства или действия, которые члены определенной социальной группы рассматривают как нарушение своих ценностей или правил».³

¹ Гилинский Я.И. Социология девиантности (новеллы и перспективы)//Социологические исследования. – 2009. – №8. – С.72-73.

² Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М: ИС РАН, 2000. – С.41.

³ Douglas J., Waksler F.C. The Sociology of Deviance: An Introduction. – Boston: Little, Brown, 1982. – P.10.

Американский девиантолог Г. Дженсен пишет о девиации как действии, которое «нарушает определения уместного и неуместного поведения, разделяемые членами социальной системы».¹

По мнению Р.М. Титмуса, «дефиниция девиации означает отклонение от правильного курса и норм поведения. Язык не является всего лишь средством коммуникации. Называя что-либо девиантным, мы выражаем свое отношение; мы...осуществляем моральную стигматизацию этого явления».²

Один из ведущих российских девиантологов Я.И. Гилинский считает, что «под девиантным (лат. *deviatio* – уклонение) поведением понимаются: 1) поступок, действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам); 2) социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам)», отмечая при этом, что социология отклоняющегося поведения ориентируется на второе понимание термина «девиация».³

Таким образом, нетрудно заметить, что девиация как базовая категория определяется через соотношение с понятием «норма» и представляет собой поведение, отличное от того, которое считается «нормальным».

Конструкционистское направление в социологии отклоняющегося поведения,⁴ равно как и т.н. «культурологическое» направление в криминологии, берут начало в 1970-х гг., в работах Бирмингемской школы культурных исследований, которые вылились в концепт «новой криминологии».⁵ Основными особенностями конструкционистской традиции в девиантологии являются:

1. особое внимание к роли масс-медиа в социальном конструировании преступлений и отклоняющегося поведения, а также в формировании новых форм социального и правового контроля;⁶

2. постмодернистский взгляд на природу отклонений, согласно ко-

¹ Jensen G.F. The path of the devil: early modern witch hunts. – Lanham, MD.: Rowman & Littlefield, 2007. – P.11.

² Titmuss R.M. Social Policy: An Introduction. – London: Unwin Hyman Ltd., 1990. – P.133.

³ Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. – 1991. – № 4. – С.74.

⁴ Подр. см.: Rafter N.H. The Social Construction of Crime and Crime Control // Journal of Research in Crime and Delinquency. – 1990. – Vol.27. – № 4. – P.376-389.

⁵ Подр.см.: Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. – London: Routledge, 1973. – 368 p.

⁶ См.: Ferrell J., Websdale N. Materials for making trouble // Making Trouble. Social Construction of Crime, Deviance and Control. – New Brunswick, NJ.: Transaction Publishers, 2009. – P.4.

тому необходимо не просто исследовать личность девианта, сущность преступного акта или же их медийное освещение, а совершить «путешествие в спектакль или карнавал преступности, нисхождение в бесконечный коридор с зеркалами, в которых перманентно сталкиваются отражения, воспроизводимые и потребляемые преступниками, преступными субкультурами, агентами контроля, масс-медиа и ее аудиторией. Именно в подобном контексте исследуются... конструирование преступности и социального контроля, интертекстуальные «медийные петли», обуславливающие циркуляцию их конструирования и дискурсивные взаимодействия, возникающие между масс-медиа, агентами социального контроля и криминальными субкультурами»;¹

3. фокусирование на разных уровнях конструирования отклоняющегося поведения – как медийном, так и межличностном, а также рассмотрение иных символических универсумов, в контексте которых отклонения и преступность получают политическое значение.²

Несомненное влияние на (де-)конструирование девиантности / делинквентности оказывает социальный институт науки, авторитет которой в современном обществе сравним с сакральным авторитетом церкви в средние века. Тема (де-)конструирования девиаций является многоаспектной не только с точки зрения наличия множества социальных агентов, участвующих в процессе (де-)конструирования девиантного поведения, но и с точки зрения объяснительных вариаций в отношении того, что есть социальное отклонение, в чем ее причины и что необходимо сделать для возвращения status quo.

Теории девиантного поведения в рамках социологии можно условно (исходя из предмета нашего исследования) разделить на два направления – (прото)конструкционистские теории и иные теории. В случае с конструированием девиаций (прото)конструкционистские теории выступают в качестве объяснений механизмов конструирования девиаций, тогда как остальные теории (структурно-функциональные, психологические и пр.) играют роль теоретических схем, объясняющих причины девиации и конструирующих, тем самым, механизмы социального контроля. Например, аномические теории, которые выделяют факторы бедности, социальной необустроенности и пр. в формировании девиантного поведения, сами по себе не дают никакого представления о том, как конструируются девиации (и даже не ставят вопрос о том, что девиации – это конструкторы). Тем не менее, эти теории конструируют причины девиант-

¹ См.: Ferrell J., Websdale N. Materials for making trouble // Making Trouble. Social Construction of Crime, Deviance and Control. – New Brunswick, NJ.: Transaction Publishers, 2009. – P.4-5.

² См.: Ibid. – P.5.

ности (бедность и пр.) и соответствующие им механизмы социального контроля и противодействия социальным отклонениям (государственные программы по улучшению экономической ситуации, система грантов для бедняков и т.д.).

Мы рассмотрим основные особенности (прото)конструкционистских теорий отклоняющегося поведения, а иные теории рассмотрим с точки зрения того, как они конструируют причины девиантности и какие механизмы социального контроля они предлагают.

Протоконструкционистской теорией, как нам представляется, является теория лейблинга (наклеивания ярлыков), тогда как непосредственно механизмы конструирования девиаций раскрываются в теории моральных паник (С. Коэн, Э. Гуд, Н. Бен-Йехуда).

Отцом-основателем теории наклеивания ярлыков считается Ф. Танненбаум, который в своей теории «драматизации зла» ввел понятие ярлыка (tag) для обозначения ситуаций, при которых совершение повторных девиантных актов связывается с отношением общества к индивидам, совершившим подобные акты. Танненбаум в своем исследовании подростковой преступности установил, что ярлык девианта, «наклеиваемый» обществом, нередко принимается самим девиантом в качестве части своей идентичности. Исследователь сделал вывод, что чем больший акцент делается на негативном ярлыке (например, ярлыке «правонарушителя»), тем более вероятным становится продолжение девиантной деятельности со стороны индивида, имеющего этот ярлык. Сам Танненбаум суммирует свою теорию так: «Преступник становится плохим, потому что его определяют в качестве плохого».¹

Американский социолог Э. Леммерт ввел в социологический оборот понятие вторичного отклонения, которое, по его мнению, является реакцией девианта на отношение общества к его отклоняющемуся поведению. Леммерт пишет: «Когда индивид прибегает к отклоняющемуся поведению или роли, которая основывается на отклоняющемся поведении, в качестве защиты, атаки или адаптации к различным проблемам, вызванным реакцией общества на (первичное) девиантное поведение, такое отклонение является вторичным».² Иначе говоря, индивид начинает оправдывать свои действия тем, что он «испорченный», «плохой» и т.д., полностью принимая личину девианта.

Наиболее ярким представителем теории наклеивания ярлыков является Г. Беккер. В своей работе, посвященной наркопотребителям, он пишет: «...Социальные группы создают отклонение через формулиро-

¹ Tannenbaum F. Crime and Community. – New York: Columbia University Press, 1938. – P.17.

² Lemert E. M. Social Pathology. – New York: McGraw-Hill, 1951. – P.75-76.

вание правил, нарушение которых, в свою очередь, создает отклонение, и через наклеивание этих ролей на определенных лиц и маркирование их в качестве чужаков. С этой точки зрения отклонение - это не свойство того или иного действия, совершаемого индивидом, а, скорее, последствие использования правил против таких индивидов и применения по отношению к ним санкций. Девиант – это тот, кому общество смогло успешно приклеить ярлык девианта, отклоняющееся поведение – это такое поведение, которое маркируется в качестве отклоняющегося».¹

По проблематике наклеивания девиантных ярлыков писали и другие авторы, однако работы Танненбаума, Лемерта и Беккера дают вполне законченное представление о концептуальных особенностях теории наклеивания ярлыков: определения девиации, используемые на социальном уровне, стигматизируют (термин Э. Гоффмана²) индивида и «делают» из него девианта.

Далее перейдем к теории моральных паник, предложенной С. Коэном и развитой в работах Э. Гуда и Н. Бен-Йехуды. Данная теория является конструкционистской теорией отклоняющегося поведения, и ее возникновение связано с работами упоминавшейся выше Бирмингемской школы культурных исследований. Моральная паника, т.е. ситуации, которые «после своего возникновения оцениваются как угроза социальным ценностям и интересам» и которые «описываются масс-медиа в стилизованной и стереотипизированной форме»,³ по мнению С. Коэна, предполагает, что значимость определенной ситуации преувеличивается, как по отношению к описанию данной ситуации в достоверных источниках, так и по сравнению с другими, более серьезными проблемами. Т.н. дискурсивный формуляр моральной паники предлагает типовое описание ее репрезентации – это зло «новое» (трудноразличимые угрозы обществу), но одновременно – «старое» (закамуфлированная версия традиционного зла). Это зло «в себе», обладающее свойством нанесения ущерба, но и одновременно – «предупредительный знак» в отношении реальной, более глубокой и значимой ситуации. Зло «прозрачно», т.к. любой может его лицезреть, но и в то же время «замутнено», поскольку нужны группы экспертов, которые бы объяснили, что происходит, как и почему.⁴ Критериями-символами, которые позволяют выявить мораль-

¹ Becker H. Outsiders. – New York: Free Press, 1973. – P.9.

² Подр.см.: Goffman I. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. – 1963.

³ Cohen S. Folk devils and moral panics: the creation of the Mods and Rockers. – New York: Routledge, 2011. – P.9.

⁴ См.: Cohen S. Folk devils and moral panics: the creation of the Mods and Rockers. – New York: Routledge, 2011. – P.13.

ную панику в СМИ, являются драматизм, наличие кризисной ситуации, преувеличение, угроза общественным ценностям, наличие предмета беспокойства / угрозы, персонифицированное или институциональное Зло, которое нужно идентифицировать и остановить и т.д.¹

Коэн использует понятие «народные дьяволы» для описания групп, которые ассоциируются с ситуациями, вызывающими тревогу и озабоченность. Репертуар образов, предстающих в качестве «народных дьяволов», весьма разнообразен – тут и «молодые, склонные к насилию мужчины – представители рабочего класса», «наркотики / наркоманы», «педофилы», «сатанисты», «мигранты» и т.д., причем этот список является открытым.²

Ученые Э. Гуд и Н. Бэн-Йехуда, которые также исследовали феномен моральных паник, выделили следующие стадии их возникновения и развития:

- 1) озабоченность определенной ситуацией;
- 2) возникновение враждебного отношения к ситуации;
- 3) достижение консенсуса по поводу того, что ситуация является угрозой;
- 4) преувеличение масштабов угрозы;
- 5) внезапное исчезновение проблемной ситуации из пространства публичных дискурсов.³

Исходя из теорий, рассмотренных в первом параграфе первой главы работы, а также в данном параграфе, схематически сформулируем процесс (де-) конструирования девиации. В первую очередь, базовой отправной точкой (де-)конструирования девиаций является «социальный факт» (или множество социальных фактов, о которых пишет Я.И. Гилинский⁴). Мы берем это выражение в кавычки по той простой причине, что на самом деле его может и не быть (согласно теории строгого конструкционизма), и символическая фиксация отклонения, возможно, происходит по отношению к тому социальному объекту, которого (пока) нет. Вполне очевидно, что конструирование отклонения в отношении того явления, которое (пока) не существует, с большой долей вероятности будет иметь последствия и в виде появления соответствующего явления.

Далее следует сигнификация девиации со стороны академического сообщества, политиков, групп экспертов, масс-медиа, групп интересов

¹ См.: Cohen S. *Folk devils and moral panics: the creation of the Mods and Rockers.* – New York: Routledge, 2011. – P.34.

² См.: *Ibid.* – P.8-26.

³ Goode E. *Moral Panics: The Social Construction of Deviance.* – Oxford: John Wiley and Sons, 2009. – P.37-43.

⁴ Подр. см.: Гилинский Я.И. *Конструирование девиантности: проблематизация проблемы // Петербургская социология сегодня: сб. научн. трудов Социологического института РАН / Социологический институт РАН.* – СПб.: Нестор-История, 2009. – С.333.

и т.д., т.е. клеймление социального факта в качестве отклонения. Социальный факт, в соответствии с теорией моральных паник, начинает рассматриваться как общественная угроза, начинается выдвижение «условий-требований» в отношении того, что рассматривается как отклонение, и это отклонение предстает в качестве социальной проблемы. Сигнификация может иметь форму активизации использования устоявшегося термина вне привычных лексико-семантических значений или же использовании нового термина, присущего исключительно сигнифицируемой девиации. В качестве неологизмов могут использоваться и словосочетания, которые приобретают новый смысл (например, «East Cost», о котором пишет Р. Водак).¹ Например, термин «камикадзе» исторически использовался только по отношению к командам японских летчиков-смертников во время Второй мировой войны, однако впоследствии этот термин неоднократно употреблялся для описания террористов-смертников. С другой стороны, существует узко-специфический термин «шахид», который используется исключительно для описания террористов-смертников, отождествляющих себя с исламом.

Параллельно с сигнификацией возникает дискуссия о причинах того явления, которое рассматривается в терминах отклонения. Риторика причин формируется за счет конструктов первого порядка – «обыденных объяснений» девиантного явления и конструктов второго порядка – «научных представлений» (А. Шюц²). Конструкты причин девиаций второго порядка, основанные на авторитете науки, начинают воспроизводиться масс-медиа, экспертами, политиками и пр., за счет чего эффект подобных дискурсов значительно усиливается. Так возникает то, что П.К. Маннинг называет «медиа-петлей» – ситуацией, в «которой образ демонстрируется в другом контексте... Медийные образы постоянно перерабатываются в новом контексте и заново переживаются».³ Более того, отбор и контекстуализация криминальных новостей в масс-медиа не только формирует общественное мнение о том, какие отклонения наиболее опасны и что нужно сделать для противодействия им, но и задает более широкие идеологические рамки восприятия отклоняющегося поведения целевой аудиторией.⁴

Еще одним этапом, который присутствует в механизме конструиро-

¹ См.: Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19. – С.113.

² См.: Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М: Росс. полит. энцикл., 2004. – С.7-50.

³ Manning P.K. Media Loops // Popular Culture, Crime, and Justice / F. Bailey, D. Hale (Eds.). – Belmont, Ca.: Wadsworth, 1998. – P.26.

⁴ Подр. см.: Sacco V.F. Media Constructions of Crime // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1995. – Vol.539. – №1. – P.141-154.

вания девиаций, является этап правового конструирования преступности,¹ т.е. законодательное определение того, что считается отклонением (например, уголовным преступлением, административным правонарушением и пр.). Этот этап может следовать за научным конструированием отклонений, но может и предшествовать ему (или заменять его), что имеет место при принятии популистских законов без соответствующей научной экспертизы. Более того, в отдельных случаях, например, обществах тоталитарного характера, правовое конструирование отклонений может предшествовать и сигнификации явления в качестве девиации (например, криминализация частнопредпринимательской деятельности в период «военного коммунизма» в СССР предшествовала тем негативным коннотациям, которые позже стали ассоциироваться в массовом сознании с коммерцией).

С другой стороны, правовое конструирование девиаций касается лишь части из них, «предполагающих» общественную опасность и значимый вред и переводящих девиации в сферу делинквентности. При этом следует иметь в виду, что взаимосвязь между правовым и научным конструированием отклонений, а также различными институтами, которые вовлечены в процесс конструирования девиаций, весьма сложны. Как пишет Н. Леси, «криминологический взгляд на паттерны девиации ставит важные вопросы о работе ...полиции и уголовных судов. Практика правовой интерпретации происходит внутри определенного социального контекста, и в отношении уголовных законов, которые сами являются продуктом политического процесса... Практики наказания осуществляются на фоне превалирующих представлений ... о паттернах криминальных деяний,... и веры в легитимность государственной власти... Практики криминальной юстиции существуют наряду и во взаимосвязи с ...целым комплексом других практик – политических, экономических, моральных, психиатрических, религиозных, образовательных, семейных – практик нормирующих, наклеивающих ярлыки и предполагающих санкции».²

Значимость научного конструирования девиантности заключается и в том, что конструирование девиации предполагает и конструирование механизмов социального контроля (в т.ч. криминализации явления в ряде случаев³). (Де-)конструирование делинквентности в научных тео-

¹ См.: Гишинский Я.И. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы // Петербургская социология сегодня: сб. научн. трудов Социологического института РАН / Социологический институт РАН. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С.327-330 и др.

² Lacey N. Legal constructions of crime // The Oxford handbook of criminology /M. Maguire, R. Morgan, R. Reiner (Eds.). – London: Oxford University Press, 2007. – P.181-182.

³ См. напр.: Wykes M. Constructing crime: Culture, stalking, celebrity and cyber // Crime Media

риях (в соответствии с концепцией М. Фуко) оказывает влияние не только на обывателей (например, в виде увеличения страха перед преступностью¹), но и на жизнь девиантов. В своей работе «Ненормальные» французский социолог наглядно показывает, как менялись научные представления о девиациях в течение времени и какое влияние оказывали подобные суждения на жизнь индивидов. Идеи об отклонениях, сформулированные в виде конструктов «неисправимого индивида», «мальчика – онаниста» и пр. оказывали значительное воздействие на становление и развитие институтов социального контроля.²

Аналогичным эффектом обладают и сегодняшние научные представления о делинквентном поведении – в своей работе «A World of Gangs» американский исследователь Дж. Хаджердон убедительно показывает, что современная криминология (автор называет ее «ортодоксальной») оказывает сильное влияние на целый ряд государственных практик по борьбе с преступностью. В частности, Хаджердон приводит пример использования Департаментом юстиции США дискурса «домашнего терроризма» в отношении молодежных преступных группировок для оправдания репрессивных мер борьбы с делинквентностью и истребования еще больших финансовых ресурсов из государственного бюджета. В то же время автор пишет о том, что криминологический мейн-стрим с завидным упорством игнорирует в своих исследованиях проблематику расового неравенства, предвзятого отношения полиции к афро-американцам, возрастающего влияния глобализационных процессов и т.д.³ Не следует забывать и о том, что научные дефиниции используются и в законодательной базе. Например, научные концепты «настоящей шайки/банды» оказывают непосредственное влияние на классификацию уголовно наказуемых деяний, совершенных в группе и означают, как правило, более существенные санкции по сравнению с преступлениями, не связанными с бандами и бандитизмом. Кроме того, определение той же «банды» влияет на то, какое количество «бандитов» будет зафиксировано в криминальной статистике и сколько денег и иных ресурсов будет

Culture. – 2007. – Vol.3. – P.158-174.

¹ См. напр.: Chiricos T., Eschholz S., Gertz M. Crime, News and Fear of Crime: Toward an Identification of Audience Effects // *Social Problems*. – 1997. – Vol. 44. – № 3. – P.342-357; Boulahanis J.G., Heltsley M.J. Perceived Fears: The Reporting Patterns of Juvenile Homicide in Chicago Newspapers // *Criminal Justice Policy Review*. – 2004. – Vol. 15. – № 2. – P.132-160; Lupton D. Dangerous Places and the Unpredictable Stranger: Constructions of Fear of Crime // *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. – 1999. – Vol.32. – №1. – P.1-15 и др.

² Подр.см.: Фуко М. Ненормальные / пер. с франц. А. В. Шестакова. – СПб.: Наука, 2004. – 432 с.

³ См.: Hagedorn J.M. *A World of Gangs. Armed Young Men and Gangsta Culture*. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2009. – P.6-7; 53-59; 131 и др.

выделено на борьбу с бандитизмом.¹

Кроме того, ряд авторов утверждают, что немалая часть того, что считается само собой разумеющимся в современной теории девиантности и делинквентности, является не более чем мифами, хотя последствия этих мифов вполне реальны. В частности, В. Каппелер и Г. Поттер утверждают, что масс-медиа и группы интересов выпячивают одни преступления и игнорируют другие, продвигают свои интересы за счет апелляции к страхам населения и конструированию мифов о растущем уровне преступности. Социальное конструирование преступности порождает риторику «сурового наказания», диспропорционального реальным угрозам, причем санкции за преступления настигают, в основном, тех, кто в меньшей степени способен себя защитить, а не тех, кто этого заслуживает.² Р.М. Ломбардо в своем исследовании, посвященном практикам рэкета, доказывает, что метод вымогательства, носящий название «Черная рука», по большому счету является медиа-конструктом, и что стереотипные представления о «Черной руке» способствовали формированию в США устойчивого мнения о привнесении организованной преступности в страну итальянскими мигрантами.³

Справедливости ради следует отметить, что не всякое конструирование девиаций ведет к появлению дискурсов социального контроля. В частности, в последнее время в научной литературе начинает употребляться термин «культурная криминализация», который понимается как конструирование стигматизирующих значений и перцепций вокруг тем девиаций, преступлений и социального контроля. Так вот, в ряде случаев культурная криминализация предстает в качестве «вещи в себе», успешно дегуманизируя и делигитимизируя социальные группы и отдельных индивидов, не предполагая при этом административных или уголовных санкций по отношению к ним. В остальных же случаях культурная криминализация позволяет выстроить перцептуальный контекст, в котором применение санкций не требует особых усилий.⁴

Современные представления о природе социальных отклонений имеют, как показал Фуко, довольно глубокие корни, однако собственно социологическое конструирование девиантности началось в конце

¹ См.: Finn-Aage E. Gangs and Definitional Issues: When Is a Gang a Gang, and Why Does It Matter? // *Crime and Delinquency*. – 2001. – Vol.47. – P.105-130.

² Подр. см.: Kappler V.E., Potter G.W. *The Mythology of Crime and Criminal Justice*. – Prospect Heights, IL: Waveland Press, 2005. – 428 p.

³ Подр. см.: Lombardo R.M. The hegemonic narrative and the social construction of deviance: the case of the Black Hand // *Trends in Organized Crime*. – 2010. – Vol.13. – № 4. – P.263-282.

⁴ См.: Ferrell J. *Criminalizing Popular Culture // Popular Culture, Crime, and Justice* / F. Bailey, D. Hale (Eds.). – Belmont, Ca.: Wadsworth, 1998. – P.80-82; Ferrell J. *Materials for making trouble....* - P.10.

19 в., когда начали оформляться первые теории, объясняющие природу отклоняющегося поведения. Соответственно, наше рассмотрение научного конструирования девиантности мы начнем именно с этого периода.

Биолого-антропологические теории. Основоположителем данного направления является итальянский исследователь Ч. Ломброзо, который разработал теорию прирожденного преступника. Прирожденный преступник, по мнению Ломброзо, представляет собой опасного индивида, отмеченного рядом аномалий психического и физиологического плана. Исследователь полагал, что подобные аномалии являются атавизмами и делинквент, по своей сути, сродни первобытным людям и животным. Исходя из того, что различные отклонения в психологии и физиологии можно измерить и классифицировать, Ломброзо предлагал создать эмпирически обоснованную теорию преступного поведения, которая позволяла бы выявлять преступников по определенным признакам.⁵ Несмотря на то, что теория Ломброзо повсеместно опровергается, на уровне практического (в частности, бытового) дискурса представления о «животном происхождении» преступников нередко находят благодатную почву. С точки зрения конструирования девиантности, теория Ломброзо была одной из самых «опасных» по своим последствиям для общества – достаточно вспомнить, что именно она явилась прообразом расового профилирования, которое изначально нивелирует презумпцию невиновности в отношении расовых / этнических меньшинств, а это, в свою очередь, частично способствует распространению преступности среди маргинальных слоев населения.⁶ Завуалированным вариантом неоломброзианских воззрений является, например, теория о большей склонности чернокожих к преступности, что связывается с большей «биологической предрасположенностью» последних к отклоняющемуся поведению, или воспроизводимый в последнее время дискурс о преступлениях «лиц кавказской национальности», позволяющий в каждом представителе кавказских народностей усматривать потенциального «преступника» или «террориста».

Аномические теории. Сам термин «аномия» был введен в социологическую науку французским социологом Э. Дюркгеймом. Под аномией ученый подразумевал такое состояние общества, в котором признанные

⁵ См.: Gibson M., Rafter N.H. Editor's Introduction // *Criminal Man* / C. Lombroso; M. Gibson, N.H. Rafter (Eds.). – Durham, NC: Duke University Press, 2007. – P.1.

⁶ См. напр.: Russell K. K. «Driving while black»: Corollary phenomena and collateral consequences // *Boston College Law Review*. – 1999. – Vol. 40. – P.717-731; Russell K. K. Racial profiling: A status report of the legal, legislative, and empirical literature // *Rutgers Race and the Law Review*. – 2001. – Vol. 3. – P.61-81; Weitzer R. Racialized policing: Residents' perceptions in three neighborhoods // *Law and Society Review*. – 2000. – Vol.34. – P.129-155; Welch K. Black Criminal Stereotypes and Racial Profiling // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. – 2007. – Vol. 23. – № 3. – P.276-288 и др.

нормы и ценности перестают быть для значительной части его представителей императивными, а новые еще не сформировались.¹ В дальнейшем концепция аномии Э. Дюркгейма была расширена Р. Мертонем, который трансформировал ее в общую теорию девиантного поведения.

Представители аномических теорий (Р. Мертон, А. Коэн, Р. Кловард и Л. Олин) акцентировали свое внимание на взаимосвязи делинквентного поведения (равно как и других социальных девиаций) и социально-экономической, социокультурной и социоструктурной ситуацией, сложившейся в обществе. Основной причиной совершения делинквентных поступков, по мнению авторов аномических теорий, является неспособность некоторой части индивидов следовать предписанным обществом целям законными средствами их достижения, в связи с чем они испытывают чувство социальной напряженности. Под предписанной целью социологами подразумевался материальный успех, культивируемый в обществе. Соответственно, под законными средствами – учеба, хорошая работа.

Р. Мертон полагал, что совершение противоправных поступков многими представителями низшего класса (воровства, грабежей, разбоев) – это их попытка достичь материального успеха, т.к. легальные возможности его достижения являются весьма ограниченными по сравнению с представителями среднего класса.²

Р. Кловард и Л. Олин также полагали, что «карьера преступника» - это вариант «восходящей» мобильности для людей из низших слоев населения. Вместе с тем, по мнению этих ученых, к совершению делинквентных поступков склонны и «ретретиристски-ориентированные» индивиды (прежде всего, потребители наркотиков), которые не стремятся к достижению успеха, как в нормальной, так и в криминальной среде.³

Другой представитель аномических теорий А. Коэн рассматривал сущность делинквенций через понятие «фрустрация статуса». С точки зрения А. Коэна, в обществе доминирует система ценностей среднего класса, представители которого имеют большие возможности добиться успеха, нежели выходцы из низшего класса. В связи с этим последние, чтобы не чувствовать себя социальными аутсайдерами, создают свою состязательную систему. В частности, они переходят к делинквентной системе ценностей, где в рамках делинквентной шайки повышают свою самооценку.⁴

¹ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – СПб.: Союз, 1998. – 496 с.

² См.: Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. – 1992. – № 2-4.

³ Цит. по: Салагаев А.Л. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. – Казань: Экоцентр, 1997. – С.56.

⁴ Цит. по: Салагаев А.Л. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. – Казань: Экоцентр, 1997. – С.53-54.

Несмотря на некоторые авторские различия, общим лейтмотивом конструирования девиантности в аномических теориях является исходный тезис о том, что доминирующие общественные ценности толкают индивида на совершение противоправных действий. В аномических теориях конструкт девианта представлен, прежде всего, образом представителя низшего класса, пытающегося добиться материального благополучия через криминальную карьеру (один из идеологов классического либерализма М. Фридмен писал: «...популярное объяснение преступности – бедность и неравенство»¹).

Конструирование образа девианта как социо-экономического маргинала оказало, с одной стороны, положительное влияние на правоохранительную практику, особенно в части ее ориентации на борьбу с бедностью и обеспечения равных возможностей для представителей низшего класса, хотя, с другой стороны, благодаря теориям аномии в общественном сознании формировалось и представление о том, что бедность – это синоним преступности. Как отмечает Д. Гарленд, система правосудия эпохи т.н. либерального оптимизма базировалась, в т.ч., на аксиоме о том, что «социальные реформы в сочетании с благосостоянием приведут, в конечном счете, к уменьшению числа преступлений». Позже, когда система начала давать сбои (конец XX в.) и усилилось социальное расслоение, «социальные объяснения преступности перестали приниматься в расчет. Вместо этого преступность стала пониматься как ... следствие принадлежности к антисоциальным культурам, как проявление испорченности индивидов ... как неотъемлемое свойство бедных – иных, отклоняющихся, опасных. Соответственно, эффективная борьба с преступностью стала увязываться с усилением и расширением общественного и государственного контроля и даже с сегрегацией «опасного сегмента населения».²

Теории дифференциальных связей. Ярким представителем этой теории является Э. Сазерленд, исходный тезис теории которого гласит, что делинквентные практики являются не результатом социальной напряженности отдельных групп индивидов, а своеобразным процессом освоения некоторыми представителями общества криминальных ценностей. Криминальность, с его точки зрения, не передается по наследству, поэтому и не является следствием чувства неудовлетворенности индивида своим положением. К криминальному поведению не приспособляются, а обучаются точно так же, как и многим видам социально

¹ Цит. по: Фридмен М., Фридмен Р. Тирания статус-кво // Экономическая теория преступлений и наказаний. – 1999. – Вып.1. – С. 99.

² Подр.см.: Гарленд Д. Культура контроля // Отечественные записки. – 2003. – №2. – С.443-444.

одобряемой деятельности.¹

В связи с этим Сазерленд и его последователи сосредоточились на идее наличия в обществе т.н. делинквентных субкультур. Общество, по их мнению, состоит из различных групп людей, имеющих либо криминальные, либо антикриминальные традиции, а криминальные традиции являются причиной высокого уровня преступности в отдельных социальных группах. Индивид становится делинквентом в том случае, когда попадает в такую микросреду, в которой положительное отношение к нарушению закона превалирует над отрицательным. Формулируя основные принципы своей теории, Э. Сазерленд предпринимал попытку объяснить причины индивидуальной преступности и объяснить неодинаковый уровень преступности в различных социальных группах.

Таким образом, конструкт девианта в теории дифференциальных связей представляет собой восприимчивый к влиянию окружающей среды объект; данная теория акцентирует внимание на социальном контексте, в котором существует индивид и его влияние на формирование противоправного поведения. С точки зрения конструирования девиантности теории дифференциальных связей нашли применение в тезисе о необходимости работы с социальной средой для снижения преступности. Одним из ярчайших примеров (де-) конструирования девиантности в рамках теории дифференциальных связей может выступить тезис об отсутствии определенных видов тяжких преступлений (например, организованной преступности, серийных убийц и пр.) в СССР – подобные отклонения объявлялись нормой лишь в буржуазном, но никак не социалистическом обществе. В частности, как отмечает А.И. Ракитин, преступность в СССР рассматривалась не иначе, как «родимое пятно капитализма», т.к. «социализм не порождает преступности». Доминирование подобных воззрений в СССР, по мнению Ракитина, привело к игнорированию серийной преступности в 1930-1970-е гг. и ошибочному отнесению серийных убийств к преступлениям корыстной направленности.² Исследователи подростково-молодежной преступности в СССР (напр. А.Л. Салагаев, И.Е. Туриянский, А.С. Макаров и др.) также отмечают, что проблема организованных преступных групп молодежи во многом игнорировалась именно вследствие «невозможности» подобно-го в Советском Союзе.³

¹ См.: Sutherland E. Principles of Criminology. – Chicago: University of Chicago Press, 1955. – 721 p.

² См.: Ракитин А.И. «Социализм не порождает преступности...» (серийная преступность в СССР: попытка историко-криминалистического анализа)[Электронный ресурс]. – М., 2009. – Режим доступа: http://murders.ru/USSR_serial_killer_history_1.html, свободный.

³ Подр. см.: Салагаев А.Л. Подростково-молодежное территориальное сообщество как объект теоретического исследования: дис. ... докт. соц. наук: 22.00.01. – СПб.: СПбГУ,

Теории социального контроля. Предметом научного интереса сторонников этой теории (У. Реклесс, И. Най, Т. Хирши) было объяснение делинквентного поведения через исследование причин конформного поведения, т.е. полярной поведенческой позиции индивида в обществе. Согласно У. Реклессу, от совершения противоправных поступков индивида удерживают защитные механизмы, среди которых он выделил два вида. Первый механизм заложен в индивидуальных способностях самого индивида подавлять желание к противоправным действиям за счет воли и самоконтроля. Во-вторых, защита обеспечивается внешней средой: социальными обязанностями индивида, институциональным подкреплением целей и норм общества и т.п.¹

По мнению И. Ная, законопослушность обеспечивается несколькими средствами социального контроля: внутренним контролем (совестью), косвенным контролем, непосредственным контролем (различными формами санкций), законным удовлетворением потребностей (различными формами поощрения).²

Согласно теории Т. Хирши, законопослушное поведение индивида является результатом привязанности его к другим людям, приверженностью к конформизму, вовлеченностью в конвенциональные действия, веру в моральную ценность социальных норм и правил.³ Делинквентные поступки возможны лишь при ослаблении этой привязанности.

Как видится, девиантность индивида конструируется в данных теориях либо как результат недостаточного внутреннего контроля индивида над своими поступками/слабого контроля соответствующих социальных институтов (У. Реклесс, И. Най), либо как отсутствие приверженности к основным нормам и ценностям общества (Т. Хирши). Образ девианта в теориях социального контроля представлен, прежде всего, таким социальным персонажем, как «трудный подросток». Применительно к теме нашей работы особый интерес представляют и выводы сторонников теорий социального контроля о том, что социальные институты могут являться инициатором непродуктивных практик, в результате чего создается «эффект бумеранга». Так, например, некоторые современные исследователи выделяют непродуктивное влияние средств массовой коммуникации (СМК), которые транслируют делинквентные

2001; Туриянский И.Е. Социальный контроль подростково-молодежной делинквенции: социологические концепции и практики: дис...канд. соц. наук: 22.00.08. – Казань: КГТУ, 2004; Макаров А.С. Конструирование социальной проблемы подростковой делинквентности в печатных изданиях Республики Татарстан: дис...канд. соц. наук: 22.00.04. – Нижний Новгород: ННГУ, 2007 и др.

¹ См.: Reckless W. The Crime Problem. – N.Y.: Appleton Century-Crofts, 1955. – 198 p.

² См.: Nye I. Family relationships and delinquent behavior. – N.Y.: Wiley, 1958. – 168 p.

³ См.: Hirschi T. Causes of delinquency. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 309 p.

и криминальные модели поведения в подростковую сферу.¹ Помимо негативной роли СМК (кажущихся обезличенным агентом социализации) можно отметить, что подростковая делинквентность достаточно полно проецируется в общеобразовательных учреждениях – типаж «трудного подростка» / «хулигана» конструируется участниками образовательного процесса за счет соответствующего клеймения гиперактивных подростков, по отношению к которым традиционные педагогические подходы оказываются бесполезными.

Феноменологические теории. Феноменологическая традиция в исследовании отклоняющегося поведения была ориентирована на объяснение не причинно-следственных связей возникновения преступности, а на интерпретацию смысловых значений, которыми руководствуются делинквенты при производстве незаконных практик, т.е. рассматривала конструирование субъективных (личностных) условий делинквентного поведения.

В отличие от Э. Сазерленда, два известных представителя феноменологического направления в социологии Г. Сайкз и Д. Матза не считают делинквентов участниками особой субкультуры, чьи идеи и суждения отличны от тех, которые культивируются в обществе. По мнению этих социологов, делинквенты «уважают» общественные ценности, но находят постоянные оправдания, когда совершают противоправные поступки. Данный феномен был назван «техники нейтрализации». Сайкз и Матза выделили пять установок рационализации делинквентных и девиантных действий:

1. Отрицание ответственности («я не хотел это делать» - делинквент ссылается на ситуацию, жизненные обстоятельства);

2. Отрицание ущерба («я никому не причинил вреда» - делинквент не осознает причиненный им ущерб);

3. Отрицание жертвы («они сами это заслужили» - объект правонарушения, по мнению делинквента, сам спровоцировал негативную для него ситуацию);

4. Осуждение осуждающих («каждый придирается ко мне» - степень личной вины девиант уменьшает посредством вменения вины тем людям, которые применяют к нему санкции);

5. Обращение к высшим ценностям («я сделал это для других» - род-

¹ См. напр.: Сулейманова С.Т. Делинквентное поведение подростков в современном российском обществе: факторы и социальный контроль: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. – Пенза: ПГУ, 2006; Скретнева Н. В. Насильственная преступность несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 1. – С.60-65; Плотников А.А. Влияние средств массовой информации на правонарушения несовершеннолетних: административно-деликтологический аспект: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Хабаровск, 2003 и др.

ственников, друзей и т.д.).¹

Разновидностью феноменологических теорий является концепция «идентичности сопротивления» (термин введен М. Кастельсом в работе «The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture»²) – идентичности, формируемой в пике доминантным культурным ценностям и неопределенности нестабильного общества модерна. Ученые, стоящие на данных позициях, полагают, что в стремлении противостоять глобальному влиянию индивиды ассоциируют себя с различными формами девиаций (участвуют в деятельности преступных группировок, становятся религиозными экстремистами и т.д.).³

Феноменологические теории девиантности, как представляется, не оказали существенного влияния на те правоохранные практики, которые были ориентированы на различные структурные шаблоны (опору на причинно-следственные связи, «четкий» портрет девианта, возможность профилирования «подозрительных лиц» и т.д.). С другой стороны, феноменологические теории, наряду с психологическими концепциями, оказали существенное влияние на все возрастающее внимание правоохранительных органов по отношению к внутреннему миру девианта, особенно когда речь идет о преступниках-социопатах. С точки зрения конструирования девиантности феноменологические теории являются наиболее аморфными, т.к. не позволяют сформулировать практико-ориентированный образ индивида с отклоняющимся поведением.

Подводя итоги обзора особенностей конструирования девиантного поведения в различных научных концепциях, нельзя не отметить, что на практике предлагаемые учеными теории зачастую используются совместно в виде некоего эклектического симбиоза. В качестве примера можно привести актуализировавшийся в последнее время в массовом сознании образ «гастарбайтера» – трудового мигранта из республик бывшего СССР. Девиантность трудовых мигрантов может конструироваться как через отсылку к биологической предрасположенности к совершению преступлений,⁴ так и через призму социального контек-

¹ См.: Sykes G., Matza D. Techniques of neutralization: A theory of delinquency // American Sociological Review. – 1957. – Vol.22. – P.664-670.

² Подп. см.: Castells M. The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture. – New York: John Wiley & Sons, 2009. – 584 p.

³ См.: Hagedorn J.M. The Global Impact of Gangs // Journal of Contemporary Criminal Justice. – 2005. – Vol.21. – № 2. – P.158.

⁴ См. напр: Сафин Р.Р. «Девиантный чужой»: составляющие образа трудового мигранта в современном российском обществе // Девиация и делинквенция: социальный контроль: сб. материалов международной конференции: в 2-х т. / под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Изд. НИСОЦ, 2006. – Т.1. – С.131-133; Душин А.В., Сафин Р.Р. «Чужие» в «нашей» стране»: причины межэтнических конфликтов в риторике русских националистов // Конфликты в социальной сфере и их регулирование: сб. материалов все-

ста (например, рост преступлений трудовых мигрантов вследствие экономического кризиса, из-за разницы в обычаях / традициях / менталитете), акцент на котором делается в теориях дифференциальных связей.¹

Еще более эклектичны и объяснения девиаций «группировщика» – исследование А.С. Макарова показывает, что для объяснения «казанского феномена» использовались конструкты, сформулированные теориями аномии, дифференцированных связей и социального контроля («подростки-маргиналы» в обществе, в котором созданы все условия для развития личности; влияние социального окружения; недостаток досуговой инфраструктуры; «буржуазная пропаганда насилия»; слабая работа педагогов и милиции).²

С течением времени меняются научные представления о природе социальных отклонений и соответствующим образом меняются правоохранительные практики. Рассмотренные нами теории не охватывают всего многообразия научных представлений о сущности девианта/делинквента, однако именно указанные теории составляют тот фундамент, на котором основывается современный этап научного конструирования отклоняющегося поведения.

Таким образом, во второй главе мы рассмотрели конструирование девиаций в социологическом дискурсе. Для этого мы обратились к двум (прото)конструкционистским теориям – теории наклеивания ярлыков и теории моральных паник, после чего схематично представили процесс конструирования девиаций. Различные неконструкционистские теории девиаций конструируются в рамках социологии как объяснения девиаций и, следовательно, механизмов социального контроля. На примере основных неконструкционистских теорий девиаций (социо-биологические теории, аномические теории, теория дифференциальных связей и пр.) мы рассмотрели процесс научного конструирования причин девиаций и социального контроля за ними.

российской конференции. – Казань: Печатный двор, 2009. – С.404-411 и др.

¹ Подр.см.: Ахмадиева Л.А. Конструирование межэтнического конфликта (на примере федеральных СМИ) // Вестник Казанского государственного технологического университета. – 2010. – №12. – С.547-549; Сафин Р.Р. Исследование межэтнической интолерантности через образ «чужого»: основные теоретико-методологические подходы // Вестник Казанского государственного технологического университета. – 2006. – №2. – С.304 и др.

² Подр.см.: Макаров А.С. Конструирование социальной проблемы подростковой делинквентности в печатных изданиях Республики Татарстан: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. – Нижний Новгород: ННГУ, 2007.

ГЛАВА 3.

ВАХХАБИЗМ КАК РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕВИАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Контекстуальная версия теории социального конструирования реальности, сторонником которой является автор, делает необходимым обращение исследователя к контексту, который позволяет соотносить конструкты с определенным набором «социальных условий». В нашем случае, как представляется, к подобным условиям относятся исторический и социальный контексты возникновения и распространения ваххабизма и социальный контекст российского общества после распада СССР и последующего снятия ограничений, связанных с религиозной деятельностью.

Зарождение ваххабизма связано с именем Мухаммеда бин Абдельвахаба (нач. XVIII в.), однако для понимания доктринальных основ ваххабизма необходимо обратить внимание на более ранние периоды мусульманской истории. Как отмечает российский исследователь ваххабизма А.А. Мантаев, идеологические корни ваххабизма лежат, помимо прочего, в доктринальных расхождениях, появившихся в кон. XII – нач. XIII в., и позиции одного из четырех суннитских мазхабов – ханбалитского – в отношении этих расхождений: «Для нас представляется важным отметить два из основных противоречий того времени, сохранившихся до наших дней, и позицию Ибн Ханбалы и его последователей относительно них. Первое – это калам, позволяющий символично-аллегорическое толкование (та'вил) Корана, построенное на методе рассуждения, исключаящем при аргументации тех или иных тезисов ссылки на какие-либо авторитеты... помимо разума, что, по мнению ханбалитских авторов, привело к расколу общины. Калам во всех его проявлениях стал основным объектом критики Ибн Ханбалы. Ханбалиты исходили из невозможности постижения разумом ниспосланного Аллахом, чему нет объяснения в Сунне, и требовали воспринимать ... аяты и хадисы, не задавая вопроса «как?»... В то время в мусульманском мире идет также борьба с различными нововведениями в Исламе, борьба за возврат к вере, основанной на Коране и Сунне. Символом этой борьбы был сам Ибн Ханбала, в заслугу которому ставилось спасение ислама от нововведений (бид'а)...».¹ Таким образом, уже начиная с XII-XIII вв. в мусульманской умме формируются доктринальные предпосылки, которые позже легли в основу ваххабитского мировоззрения.

Другим историческим пластом, который, в конечном счете, привел к появлению ваххабизма, стало движение салафии, декларирующей не-

¹ Мантаев А.А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане: дис....канд.полит. наук: 23.00.02. – М., 2002. – С.14.

обходимость возврата к изначальному исламу и очищения религии от привнесенных ересей. По мнению А.А. Мантаева, движение салафии в полной мере проявилось в XII в., и его идеологом был сирийский богослов Такиаддин ибн Таймийя. С исторической точки зрения «время Ибн Таймийи – это время расцвета всевозможных суфийских братств и идей, и связанного с ними чрезмерного превозношения праведников. Поэтому острие атак ученого было направлено против трех явлений: приближение к Аллаху при помощи праведников и святых; звание о помощи и избрание посредниками мертвых (и живых); посещение могил пророков и праведников для почитания и получения благодати (баракат)».¹

Советский исследователь А.М. Васильев подчеркивает, что «одним из «новшеств», вошедших в ислам, был культ святых... Распространение культа святых оказалось тесно связанным с деятельностью мистиков ислама – суфиев. Они приписывали святым способность творить чудеса... Суфии утверждали, что постичь божественную истину можно лишь при помощи интуиции...».² Антисуфийская проповедь Ибн Таймийи привела к его конфликту с ведущими богословами своего времени и преследованиям со стороны правящей элиты, однако его ученики, самым известным из которых является Ибн аль-Кайим, продолжили тайную работу в этом направлении.³

В современной мусульманской богословской литературе в отношении ваххабитов используется термин «нео-хариджиты», который отсылает к хариджитской ереси, появившейся в исламе еще в XIII в. Отличительной особенностью хариджитов была непримиримость по отношению к единоверцам, которая доходила до легитимизации убийства мусульман и разграблении их имущества. Контрастным на этом фоне было толерантное отношение к язычникам.⁴

Ключевая фигура ваххабизма – Мухаммед бин Абдельвахаб, которого также называют имам Ибн ат-Тамими. Основные идеи М. бин Абдельвахаба сводятся к тому, что «нельзя поклоняться и взывать о помощи ни к кому, кроме Аллаха. Нельзя просить заступничества ни у кого, кроме Аллаха. Нельзя приносить жертвы никому, кроме Аллаха. Ангелы, пророки, святые ничем не могут помочь мусульманам в этой жизни и запрещается обращаться к ним в молитве. Нельзя давать обет никому, кроме Аллаха. Нельзя чрезмерно почитать праведников, спод-

¹ Мантаев А.А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане: дис... канд.полит. наук: 23.00.02. – М., 2002. – С.19.

² Васильев А.М. Пуритане ислама. – М.: Наука, 1967. – С.92.

³ См.: Там же. – С.93.

⁴ Подр.см.: ал-Кахтани Г. Кто они «нео-хариджиты» (ваххабиты – «салафиты»? пер. Р.К. Адыганова; под общ. ред. В. Якупова. – Казань: Иман, 2006. – С.15-18.

вижников Пророка и святых. Нельзя строить мечети, мавзолеи над их могилами. Святым нужно оказывать уважение и почет, но не поклоняться им. Все эти действия приравняются к ширку (многобожию). Является неверием (куфр) отвергать предопределение судьбы (кадар) во всех его проявлениях (тоже очень острый вопрос в Исламе, существовавший уже во время Ибн Ханбала и породивший несколько течений в исламе). Является неверием (куфр) давать свое толкование Корану (та'вил)».¹

Одним из самых радикальных, и восходящих к хариджизму идей Мухаммеда бин Абдельвахаба было неприятие большей части существующего исламского наследия и объявления значительной части мусульманской уммы язычниками.² Кроме того, последователи М. бин Абдельвахаба «проявили необычайную суровость в борьбе против противоречащих единобожию явлений, в том числе тех, которые появились только в их время:

- был введен строжайший запрет на курение, и многие ваххабиты даже ставили курящего на один уровень с многобожником ...;

- первое время ваххабиты запрещали себе кофе и подобные напитки;

- не ограничившись словесным призывом, они подняли меч под лозунгом борьбы с бид'а (нововведениями), которую возглавил Мухаммад Ибн Сауд – зять Ибн Абд аль-Ваххаба;

- в каждой деревне или городе, захваченном ими, ваххабиты разрушали все гробницы и построенные возле них молитвенные дома и не ограничились этим: когда к ним перешла власть в Хиджазе, они разрушили надгробия могил всех сподвижников и сравнивали их с землей, оставив лишь камень величиной с локоть, указывающий наличие могилы;

- известна также непримиримость ваххабитских улемов относительно нововведений, не имеющих отношения к ширку (язычеству), в частности, их запрет на фотографии, (что, однако, впоследствии игнорировалось ваххабитскими амирами), а также их жесткость и грубость в деле призыва, что отвратило от них многих людей».³

По мнению Х.В. Дзудева и А.И. Перщица, проблематизация сложившейся ситуации М. бин Абдельвахабом имела интересные особенности: «Абд-ал-Ваххаб призывал к очищению ислама от остатков язычества («джахалийа») и от новшеств («бид'а»), к числу которых он относил отход от строгого единобожия, сооружение гробниц, почитаемых в разных оазисах, процветание магии и ворожбы), неукоснительному соблюдению основных заповедей ислама (пятикратная молитва, паломниче-

¹ Цит. по: Мантаев А.А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане... – С.44-45.

² См.: Cook M. On the Origins of Wahhabism // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland. – 1992. – Vol.2. – №2. – P.191-202.

³ Мантаев А.А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане... – С.45-46.

ство в Мекку, закят – налог в пользу бедных и др.), отказу от всякой роскоши, ростовщичества, а также проституции и педерастии... Здесь нет прямых политических требований, но косвенные очевидны. Строгое единобожие с отказом от культа местных святых – путь к единению эмиратов. Осуждение роскоши, проституции, мужеложства – объявление турок и иранцев «неправоверными». А ислам, как известно, требует «священной войны» («джихада») против неправоверных».¹

Примечательно, что современные исследователи, изучающие проблематику взаимосвязи между ваххабизмом и терроризмом, указывают на то, что идеологический базис ваххабитского учения обеспечивает пассивную поддержку террористической деятельности, совершаемой во имя ислама.²

Сами ваххабиты в течение всей истории своего существования предпочитали использовать иные, более нейтральные термины для самоидентификации. Например, британский исследователь Ч. Аллен пишет о том, что «основатель этого движения видел себя в качестве реформатора и называл тех, кто следует за его учением *аль-Муваххидун* – «Единобожники»... Британские власти в Индии в 19 веке знали ваххабитов как «Хиндустанских Фанатиков»... Одно поколение спустя движение возродилось в Аравии под названием *аль-Ихван* – «Братство». В то же время ваххабизм мутировал и приобрел более respectable бренд *Салафити* – или «следования за предками»...».³

С доктринально-идеологической точки зрения ваххабизм не являлся привлекательным для широких масс. Как отмечает Ч. Аллен, ваххабизм со своей идеологией, укорененной в воинственной интолерантности, сошел бы на нет, если бы не социо-экономические условия того времени, когда он объявился на исторической арене. Османская империя, контролировавшая территорию современной Саудовской Аравии, в XVI в. достигла пика своего могущества, осуществляя территориальную экспансию в Восточную Европу. Неудачная попытка осады Вены турками в 1663 г. стала своеобразной точкой невозврата, после которой европейские державы стали вытеснять Османскую империю из ее европейских владений.⁴

По мнению А.М. Васильева, для Османской империи XVIII в. было характерным прогрессирующее разложение, в т.ч. и в религиозной сфе-

¹ Дзугев Х.В., Першиц А.И. Ваххабиты на Северном Кавказе – религия, политика, социальная практика // Вестник Российской академии наук. – 1998. – Т.68. – №12. – С.1113.

² См. напр.: Ayoub M. The Many Faces of Political Islam: Religion and Politics in the Muslim World. – Michigan: University of Michigan Press, 2008; DeLong-Bas N. J. Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad. – London: Oxford University Press, 2004 и др.

³ Allen C. God's Terrorists: The Wahhabi Cult and the Hidden Roots of Modern Jihad. – London: Abacus, 2007. – P.20.

⁴ См.: Ibid. – P.– P.21.

ре. «Коррупция богословов, их жадность и несправедливость вызвали выступления против них населения. В Османской империи XVIII в. с ортодоксальными улемами (мусульманские ученые) делили влияние и богатство также мистики ислама – суфии... Вся империя покрылась сетью суфийских орденов... Суфии пропагандировали музыку... Они пили спиртное, курили табак и гашиш, занимались астрологией, магией, предсказанием будущего».¹ Подобная ситуация влияла на негативное отношение к туркам как правящему этноклассу Османской империи и, соответственно, частично способствовала успеху ваххабизма.

Более того, как считает Ч. Аллен, экспансия европейских держав была не просто brutальным империализмом, а носила многоаспектный характер, сочетая как военные, так и социо-экономические методы. По мнению Аллена, ваххабизм, с идеологической точки зрения, явился ответом на вопросы о причинах постепенного разрушения Османской империи и о том, что необходимо делать – и ваххабизм стал привлекательным для широких масс движением исламского возрождения, сродни тому, что сейчас называют «панисламизмом», который, тем не менее, декларировал необходимость использования принуждения, насилия и террора для достижения поставленных целей.²

Союз М. ибн Абдельвахаба с недждским эмиром Мухаммедом бин Саудом оказал существенное влияние на распространение ваххабизма среди бедуинов Аравийского полуострова и объединение кочевых племен в прото-государство. Масштабы собирания аравийских земель значительно возросли при сыне и преемнике Мухаммеда, Абд-ал-Азизе I, под властью которого оказалась вся Центральная и Восточная Аравия. Ваххабитские войны стали вторгаться в Ирак. Набеги на территории, контролируемые турками, продолжались и при третьем эмире, Сауде, который к тому же подчинил себе Западную Аравию – Хиджаз. Тем самым его суверенитет распространился на священные города ислама – Мекку и Медину. Уже к концу XVIII в., после смерти основателя ваххабизма М. ибн Абдельвахаба, недждские эмиры – Саудиты – присвоили себе не только светскую, но и верховную духовную власть, оставив за потомками М. ибн Абдельвахаба только функции вероучителей.³

Несмотря на разгром турками-османами ваххабитского прото-государства на Аравийском полуострове в кон. XVIII – нач. XIX вв., позиции последователей М. бин Абдельвахаба были все еще сильны. Более того, именно в этот период ваххабизм продемонстрировал свою способность

¹ Васильев А.М. Пуритане ислама.... – С.94-95.

² См.: Allen C. God's Terrorists.... – P.21-22.

³ См.: Дзуцев Х.В. Ваххабиты на Северном Кавказе.... – С.1113.

распространяться по мусульманскому миру. Как отмечает Д. Голд, Саид Ахмад Барелви, который познакомился с учением ваххабитов в 1820-х гг. во время паломничества в Мекку, объявил джихад в Пенджабе, а в Пешаваре (на территории современного Пакистана) основал ваххабитское государство. В 1830 г. он был убит, тем не менее, его последователи объявили джихад Британии для борьбы с колониализмом. В 1803 г., под воздействием ваххабитской проповеди, ваххабизм приняла группа паломников из Индонезии, которые основали ваххабитское движение на Суматре (т.н. движение падри), включившееся в борьбу с голландскими колонизаторами. Эта борьба, по словам Голда, продлилась почти пятнадцать лет.¹

В Первую мировую войну из-за развернувшегося между Османской империей и Великобританией военного соперничества, Недждский эмират, лавируя между враждующими сторонами, получил новые возможности для закрепления своих позиций под эгидой все того же ваххабизма. После распада Османской империи, в 1920-х гг., ваххабитские эмиры продолжили собирать отдельные эмираты в единое государство, что вылилось в образование в 1932 г. Королевства Саудовской Аравии с ваххабизмом в качестве государственной идеологии.²

Образование Саудовской Аравии, как представляется, явилось одним из важнейших этапов усиления ваххабизма, привело к его институционализации в рамках отдельного государства, тогда как до этого времени ваххабизм был ничем иным, как маргинальным течением. Однако оформление ваххабизма в качестве государственной идеологии Саудовской Аравии, само по себе, было недостаточным для превращения его в мощный идеологический вызов для современной исламской уммы.

Ряд исследователей, в т.ч. Д. Голд, обращают внимание на то, что на начальных этапах своего существования саудийское государство сильно зависело от британской финансовой помощи, которая в начале 1920-х гг. составляла порядка 100 тысяч фунтов стерлингов в год. Однако в 1930-х гг. саудиты отдали право на разработку нефтяных месторождений на огромной территории восточной части Саудовской Аравии американской нефтяной компании «Standard Oil of California». Это, с одной стороны, позволило саудитам решить свои финансовые вопросы, а с другой – избавиться от навязчивой гегемонии Великобритании. В отличие от последней, США не высказывали претензии на лидирующие позиции на Ближнем Востоке, а также довольно толерантно относились к особенностям ваххабитского социума (в частности, не возражали против

¹ См.: Gold D. Hatred's Kingdom: How Saudi Arabia Supports the New Global Terrorism. – Washington, DC.: Regnery Publishing, 2004. – P.34-35.

² Дзуцев Х.В. Ваххабиты на Северном Кавказе.... – С. 1114.

существования института рабства, который был отменен в Саудовской Аравии лишь в 1962 г.).¹

С исторической точки зрения, активизация ваххабизма на мировой политической арене начинает набирать обороты с 1960-х гг., когда королем Саудовской Аравии стал Файсал бин Абдул-Азиз и была основана Всемирная исламская лига, которая способствовала международному распространению ваххабизма через его «нормализацию» в среде мусульманских государств.²

Американский исследователь М.Р. Диллон выделяет четыре аспекта развития и распространения («экспорта») ваххабизма в последние 30-40 лет:

1. Поддержка боевых действий, которые преподносятся как джихад. В этом отношении исследователь выделяет ввод советских войск в Афганистан, участие ваххабитов в боевых действиях против контингента стран НАТО в Ираке и Афганистан.³ Вне внимания автора, как ни странно, оказалась Чеченская республика, боевые действия в которой также активно поддерживались ваххабитами из разных стран мира. Сам концепт джихада в ваххабизме весьма неоднозначен, т.к. первоначальный взгляд на джихад М. бин Абдельвахаба мало отличался от его классической трактовки мусульманскими богословами, и не предполагал, например, ныне распространенных действий индивидуального характера или совершаемых отдельными группами (например, самоподрывы террористов-смертников).⁴ Однако, как будет показано в эмпирической части работы, в рамках ваххабизма существуют и полностью противоположные трактовки.

Ваххабитов из числа тех, кто является апологетом борьбы с различными социально-политическими системами (в наше время – со странами Запада), называют в англоязычной (и частично – русскоязычной) литературе «джихадистами».⁵ Несмотря на то, что корректность данного термина во многом условна (т.к. в исламском праве джихад не рассматривается исключительно как военные действия, а трактуется гораздо шире), Дж. Брачман пишет, что «понятие «джихадизм» рассматривается как наименее проблематичный концепт в арабоязычных странах, часто

¹ См.: Gold D. Hatred's Kingdom.... – P.59-62.

² См.: Ibid. – P.73-79.

³ Подп.см.: Dillon M.R. Wahhabism: is it a factor in the spread of global terrorism? – Monterey, CA.: Naval Postgraduate School, 2009. – P.50-55.

⁴ См.: DeLong-Bas N. J. Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad. – London: Oxford University Press, 2004. – P.201-202.

⁵ См. напр.: Brachman J. Global jihadism: theory and practice. – New York: Routledge, 2008. – 212 p.; Phares W. The War of Ideas: Jihadism Against Democracy. – London: Macmillan, 2008. – 288 p.

встречающийся на арабоязычном телевидении и печатных изданиях».¹

По мнению Д. Комминза, боевые действия в Афганистане можно считать пиком ваххабитского возрождения, т.к. рассмотрение этого конфликта в терминах холодной войны между СССР и США не позволило западным странам заметить ту опасность, которая исходит от ваххабитов-джихадистов. Исследователь заключает, что в результате боевых действий в Афганистане разрозненные и маргинальные группы джихадистов оформились во влиятельную силу в мусульманском мире.²

Вполне очевидно, что пересекающейся проблематикой является и тема участия ваххабитов в террористических актах. По мнению Ю.П. Кузнецова, «в целом исламский экстремизм несет ответственность за 80 процентов террористических актов в мире и в конце XX века на мировой арене действовали почти 150 исламских организаций террористической направленности».³ Среди террористических организаций ваххабитской направленности наиболее известной является «Аль-Каеда». Она представляет собой не монолитную структуру, а террористическую сеть, состоящую из множества ячеек, мало связанных между собой, что делает ее существование довольно устойчивым и функционально-независимым. Не случайно, отмечает Дж. Бурке, сам термин «каеда» означает базу или военный лагерь, используемый для ведения боевых действий.⁴

2. Развитие ваххабитской системы обучения. По мнению Р.М. Диллона, экспансия ваххабизма происходила посредством подготовки ваххабитских кадров в религиозных учебных заведениях, а также через систему образовательных курсов при мечетях вне Саудовской Аравии, спонсируемых саудитами.⁵ Весьма специфична и внутренняя система обучения в Саудовской Аравии: как отмечает М. Прокоп, учебные материалы, связанные с иными религиями и культурами, преподносятся противоречиво и однобоко. Например, с одной стороны, рассказывается о необходимости благожелательного и справедливого отношения к «людям Писания» (иудеям и христианам), что является одним из догматов ислама, а с другой стороны, постулируется необходимость джихада против них и т.д.⁶

3. Развитие сети международных финансовых фондов. Финансиро-

¹ Brachman J. Global jihadism.... – P.5.

² См.: Commins D. The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. – New York: I. B. Tauris & Co, 2006. – P.174-175.

³ Кузнецов Ю. П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. – СПб.: Мифрил, 1998. – С. 31.

⁴ См.: Burke J. Al-Qaeda: The True Story of Radical Islam. – New York: Macmillian, 2004. – P.3.

⁵ См.: Dillon M.R. Wahhabism.... – P.56-62.

⁶ См.: Prokop M. Saudi Arabia: The Politics of Education // International Affairs. – 2003. – Vol. 79. – № 1. – P.80-81.

вание, как отмечает М.Р. Диллон, является логичным дополнением деятельности по поддержке джихадистов и распространения ваххабитской системы образования в мусульманских странах.¹

4. Монополизация повестки дня в арабоязычных странах. М.Р. Диллон пишет о том, что приток нефтедолларов и ряд политических факторов (например, смерть Г. Абдель-Насера) позволили Саудовской Аравии в 1970-1990-х гг. нарастить свое присутствие в сфере масс-медиа, особенно спутникового телевидения. Используя широкие финансовые возможности, ваххабиты устанавливали повестку дня во многих арабоязычных странах и стремились сделать так, чтобы ваххабизм, по крайней мере, не критиковали. Для этого, например, использовалась система грантов для имамов, стоящих на про-ваххабитских позициях, а книги, написанные в поддержку ваххабизма, издавались большими тиражами и скупались саудитами, чтобы их авторы могли получить солидную прибыль. Диллон отмечает, что в настоящее время этот фактор значительно ослаб, т.к. широкое распространение коммуникационных технологий и появление сети Интернет сделало доступной самую различную информацию для жителей арабских стран. Тем не менее, в самой Саудовской Аравии все еще сохраняется практика государственной цензуры.²

Рассмотренные выше историко-социальные особенности возникновения и распространения ваххабизма оказали общее влияние на особенности конструирования образа ваххабизма в общемировом контексте. Наш анализ, тем не менее, был бы неполным без обращения к специфическим особенностям непосредственно российского контекста конструирования ваххабизма как религиозной девиации.

Спецификой нашей страны, в первую очередь, является присутствие ваххабитского фактора на Северном Кавказе. Российский исследователь А. Кудрявцев, отмечая, что распространение ваххабизма на Северном Кавказе началось с Дагестана, пишет: «Пропагандой идей «чистого ислама» в Дагестане (как и в других республиках региона) занимались и иностранцы – преподаватели арабского языка и религиозных дисциплин, представители различных благотворительных и гуманитарных исламских организаций, открывших в начале 90-х годов ряд филиалов на Северном Кавказе... В 90-е годы «ваххабизм» превратился в Дагестане в яркий социокультурный феномен. «Ваххабитские» общины («джаматы») возникли во многих селах и городах республики. Их члены отличались от большинства мусульман даже своим внешним видом: обязательные борода и подстриженные усы, укороченные штаны,

¹ См.: Dillon M.R. Wahhabism.... – P.63-66.

² См.: Ibid. – P.67.

у женщин – чадра, полностью закрывающая лицо (что никогда не было в обычае у дагестанских горняков). «Ваххабиты» вступили в конфликт с влиятельными шейхами суфийских тарикатов – лидеров традиционного ислама. Наиболее яростного противника они нашли в лице накшбандийского шейха Саида из села Чиркей, близкого к руководству Духовного управления мусульман Дагестана. В 1994 году религиозный раскол обострился настолько, что в некоторых мечетях имамы стали призывать прихожан убивать «бородатых» как худших врагов ислама... увеличение числа сторонников «чистого ислама» в Дагестане в этот период во многом было выражением социального протеста против тяжелой экономической ситуации, массовой безработицы, коррупции, распространения наркомании и преступности. К этому добавилась и начавшаяся в конце 1994 года «чеченская война».¹ Примечательно, что, как отмечает В. Акаев, проникновение ваххабизма в Дагестан началось еще до распада СССР: «...Необходимо отметить, что ваххабитские идеи еще в конце 70-х годов в завуалированной форме проповедовал в Дагестане известный алим Багаутдин Кебедов (он же Багаутдин Мухаммад). Позже он создал в г. Кизил-юрт ваххабитскую школу, в которой обучались несколько сот человек из разных сел Дагестана, Чечни, Карачаево-Черкессии».²

Существенным фактором активизации ваххабизма (и, следовательно, его конструирования в пространстве публичных дискурсов) стали боевые действия в Чечне, а также вторжение боевиков на территорию Дагестана. В. Акаев пишет: «Роль дагестанских и чеченских сторонников «ваххабизма» среди мусульман региона возрастает после войны в Чечне 1994-1996 годов, в которой они приняли активное участие. Вмешиваясь в духовный и политический процесс, ваххабиты выдвигают программу полной исламизации Чечни и навязывают ее чеченскому обществу. Возросшим влиянием ваххабитов отмечается и религиозная ситуация в Дагестане, особенно в ряде горных аварских селений... В 1996 году под влиянием ваххабитов в Чечне отменяют российские законы, вводят «Уголовный кодекс-шариат», призванный регулировать гражданские и уголовно-правовые отношения... В правительство А. Масхадова вошли открытые сторонники ваххабизма: М. Удугов, И. Халимов, А.В. Хусаинов и сочувствующий им Ш. Басаев... – они проявляли завидную настойчивость в пропаганде идеологии ваххабизма... Даге-

¹ Кудрявцев А. «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3 (9). – Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/14.Kudriav.shtml>, свободный.

² Акаев В. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: миф или реальность [Электронный ресурс] // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 3 (9). – Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/15.Akaev.shtml>, свободный.

станские и чеченские ваххабиты в целях исламизации всего Кавказа и создания единого чечено-дагестанского исламского государства организовали Конгресс народов Ичкерии и Дагестана... По мнению некоторых наших информаторов, этот «исламский проект» финансировали зарубежные мусульманские радикально-экстремистские организации». ¹ Тематика чеченских кампаний, которая играла важную роль в конструировании образов ваххабизма в конце 1990-начале 2000 гг., в настоящее время перестала функционировать в качестве контекста символической репрезентации ваххабизма. Вероятно, единственным исключением стали бои в Нальчике в 2005 г., инициаторами и активными участниками которого были члены ваххабитских джамаатов.

Другой фактор – террористический – до сих пор продолжает играть существенную роль в качестве контекста конструирования ваххабизма как религиозной девиации: «Многие дагестанские и чеченские «ваххабиты» оказались прямыми участниками терактов, похищения людей, казни иностранцев... Эмир ваххабитов, некто Абдурахман, прибывший в Чечню из арабского мира, выдавал фатву (разрешение) на похищение иноверцев, а также тех, кто не согласен с идеями исламского радикализма... Зло, творимое преступниками, прикрывающимися религиозными лозунгами, при бездействии местных и федеральных властей расплодилось не только по Северному Кавказу, но и по другим регионам России». ²

Несмотря на то, что нет формальных оснований ставить знак равенства между ваххабизмом и терроризмом/экстремизмом, отождествление этих понятий конструируется на законодательном уровне ряда субъектов Российской Федерации. Как отмечает М.Ш. Абдулаева, «в 1999 г. Народным Собранием РД был принят Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Из формулировки Закона следует, что ваххабизм и экстремизм официально признаны взаимосвязанными явлениями. Таким образом, данный Закон априори идентифицирует последователей ваххабизма с потенциальными экстремистами (террористами), тогда как деятельность антигосударственных экстремистских организаций должна регулироваться нормами Уголовного кодекса РФ. В данном же случае Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности...» диссонирует с Законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» и усиливает напряжение между мусульманами, принадлежащими к разным направлениям ислама. В результате ваххабиты не только не

¹ Акаев В. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: миф или реальность [Электронный ресурс] // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 3 (9). – Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/15.Akaev.shtml>, свободный.

² См.: Там же.

исчезли, но стали привлекать к себе еще большее внимание».¹

По информации Национального антитеррористического комитета, в 2011 году было совершено 10 террористических актов, в 2010 г. – 23, в 2009 г. – 6, в 2008 г. – 2, в 2007 г. – 48, в 2006 г. – 112, и в 2005 г. – 251 террористический акт. Местами совершения террористических актов, в большинстве своем, были республики Северного Кавказа, а основным объектом террористических атак – сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие, и в меньшей степени – мирные жители. В период 2005-2007 гг. массовый характер носили и нападения/обстрелы сотрудников органов внутренних дел, иных силовых структур, а также представителей властных органов.²

И, наконец, нельзя не рассмотреть и такую специфику российского контекста, как позиционирование ваххабизма в качестве протестного направления ислама. Это особенно актуально в республиках Северного Кавказа, которые отличаются высоким уровнем коррупции. Социальные лозунги ваххабитов, в частности, призывы к справедливости, импонируют многим жителям региона, которые устали от тотальной несправедливости в обществе. Обличительная риторика ваххабитов особенно контрастна на фоне поддержки, которую представители «традиционного ислама» (по мнению А.В. Малашенко, к нему относятся представители ханафитского и шафиитского мазхабов-правовых школ, а также члены суфийских орденов³) оказывают местным властям.⁴

Таким образом, в третьей главе мы проанализировали исторический и социальный контексты конструирования ваххабизма как религиозной девиации. Мы рассмотрели идейные предпосылки появления ваххабитского учения, изучили его суть и выявили факторы его распространения начиная с XVIII в. по наши дни. Наряду с этим была изучена и контекстуальная специфика Российской Федерации, в частности, были затронуты темы появления и усиления ваххабизма на Северном Кавказе, участия ваххабитов в военных действиях на территории Чечни и Дагестана и их активном участии в целом ряде террористических актов.

¹ Абдулаева М.Ш. Проблемы внутрисламского диалога в Дагестане // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №2. – С.221.

² Статистика террористических актов на территории Российской Федерации в 2005-2011 гг. [Электронный ресурс] // Официальный веб-портал Национального антитеррористического комитета. – Режим доступа: http://nak.fsb.ru/nac/media/terrorism_today/history.htm, свободный.

³ См.: Малашенко А.В. Ислам в России: религия и политика // Исламоведение. – 2010. – № 3. – С.73.

⁴ См.: Абдулаева М.Ш. Проблемы внутрисламского диалога.... - С.221.

ГЛАВА 4. КОНСТРУИРОВАНИЕ ВАХХАБИЗМА В ПЕЧАТНЫХ СМИ

Конструкционистские исследования СМИ являются одними из самых популярных направлений в феноменологической традиции, что вызвано, с одной стороны, значимостью продукции масс-медиа для конструирования тех или иных образов в символическом пространстве, и относительной легкостью сбора и обработки медийной информации в качестве эмпирической базы. Очевидно, что в нашем исследовании (де)конструирования ваххабизма мы не могли не обратиться, прежде всего, к анализу СМИ.

Первым этапом любого исследования масс-медиа является обоснование выборки медийных носителей. Судя по данным репрезентативных исследований, наиболее популярным видом СМИ в нашей стране является телевидение (в среднем более 80 процентов россиян предпочитают узнавать информацию по телевидению). Второе место по популярности занимают печатные СМИ (примерно 20%), а третье – сеть Интернет (около 15% в среднем, причем в последние годы этот показатель вырос с 5-7 процентов до почти 20 процентов).¹ При этом по данным Фонда «Общественное мнение», газеты являются наиболее популярным видом печатной продукции, которую, с той или иной долей периодичности, читают 66 процентов жителей России (данные на октябрь 2010 г.).² Что же касается популярности сети Интернет, то по данным той же исследовательской организации доля проникновения сети интернет составляет в России по состоянию на начало 2011 г. 43 процента.³ Согласно экспертным оценкам, соотношение сил на медиа-фронте будет меняться, т.к. уже сейчас происходит постепенное вытеснение печатных СМИ и снижение их значимости для аудитории в пользу т.н. «новых медиа», т.е. интернет-СМИ.⁴

С точки зрения популярности и влияния на аудиторию, телевидение является наиболее оптимальным видом СМИ для исследования особенностей конструирования ваххабизма. Тем не менее, телевизионные исследования являются довольно сложными для начинающих исследователей, особенно когда речь идет о выделении специфической темы в многообра-

¹ Обобщенные данные ряда социологических исследований за 2005-2012 гг. См. напр.: День Интернета в России [Электронный ресурс] // Веб-портал ВЦИОМ. – 2008. – 30 сентября. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=10753>, свободный; Общественное мнение – 2011: ежегодник. – М.: Аналитический центр Ю. Левады, 2012. - С.168-169 и др.

² См.: Страна газет [Электронный ресурс] // Веб-портал Фонда «Общественное мнение». – 2011. – 27 сентября. – Режим доступа: <http://fom.ru/kultura/10178>, свободный.

³ Подр.см.: Интернет в России. Зима 2010-2011: аналитический отчет [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». – Режим доступа: http://bd.fom.ru/pdf/Internet%20v%20Rossii%20Vol32.%20Zima%202010-2011_short.pdf, свободный.

⁴ См. напр.: Gaskins B., Jerit J. Internet News. Is It a Replacement for Traditional Media Outlets? // The International Journal of Press/Politics. – 2012. – Vol.17. – №2. – P.190-213.

зии теле-контента. Кроме того, при исследовании теле-контента практически невозможно решить задачу сплошной выборки релевантных тем исследования сообщений, что бывает необходимым в том случае, когда необходимо изучить мало представленную в символическом пространстве тему. Не случайно большинство исследований конструкционистской направленности включают анализ теле-контента в качестве дополняющей эмпирики, или темы подбираются по принципу их широкой представленности на телеэкранах, наличия специальных передач на заданную тему (например, политика, криминал, коррупция и пр.), а также возможности обратиться к вышедшим в эфир сюжетам на веб-сайтах телеканалов.¹ Соответственно, в нашем исследовании в качестве источника эмпирической информации по традиционным СМИ мы выбрали печатные газеты, которые, хоть и имеют меньшую популярность, но по-прежнему оказывают существенное влияние на общественное мнение.

Следует отметить, что в изучении масс-медиа существуют три исследовательские стратегии: применение только количественного, только качественного и смешанного (количественно-качественного) анализа. Последняя стратегия начинает приобретать все большую популярность, т.к. многие исследователи высказываются в пользу того, что необходимо отходить от жесткой ориентации только на определенную исследовательскую методику. Как отмечает Л.Я. Лаба, «использование только одной какой-либо стратегии может привести к «однобокости» полученной информации... На наш взгляд, противостояние количественных и качественных подходов, все еще имеющее место в исследовательских позициях, достаточно иллюзорно. Учитывая принципиальную разницу в исходных посылах, эти подходы следует рассматривать как взаимодополняющие, исследующие разные, но диалектически взаимосвязанные аспекты социальной жизни: уникальность и типичность явления, его статику и динамику и т.п.»²

Среди различных типов смешанного анализа наиболее широко используется метод триангуляции. Идея метода, разработанного Н.К. Дензином, заключается в том, что одни и те же эмпирические события могут

¹ См. напр.: Ясавеев И.Г. «Сижу за решеткой»: медиаобразы российских залоченных // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – Т.8. – № 1. – С.53-68; Кузнецова-Моренко И.Б., Салахатдинова Л.Н. Ислам и мусульмане в общероссийских и татарстанских телевизионных программах // Социологические исследования. – 2006. – №2. – С.120-127; Денисова Е.А. Проблема российской коррупции в рамках объективистского и конструкционистского подходов // Девиации и контроль: результаты эмпирических исследований девиантного поведения в современной России / под ред. М.Е. Поздняковой, А.Л. Салагаева. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С.197-214 и др.

² Лаба Л.Я. Способы интеграции качественных и количественных методов // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С.124.

быть исследованы различными методами, т.к. разные методы раскрывают разные аспекты изучаемых явлений. Один из типов триангуляции, который получил название триангуляция по Лазарсфельду, предполагает смешивать в одном и том же эмпирическом исследовании данные, которые обычно считают полярно противостоящими: качественное («включенное наблюдение», глубинные / экспертные интервью и т.д.) и количественное (анкетирование, обработка данных и пр.) исследование.¹

Представляется, что стратегия триангуляции по Лазарсфельду вполне может быть использована в нашем исследовании СМИ. В частности, с помощью количественных показателей мы можем охарактеризовать отобранные для анализа данные с точки зрения превалирования тех или иных тем и персонажей, а также периодов более активного конструирования ваххабизма внутри рассмотренного периода 2001-2011 гг. С помощью качественного анализа мы можем выявить особенности медийного конструирования ваххабизма, например, используемые дискурсивные приемы и стратегии, доминирующие и сопутствующие дискурсы и т.д.

Для исследования печатных СМИ были отобраны три общенациональные газеты – «Известия» (тираж – 176,2 млн. экз.), «Российская газета» (тираж – 180 тыс. экз.) и «Независимая газета» (тираж – 57 тыс. экз.). Отбор газет был продиктован, в первую очередь, их тиражностью, а также необходимостью репрезентации различных точек зрения, т.е. учитывал характер изданий («официальный», «независимый», «оппозиционный»). В указанных изданиях были изучены все публикации за период 2001 – 2011 гг. и выделены те из них, которые содержали ключевые фразы «ваххабизм / салафия» или их производные. Общий объем выборки представлен в табл. 4.1.

Таблица 4.1.

Выборка исследования

Печатные издания	Общее количество материалов
«Известия»	141
«Российская газета»	118
«Независимая газета»	170

Далее из отобранных публикаций были выбраны те, которые рассматривали проблематику ваххабизма в качестве основной или одной из основных тем, а не просто упоминали о ваххабизме по ходу текста. Количество отобранных для анализа статей по каждому изданию представлено в табл. 4.2.

¹ Култыгин В.П. Количественный и качественный анализ: органическое единство или автономия // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С.10.

Таблица 4.2.**Количество публикаций, отобранных для анализа**

Печатные издания	Количество отобранных материалов
«Известия»	34
«Российская газета»	35
«Независимая газета»	38

В табл. 4.3 представлено распределение отобранных для анализа публикаций по исследуемым годам. Из графика, построенного по данным этого распределения, видно, что устойчивый интерес к теме ваххабизма в изученных газетах прослеживается в периоды 2001-2005 гг. Далее имеет место трехгодичный период (2006-2008 гг.) практически нулевого интереса к теме, в котором значительно снизилось число статей, анализирующих проблематику ваххабизма. Начиная с 2009 г. снова наблюдается рост интереса к ваххабизму со стороны печатных изданий, хотя и не такой значительный, как в период 2001-2005 г.

Нетрудно заметить, что частота освещения проблематики ваххабизма в прессе тесно связана с террористической деятельностью на территории России. Период 2001-2005 гг. характеризовался чередой крупных террористических актов: захват самолета с заложниками в Стамбуле (2001 г.), теракт на Дубровке (2002 г.), взрыв на фестивале в Тушино (2003 г.), захват школы в Беслане, теракты в метро и взрывы самолетов (2004 г.), нападение боевиков на г. Нальчик (2005 г.). Повторный рост числа публикаций о ваххабизме в 2009-2011 гг., очевидно, связан с подрывом «Невского экспресса» (2009 г.), терактами в московском метро и г. Кизляре (2010 г.), а также взрывом террориста-смертника в аэропорту «Домодедово» (2011 г.).

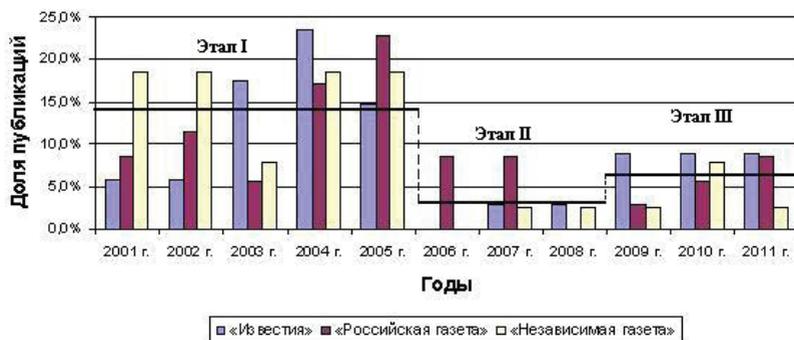
Таким образом, вплоть до середины 2000-х годов (этап I), печатные издания демонстрируют моральную панику, связанную с проблемой ваххабизма, которая затем резко деактуализируется (этап II – спад моральной паники) и в дальнейшем, после активизации терроризма на территории России, возрождается лишь отчасти, не в полную силу (этап III).

Таблица 4.3.**Количество публикаций, распределенное по годам**

Годы	Количество отобранных материалов		
	«Известия»	«Российская газета»	«Независимая газета»
2001 г.	2	3	7
2002 г.	2	4	7

2003 г.	6	2	3
2004 г.	8	6	7
2005 г.	5	8	7
2006 г.	0	3	0
2007 г.	1	3	1
2008 г.	1	0	1
2009 г.	3	1	1
2010 г.	3	2	3
2011 г.	3	3	1

Распределение публикаций по годам (в % от числа отобранных публикаций)

Справедливость предположения о том, что численность публикаций о ваххабизме в отечественной прессе прямо коррелирует с террористической активностью в стране, подтверждается и тематическим анализом статей. Как видно, тематическое соединение ваххабизма и терроризма / деятельности незаконных вооруженных формирований весьма распространено и в наибольшей степени представлено в «Российской газете» (42,9%). Более того, темы, связанные с деятельностью ваххабитов в Поволжье и традиционно русских регионах, равно как и темы, связанные с особенностями ваххабизма на Северном Кавказе, также рассматривают ваххабизм в тесной связи с терроризмом. Удельно больше доля материалов о деятельности ваххабитов в Поволжье в «Независимой газете» (18,4%), причем основная доля таких материалов посвящена Республике Татарстан. Особенности ваххабизма на Северном Кавказе относительно чаще рассматриваются в «Известиях» (8,8%).

Довольно распространенной является тема сравнения ваххабизма и традиционного ислама. Сама по себе подобная тематика весьма многообразна и включает, помимо прочего, дискуссии о сектантской природе ваххабизма, об осуждении традиционным исламом ваххабизма как ереси и т.д. Доля материалов данной тематической направленности примерно одинакова во всех проанализированных печатных изданиях («Известия» – 17,6%, «Российская газета» – 14,3%, «Независимая газета» – 23,7%).

Еще одной довольно широко представленной темой является тема противодействия и борьбы с ваххабизмом (относительно велика доля публикаций по данной теме в газете «Известия» – 17,6%), т.е. риторика социального контроля над ваххабитской девиацией. В «Российской газете», в отличие от остальных изданий, присутствует тематическое направление, демонстрирующее «подноготную» ваххабизма – в эту категорию были отнесены статьи об экономических интересах ваххабитов / террористов, про их аморальные поступки и бандитские выходки (8,6%). Что же касается «Независимой газеты», то ее отличает, во-первых, относительное превалирование статей про ваххабизм в соседних государствах (Украина, Азербайджан, Таджикистан) (13,2%), во-вторых – присутствие ряда аналитических статей, подробно рассматривающих историю ваххабизма и ваххабитское мировоззрение (5,3%), и, в-третьих, статей, в которых осуществляется попытка деконструкции негативного образа ваххабизма (5,3%) (см. табл.4.4).

Таблица 4.4.

Распределение публикаций по темам (в % от общего числа отобранных публикаций)

Темы	Доля соответствующих материалов		
	«Известия»	«Российская газета»	«Независимая газета»
ваххабизм и терроризм / деятельность НВФ	32,4%	42,9%	23,7%
ваххабизм и традиционный ислам	17,6%	14,3%	23,7%
ваххабизм как (политическая) идеология	8,8%	5,7%	2,6%
ваххабизм в соседних странах	5,9%	2,9%	13,2%

противодействие ваххабизму	17,6%	11,4%	10,5%
особенности ваххабизма на Кавказе	8,8%	5,7%	0,0%
ваххабизм в Поволжье	2,9%	5,7%	18,4%
ваххабизм в традиционно русских регионах	14,7%	8,6%	2,6%
ваххабизм в российских тюрьмах	2,9%	0,0%	2,6%
статьи на тему «Что такое ваххабизм?»	0,0%	2,9%	5,3%
«подноготная» ваххабизма	0,0%	8,6%	0,0%
ваххабизм как ярлык («страшилка»)	2,9%	0,0%	5,3%

Далее рассмотрим выделенные темы с точки зрения конструкционистского анализа. Существенный вклад в конструирование ваххабизма как девиации осуществляется через риторику террористических угроз. Дискурсивная связь между ваххабизмом и терроризмом выстраивается в изученных публикациях с помощью различных приемов и методов. Прежде всего, сам факт внесения печатными СМИ в повестку дня связи между ваххабизмом и терроризмом / вооруженными попытками изменения государственного строя представляет собой стратегию сближения проблем (С. Холл).¹ Эта стратегия следует за использованием агентами социального конструирования (СМИ, политики, академическое сообщество и пр.) стратегии «сигнификации», т.е. закрепления определенного понятия со всеми сопутствующими коннотациями за определенным явлением. При использовании стратегии сближения проблем рассматриваемое явление встраивается в ассоциативный ряд иных явлений, рассматриваемых как социальные проблемы:

«...Пропанганда идей ваххабизма после распада Советского Союза и предоставления мусульманам религиозных свобод имела и имеет место и в России, и в Средней Азии, и в Азербайджане. Под флагом возрождения веры миссионеры, преподаватели, сотрудники ряда исламских организаций стали проповедовать идеи «чистого ислама»,

¹ Подр.см.: Hall S. Policing the crisis: mugging, the state, and law and order. – New York: Holmes & Meier, 1978. – P.224.

сделали своей целью борьбу с “неверными”, наведение “исламского порядка”. Наибольший интерес для них представляли те регионы, где ситуация могла дойти до вооруженного противостояния - тогда выделялись значительные финансовые средства, осуществлялись поставки оружия, создавались специально обученные отряды в специальных лагерях... один из постулатов ваххабизма разрешает убийство всякого, кто противостоит его идеям. На первый план ваххабитами активно выдвигается задача борьбы с властью “неверных-кяфиров”» (Владимиров А. Террор во славу Аллаха. Российская газета, 6 июля 2001 г.).

«Отец террора» [Бен Ладен] представляет течение, появившееся в Аравии в XVIII веке и названное ваххабизмом, по имени его тогдашнего лидера аль Ваххаба» (Умнов А. Клятва бен Ладена. Независимая газета, 18 апреля 2001 г.).

Схождение проблем ваххабизма и терроризма имеет в газетном дискурсе довольно четкий географический маркер, который устойчиво ассоциируется с обозначенным «клубком проблем». Речь идет о Северном Кавказе, и географическими маркерами, используемыми для сигнификации ваххабизма, являются такие обозначения, как «Чечня», «Дагестан», «Ингушетия» и «Кабардино-Балкария». В конструировании образа Чечни как очага ваххабизма и связанного с ним терроризма активно используются т.н. образы прошлого – «дискурсивные картинки», отсылающие читателя к событиям, происходившим в «Независимой Ичкерии»:

«После 1996 года Хаттаб наладил устойчивый канал финансирования из-за рубежа, организовал лагерь по подготовке ваххабитов в Урус-Мартане и Сержень-Юрте, где преподавали агенты ближневосточных спецслужб. Готовили агентов и вербовали шпионов из числа чеченцев и под видом исламского обучения в медресе Пакистана и Афганистана» (Исповедь смертника о Басаеве, Масхадове и Березовском. Российская газета, 5 июля 2002 г.).

«Для взаимодействия с международными террористическими организациями была создана “Шура” во главе с Басаевым, Удуговым, Яндарбиевым, Хаттабом. “Шура” ввела ваххабитскую иерархию Чечни и Дагестана. Были назначены заместники в селах, районах республики. Они отвечали за укрепление ваххабизма на данной территории. А имамов и авторитетных представителей нашего народа называли “кяфирами” и приговаривали к смерти. Под видом борьбы с пьянством культивировались наркотики. Молодежь, попавшую под влияние ложной идеологии, называли “моджахедами”, а погибших – “шахидами”» (Завгаев А.Г. Кто посеял семена зла и насилия и кто их пожинает. Независимая газета, 12 марта 2002 г.).

Что же касается остальных северокавказских республик, то, опять-таки, образ Чечни в статьях о них неизменно предстает в качестве места «дискурсивного возвращения» – журналисты постоянно обращаются к чеченской проблеме в своих статьях, что неизбежно приводит к риторическому усилению представлений о силе и живучести ваххабитского подполья на всем Северном Кавказе:

«В 1999 году на территории Карачаево-Черкесии, по данным следствия, уже действовала разветвленная экстремистская сеть, строившая планы создания единого мусульманского государства между Каспийским и Черным морями. Сотни приверженцев ваххабизма из КЧР прошли школу подготовки в лагерях Хаттаба в Чечне. В ваххабитских мечетях и медресе открыто призывали поддержать мусульманское государство. Это и сделали бойцы карачаевского батальона в отряде Хаттаба при вторжении в Дагестан два года назад» (Гритчин Н. Карачаевский батальон. Известия, 23 августа 2001 г.).

Генерированию моральных паник, связанных с ваххабизмом в начале 2000-х гг., безусловно, способствовал газетный дискурс террористок-смертниц. Дело в том, что, согласно исследованию Е.Р. Ярской-Смирновой с коллегами, проблема женского терроризма в газетных публикациях репрезентировалась через отсылку к иррациональности, фанатичности и особой жестокости.¹ Дискурсивное соединение проблемы женского терроризма и ваххабизма символически превратило последний в идеологию «промывания мозгов», способную превратить женщин в безжалостных и кровавых убийц гражданского населения:

«Их называют “невесты Аллаха”, “черные вдовы”, шахидки... Появление женщин-смертниц в Чечне спецслужбы напрямую связывают с распространением на Северном Кавказе ваххабизма, который обещает прямое попадание в рай после “мученической смерти”, принятой в борьбе с “неверными”» (Шаров А. В Москве ищут «черную вдову». Российская газета, 2 сентября 2004 г.).

Панический эффект от газетных сообщений усиливался и за счет перечисления массовости и дерзости террористических актов, совершенных не только на периферии, но и в столице нашей страны:

«...Акции с участием “камикадзе” в юбке стали происходить с пугающей регулярностью. Так, 2 июля 2000 года в Чечне одновременно произошло 5 таких терактов: два в Гудермесе, по одному в Новогрозненском, Урус-Мартане и Аргуне. Самым кровавым терактом

¹ Подр. см.: Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Щепланова В.В. Женщины-террористки в интерпретативных моделях СМИ. Дискурс-анализ газетных публикаций // Политические исследования. – 2003. – №6. – С.144-154.

в республике, осуществленным боевиками, в том числе с помощью женщины-смертницы, стал подрыв Дома правительства в Грозном, в результате которого погибли 72 и ранены 210 человек. В Москве “черные вдовы” впервые объявились в октябре 2002 года во время захвата заложников на мюзикле “Норд-Ост”... 5 июля на рок-фестивале в Тушине сразу две террористки привели в действие взрывные устройства в толпе молодежи, спешащей на концерт. Буквально через пять дней еще одна женщина так и не смогла взорвать себя на Тверской... Далее последовал декабрьский взрыв возле гостиницы “Националь”, смертница направлялась к зданию Государственной Думы, и теракт в феврале нынешнего года в метро на перегоне между станциями “Автозаводская” и “Павелецкая”» (Шаров А. В Москве ищут «черную вдову». Российская газета, 2 сентября 2004 г.).

Примечательно, что газетные публикации, которые были посвящены взрывам террористов-смертников в последние годы, в меньшей степени акцентировали связь между действиями террористов и ваххабизмом, хотя, безусловно, имплицитное конструирование подобной связи сохраняется в печатных СМИ и по сей день. Например, широко используются термины «шахидка» и «пояс шахида», которые семантически несут коннотации, связанные с ваххабизмом.

Риторическая связка «традиционный ислам versus ваххабизм» в официальных изданиях (в частности, в «Российской газете») конструируется через стратегию отстройки, при которой ваххабизм противопоставляется классической мусульманской религии и представляется в образе радикального течения или даже секты:

«...Резко активизировалась деятельность религиозных эмиссаров из стран арабского мира. Они проповедуют наиболее радикальные формы ваххабизма. Именуящие себя мусульманами, эти люди навязывают населению идеи политического экстремизма, которые не имеют ничего общего с классическим исламом» (Макаров В. Ставрополье может потерять треть своей территории. Российская газета, 15 мая 2001 г.).

«А что такое ваххабизм? Мусульманская ересь, которая возникла в XIX веке на Аравийском полуострове под лозунгом: “Очистим ислам от суеверий!”. Основоположник ваххабизма Муххамед Абд аль-Ваххаб посчитал “суеверием” все труды мусульманских ученых и вообще все, что происходило в мусульманском мире на протяжении многих веков» (Сердюков М. Террорист не может быть верующим. Российская газета, 29 октября 2009 г.).

Подобное дискурсивное различие проводится для того, чтобы образ «Чужого» включал в себя только тех, кто встраивается в констру-

ируемый образ ваххабита. Тем не менее, печатные издания признают, что на обывательском уровне любой мусульманин может стать объектом исламофобии, сгенерированной постоянным контекстуальным воспроизводством ассоциативного ряда «ислам» / «ваххабизм» / «терроризм»:

«...Можно с горечью констатировать, что попытки создать в представлениях людей образ “мусульманина-врага” были не бесплодными. Теперь этот образ будет автоматически переноситься на любого, кто объявит себя последователем ислама. А для России, к сожалению, характерно искать виновных в существующих проблемах в лице представителей определенных национальностей» (Владимиров А. Террор во славу Аллаха. Российская газета, 6 июля 2001 г.).

«Основной тезис сводится к «прямой линии», якобы соединяющей Коран и Сунну с терроризмом, как об этом предельно откровенно заявил после бесланской трагедии диакон Андрей Кураев. Согласно данному толкованию, зло было заложено в самом акте исламского творения. Тем самым выдвигается автоматическая связь между Кораном и самопроизвольной радикализацией исламского мира» (Магомедов А.К. Из ваххабизма делают очередную страшилку. Независимая газета, 27 мая 2005 г.).

Подобное дискурсивное разграничивание встречается и в риторике первых лиц государства:

«Дмитрий Медведев призвал не равнять правоверных мусульман с террористами, которые спекулируют на вере. – Мы не должны называть экстремистов “исламскими экстремистами”. Правильное наименование бандитов – просто бандит, у него нет религиозного содержания, даже если у него где-то в голове крутится, что он правоверный мусульманин. Он не мусульманин, он бандит! – заявил президент» (Фаризова С. Религия станет оружием борьбы с экстремизмом. Известия, 31 августа 2009 г.).

Более того, отдельные газетные пассажи подчеркивают девиантную суть ваххабизма через репрезентацию такого компонента ваххабитского мировоззрения, как «такфир» – обвинение мусульман в вероотступничестве, что легитимизирует их убийство:

«Необходимо отметить, что в последнее время религиозная нетерпимость проявляется на Северном Кавказе не только и не столько в отношении последователей других религий, сколько в отношении “мусульман-традиционалистов”, придерживающихся религиозных установлений своих предков. Ваххабиты объявляют их вероотступниками, а следовательно, считают допустимым убивать их» (Владимиров А. Террор во славу Аллаха. Российская газета, 6 июля 2001 г.).

С другой стороны, результаты исследования печатной прессы свидетельствуют о том, что сами медийные публикации явно или неявно конструируют ассоциации, ведущие к исламофобским настроениям в обществе. Вот, например, фрагмент статьи, который фактически отождествляет законы мусульманского права с террористической деятельностью:

«Законы шариата и российские законы все теснее переплетаются между собой в Чеченской Республике. По одним происходят подрывы и теракты, по другим - восстановление мирной жизни» (Борисов Б. Через минное поле. Российская газета, 23 марта 2002 г.).

А вот отрывок, который прямо обвиняет ислам в формировании террористического мировоззрения и претворения его в жизнь:

«...Произошедшее в Беслане – не просто преступление. Это религиозное преступление. Ритуальное убийство. Убийство детей, совершенное с молитвой и во имя веры террориста. С криком “Аллах акбар!”- террорист убивает людей, принося их в жертву своей религиозной идее... в роли убийц выступают не бандиты и воры, а люди чуждой веры, убивающие христиан именно во имя этой своей веры» (Кураев А. Как относиться к исламу после Беслана? Известия, 15 сентября 2004 г.).

В противоположность стратегии отстройки, в ряде публикаций печатных изданий используется другая стратегия, которая имплицитно конструирует тесную связь между ваххабизмом и российским мусульманским духовенством, на фоне которой отдельные «традиционные» имамы и муфтияты предстают как исключение из правил:

«Будучи имамом одной из местных мечетей, в середине 90-х он побывал сразу в нескольких арабских странах, где нашел спонсоров для открытия на родине, в городе Учкееке, собственного медресе. В учебное заведение приезжали арабские наставники, которые проповедовали местным молодым мусульманам свою науку: как правильно понимать ислам, как правильно молиться, исполнять обряды. Поначалу все выглядело довольно пристойно... Однако со временем большее значение стали уделять физической подготовке и урокам рукопашного боя... Постепенно проповеди становились агрессивнее. Все чаще сам Борлаков повторял, что мусульман в России притесняют, что мусульманам нужно объединяться и что жить надо по шариатским, а не по светским законам. Что официальная организация – Духовное управление мусульман – прогнившая и коррумпированная структура, которая дружит с властью и не заботится о бедных. На арабские деньги Борлаков начал строить в Карачаево-Черкесии новые мечети. В них уже служили назначенные им имамы, которые проповедовали его идеи» (Пунанов Г. Ваххабитское подполье. Известия, 13 мая 2002 г.).

«...В феврале 1998 года муфтия Габдуллу Галлиулина сменил муфтий Гусман Исхаков. Документы свидетельствуют о налаживании крепких идеологических и финансовых контактов с Министерством религиозных дел и вакуфов Саудовской Аравии, с крупными бизнесменами из Кувейта, Ирана, Эмиратов, Алжира... Более двадцати имамов от арабских фондов приглашены для работы в мечети Закамья, а также преподают в Российском исламском университете и высших мусульманских медресе, которые открыто финансируются этими фондами... Мусульман Татарстана пугали проповеди иностранных имамов, которые отрицали такие традиционные обряды, как проведение поминок, седьмого и сорокового дня, раздача заупокойной милостыни, посещение могил умерших родственников... В республике создан муфтият, борющийся с классическим исламом...» (Постнова В. Татарстан в объятиях ваххабизма. Независимая газета, 30 ноября 2004 г.).

Газетный дискурс нередко возлагает ответственность за подобное положение дел на самих духовных пастырей российских мусульман, которые обладают низким уровнем богословской подготовки и больше ориентированы на борьбу за властно-символические и экономические ресурсы, нежели на работу с многообразной мусульманской уммой:

«Официальные исламские структуры не желают вести диалог со своими оппонентами – хорошо подготовленными богословскими лидерами салафитских общин. А последние критикуют “мулл-аппаратчиков”, которые вместо того, чтобы заниматься религиозным просвещением, поглощены борьбой за мечети, деньги и власть. Дистанцируясь от верующих масс и теряя у них авторитет, официальное духовенство предпочитает опору на государство. Руководители официальных исламских структур всячески подчеркивают свою лояльность существующему политическому режиму, объявляя себя то носителями “российского мусульманского патриотизма”, то сторонниками “традиционного евразийского ислама”» (Магомедов А.К. Из ваххабизма делают очередную страшилку // Независимая газета, 27 мая 2005 г.).

Таким образом, с точки зрения медийной повестки дня, отсутствие харизматичных и целеустремленных лидеров способствует проникновению ваххабитских идей в среду российских мусульман:

«...У российских мусульман нет иммунитета против ваххабизма и других форм исламского экстремизма. Большинство мусульман - довольно аморфная масса, как и большинство православных. Ваххабиты же представляют собой самую активную и целенаправленную группу мусульман в России» (Тульский М. Ваххабиты в России побеждают умеренных мусульман? Независимая газета, 19 июня 2001 г.).

Более того, судя по ряду статей в изученных газетах, взаимное обвинение религиозных деятелей в приверженности ваххабизму было и остается довольно распространенным явлением:

«Совершенно другая проблема возникает в связи с использованием ярлыка “ваххабиты” теми, кто выступает с критикой мусульман или их руководителей. Они используют этот термин как ругательство и пытаются найти малейший повод для того, чтобы приклеить это слово всем мусульманам. Более того, и сами мусульманские лидеры увлеклись взаимными обвинениями в ваххабизме для очернения своих противников» (Владимиров А. Террор во славу Аллаха. Российская газета, 6 июля 2001 г.).

«... Талгат Таджуддин обратился к полпреду президента в Уральском федеральном округе Петру Латышеву с просьбой предотвратить в дальнейшем деятельность ежегодных летних лагерей по подготовке ваххабитов. Деятельность эта якобы организована Духовным управлением мусульман азиатской части России, находящимся в подчинении у Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина... Взаимные обвинения главы Равиля Гайнутдина и Талгата Таджуддина в связях с иностранными “ваххабитскими организациями” звучали не раз. И заявление Таджуддина можно считать очередным опосредованным выпадом против конкурента» (Щипков Д. Ваххабиты дошли до Урала. Независимая газета, 14 ноября 2002 г.).

С темой внутренних распрей в российской умме тесно переплетается тематика усиления ваххабизма в регионах Поволжья, прежде всего – в Татарстане. Дискурс ваххабизации Поволжья предстает в газетных публикациях как прямое следствие отсутствия внутреннего единства в рядах мусульман России, на фоне чего экстремисты с легкостью ведут свою деструктивную работу. В газетной риторике начала 2000-х гг. больший акцент делался на проблематизации ситуации в Закамье, особенно Набережных Челнах, где в свое время действовали радикальные медресе, шла активная вербовка добровольцев для «борьбы с Россией» и т.д.:

«Славу центра мусульманского экстремизма средней полосы России могут стяжать себе Набережные Челны. Всюевремя здесь была закрыта мечеть, в которой, как оказалось, проповедовался ваххабизм...» (Григорьев А. Над Камой пылают кресты. Российская газета, 12 октября 2002 г.).

«... Говорили и о медресе “Йолдыз”, известном как гнездо ваххабизма в Набережных Челнах, где, в частности, девочек-подростков ... учат пользоваться с максимальным эффектом “поясом смертниц”. Известность медресе принес один из его учащихся, беженец из Узбекистана, осевший в Челнах, Денис Сайтаков, который 1 декабря 2000 года уча-

ствовал во взрыве жилого дома в Москве» (Постнова В. Ваххабиты под носом у Шаймиева. Независимая газета, 22 сентября 2004 г.).

Что же касается соответствующей риторики последних лет, то акценты в проблематизации распространения ваххабизма в Поволжье и соседних регионах смещаются, и печатные издания сообщают уже о потенциальной готовности ваххабитского подполья к вооруженным действиям, направленным против государственных органов и их представителей. Распространенной является, например, компаративная стратегия конструирования проблемы ваххабизма, при которой ситуация в Татарстане, Башкортостане и соседних областях сравнивается с начальными периодами нестабильности в ряде северокавказских республик:

«В Казани прошла конференция, посвященная одной из самых громких, неоднозначных, а равно и не обсуждаемых проблем в Татарстане и во всем Поволжье: радикальный ислам – или ваххабизм, салафизм. По мнению экспертов ... мусульманские радикалы стали угрозой для стабильности региона... было объявлено, что в Татарстане может развиться ситуация по «ингушско-дагестанскому сценарию», когда мусульмане под влиянием проповедников берут в руки оружие, уходят в подполье и совершают террористические акты» (Гордеев Я. Татарстан сбивается на кавказский путь. Независимая газета, 6 декабря 2010 г.).

«Банда была ... матерой ваххабитской группой, занимавшейся террором, и начавшийся процесс едва ли не беспрецедентен для Урала... традиционно мусульманские Башкортостан и Татарстан очень отличаются от северокавказских республик. Поэтому хорошо организованная ваххабитская группа на Урале – это нонсенс...И вот террористическое гнездо обнаружилось в центре России» (Борисов Т. Ваххабизм не прополз. Российская газета, 24 марта 2011).

Интересной особенностью изученных СМИ является внимание к т.н. проблеме «русского ваххабизма». Печатные издания обращают внимание на то, что носителями идей мусульманского экстремизма все чаще становятся те, кто этнически принадлежит к русскому или славянским этносам. Последнее усиливает проблематизирующий эффект статей, т.к. подобные тексты конструируют риторику «двойного предательства»: «русские ваххабиты» сначала «предали свою веру», а затем совершили «второе предательство», встав на сторону тех, кто борется против российского государства:

«...Задержанный Роман Крохалев является уроженцем Пермской области, ему 25 лет и он был дважды судим. А в последнее время он находился в федеральном розыске за дезертирство. По полученным данным, Крохалев в период прохождения воинской службы в Чеченской

Республике в сентябре 2003 года самовольно оставил часть и в Дагестане был завербован членами диверсионно-террористической группы. Он изучал ваххабизм и получил новое имя - Рамзан. Руководителем группы, чеченцем по национальности, Крохалева была обещана крупная сумма денег и новый паспорт гражданина России» (Чаплыгина Г. Говорит и показывает Рамзан. Российская газета, 15 октября 2004 г.).

«...Духовным наставником «русского ваххабита» Виктора Двораковского, взорвавшего себя при задержании в ставропольском селе Иноземцево, был бывший имам Пятигорской мечети Антон Степаненко. Община, которую возглавлял Степаненко, как считают силовики, была фабрикой «мучеников за веру» – через нее прошли боевики, которые участвовали в захвате Нальчика и при совершении терактов в Дагестане» (Гордеева Е. Террорист Двораковский был учеником имама Абдаллаха. Известия, 19 июля 2011 г.).

Дискурс социального контроля над девиацией (государственного противодействия ваххабизму) в основном носит оценочный характер, не предполагающий предоставление каких-либо рекомендаций по методам борьбы с ним, что соответствует такой особенности моральных паник, как общественная озабоченность и требование «что-нибудь предпринять» в отношении проблемной ситуации. Пассажи рекомендательного характера, как правило, встречаются в печатных изданиях в виде высказывания отдельных политиков, государственных служащих или экспертов:

«Вчера заместитель Генерального прокурора РФ Владимир Колесников предложил ввести уголовное наказание за пропаганду ваххабизма. «Нужно наказывать лиц, которые проповедуют эту людоедскую религию, – заявил он. – У нас развелось слишком много молебных домов, где преподают джихад, затем людям дают в руки оружие. Пора положить конец этой практике...» (Куликов В. Был в УЕ, станет в УК. Российская газета, 13 апреля 2004 г.).

Газетные публикации, положительно оценивающие государственное противодействие ваххабизму, как правило, используют дискурсивную стратегию позитивизации, которая усиливается таким риторическим элементом, как аргументация (С. Тулмин, Д. Энингер, У. Брокрид), причем в качестве таковой предстают различные примеры из жизни южных регионов России:

«Власти..., обеспокоенные ростом популярности ваххабизма, приступили к ликвидации социальных условий, питающих экстремизм. Первым о разработке соответствующей целевой программы заявило ... правительство Ставрополя. В ближайшее время оно обязалось

направить в те районы края, которые считаются “осиным гнездом” ваххабизма, около миллиарда рублей – на создание новых рабочих мест, строительство водопроводов и дорог, реконструкцию больниц и школ» (Гритчин Н. Юг России будет бороться с ваххабизмом как с безработицей. Известия, 24 июня 2005 г.).

«Искоренение ваххабизма в республиках Северного Кавказа будет зависеть от того, насколько эффективно будут действовать в дальнейшем правоохранительные органы. В Чечне, например, уже добились того, что так называемые эмиры живут всего несколько месяцев после их назначения на эти должности» (Борисов Т. Война у дома. Российская газета, 28 января 2005 г.).

Кроме того, позитивные тенденции в деле борьбы с ваххабизмом демонстрируются через дискурс «заслуженного возмездия». Практически всегда этот дискурс оперирует оборотами, связанными с убийством ваххабитов, являющихся участниками незаконных вооруженных формирований («уничтожена банда», «был убит», «обезврежен» и пр.), однако встречаются и пассажи, посвященные судебному преследованию тех, кто идеологически обосновывал боевые действия против федеральных сил на Северном Кавказе:

«... в Верховном суде Дагестана начался суд над 56-летним Магомедом Тагаевым. Он считается главным идеологом ваххабизма в Дагестане. Спец-службы взяли Тагаева в разработку после того, как прочитали его книги: в них он открыто призывает к войне против России. Тагаева обвиняют в разжигании расовой, религиозной и национальной вражды, создании незаконных вооруженных формирований, разбое, хищении огнестрельного оружия, использовании фальшивых документов, организации вооруженного мятежа» (Речкалов В. Идеолога дагестанского ваххабизма начали судить. Известия, 30 июня 2004 г.).

С другой стороны, немало в печатных изданиях и материалов, которые негативно отзываюся о борьбе федеральных властей с ваххабизмом. Вот, например, фрагмент статьи, в которой автор обвиняет государственные органы в неспособности что-либо противопоставить ваххабизму в идеологической сфере:

«Федералы не могут поймать Басаева, потому что не знают, ради чего они его ловят. Наши идеологические позиции в Чечне настолько слабы и неубедительны, что в сравнении с ними одиозный и кровавый ваххабизм выглядит для многих чеченцев социально-справедливой идеологией» (Речкалов В. Идеология Басаева. Известия, 10 декабря 2004 г.).

А в этом фрагменте проблематизируется стремление властных элит дискурсивно усилить остроту проблемы ваххабизма на Северном Кав-

казе за счет систематического использования выражений и эпитетов, призванных повысить иерархический статус того или иного участника незаконных вооруженных формирований:

«... Создается впечатление, что каждый второй убитый на Северном Кавказе боевик – это личный охранник Умарова или же начальник его контрразведки, на худой конец “организатор последних террористических актов”. Если это наемник из-за рубежа, то обязательно “главный финансист террористов” или же “организатор сети «Аль-Каиды» в регионе”. Правда, о том, что тот или иной боевик занимает высокий пост в иерархии бандподполья, становится известно, как правило, только после его ликвидации... Все в принципе понятно: чем выше в иерархии бандподполья занимает пост ликвидированный боевик, тем значительнее успех проведенной спецоперации. Значит, можно рассчитывать на повышение по службе, орден и денежное вознаграждение... Но, с другой стороны, и общество имеет право знать, каковы реальные успехи государства в борьбе с терроризмом» (Огласите, пожалуйста, весь список. Независимая газета, 22 марта 2010 г.).

Эффект сообщений о низкой адекватности действий федеральной власти усиливается и за счет историй о тех ваххабитах, которые, находясь в местах заключения, не просто не отказываются от своих убеждений, но и вербуют новых сторонников в т.н. «тюремные джамааты»:

«По свидетельствам милиционеров, на зоне радикалы вовсе не чувствуют на себе враждебного отношения сокамерников. Будучи сильными людьми, они, как правило, сплачивают вокруг себя куда более слабую и неподготовленную молодежь, подкупая ее неплохими познаниями в теологии» (Фатуллаев М. Белый конь для ваххабитов // Независимая газета, 17 октября 2002 г.).

«В Барнауле вынесен приговор за попытку организации ваххабитской ячейки: 14 месяцев колонии строгого режима получил 38-летний Булат Гаянов, который, отбывая срок за организацию преступного сообщества, идеи ваххабизма проповедовал среди заключенных» (Тепляков С. Заключенный вербовал в ваххабиты // Известия, 16 декабря 2010 г.).

Следует, однако, признать, что не все материалы печатных изданий конструируют образ ваххабитов как фанатичных приверженцев экстремисткой идеологии. Ряд публикаций активно обращается к т.н. риторике неискренности (П. Ибарра, Дж. Китсьюз),¹ демонстрируя, что отдельными ваххабитами движут иные, весьма прозаические, мотивы:

¹ Подр. см.: Ibarra P., Kitsuse J. Claims-making discourse and vernacular resources // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems /G. Miller, J.A. Holstein (Eds.). – Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 2003. – P.17-50.

«В Дагестане, прикрываясь знаменем джихада, радикалы “трясут” теневой бизнес и неплохо живут. Хватает и на “Лексусы” с “Мерседесами”, и на теракты. Рэкетеры в чалмах в соседней Кабардино-Балкарии нацелились на туристическую индустрию. Видьи на Эльбрус стоят огромных денег. Хозяева гостиниц и канатной дороги не уплатили два миллиона евро на закят (взнос на бедность). Вскоре в Баксанском ущелье были расстреляны московские туристы и взорвана канатная дорога. Сезон был сорван. Бандиты в Ингушетии пошли своим путем: они рэкетируют местных чиновников, которые сидят на финансовых потоках из федерального центра» (Снегирев Ю. На чем зарабатывают террористы. Известия, 11 мая 2011 г.).

Более того, даже в действиях террористок-смертниц не всегда речь идет об их ярой приверженности ваххабитским идеям:

«Однако далеко не все смертницы являются фанатичными поклонницами одного из самых радикальных учений в исламе. Факты говорят как раз обратное. Духовные наставники “невест Аллаха” не ограничиваются идеологической обработкой своих подопечных. Чтобы окончательно сломить волю молодых женщин, которым совсем не хочется умирать, их пичкают наркотиками и психотропными веществами, которых в воюющей Чечне в изобилии. Контролируют их действия и в момент совершения теракта» (Шаров А. В Москве ищут «черную вдову». Российская газета, 2 сентября 2004 г.).

В заключение также следует отметить, что отдельные, малочисленные материалы в печатных изданиях деконструируют доминирующий негативный образ ваххабизма. Стратегия деконструкции в подобных случаях нацелена на недопустимость смешивания понятий «ваххабизм» и «терроризм / экстремизм / бандитизм»:

«С юридической точки зрения приверженность ваххабизму, безусловно, не является преступлением. Считается, что в числе последователей этого радикального исламского движения экстремистов на порядок больше, чем в любом другом. Но это отнюдь не означает, что каждый приверженец ваххабизма непременно должен быть экстремистом, так же как среди христианских фундаменталистов не все становятся на путь экстремизма. Между тем понятие “ваххабизм”- все чаще используется в качестве синонима экстремизма. Подобная терминологическая путаница приводит к тому, что в экстремизме можно обвинить тех мусульман, которые в реальности не имеют к нему никакого отношения» (Недумов О. Имамы разоблачают ваххабитов. Независимая газета, 29 января 2003 г.).

Примечательно, что подобные призывы звучат не только из уст журналистов, но и высокопоставленных государственных служащих:

«Полпред президента в Южном федеральном округе (ЮФО) Дмитрий Козак считает, что российские власти не должны преследовать ваххабитов. По его мнению, ваххабизм как религиозное течение не следует путать с экстремизмом и терроризмом. Соответствующее заявление он сделал на прошедшей в минувший четверг в Ростове-на-Дону встрече с представителями Совета Федерации» (Строительева Е. Дмитрий Козак защитил ваххабитов. Известия, 7 ноября 2005 г.).

Таким образом, в четвертой главе мы рассмотрели особенности конструирования ваххабизма в печатных изданиях федерального уровня. Печатные издания были проанализированы количественными методами, а затем – качественными. Исследование показало, что ваххабизм как религиозная девиация конструируется, в основном, с помощью дискурсов терроризма и противопоставления ваххабизма традиционному исламу, а также ряда иных, менее значимых дискурсов.

ГЛАВА 5. КОНСТРУИРОВАНИЕ ВАХХАБИЗМА ЭКСПЕРТНЫМ СООБЩЕСТВОМ

Одним из значимых источников конструирования ваххабизма является экспертное сообщество, дискурсы которого оказывают влияние на политические решения и правоприменительную практику, а также на общее состояние общественного мнения. Исходя из того, что экспертное сообщество неоднородно, для исследования специфики экспертного конструирования ваххабизма был подобран пул экспертов, представляющих четыре категории:

- 1) религиозные деятели (мусульманские священнослужители, шакирды / студенты мусульманских учебных заведений);
- 2) государственные служащие, по роду своей деятельности занимающиеся конфессиональными проблемами, в т.ч. религиозным экстремизмом;
- 3) ученые, специализирующиеся на конфессиональной тематике;
- 4) представители правоохранительных органов.

Конструирование ваххабизма экспертным сообществом изучалось по комплексной методике, включающей в себя качественный анализ полужформализованных экспертных интервью (N = 16), а также качественный анализ интервью различных экспертов, данных ими для средств массовой информации (N = 17).¹ Кроме того, для анализа изменений в экспертном конструировании ваххабизма во временном измерении нами частично были использованы интервью, собранные исследовательской группой под руководством Г.М. Мансуровой в ходе работы над проектом «Исламизация в Республике Татарстан: влияние на социальную стабильность и формирование новых идентичностей молодежи» (1999-2000 гг.),² а также выводы, сделанные исследователями по результатам этого проекта.

В экспертном дискурсе ваххабизм конструируется, с одной стороны, как мусульманская секта с присущими только ей признаками, которые помогают вычлениить ее из мусульманской уммы:

«[Ваххабизм – это] радикальное течение ислама, возникшее 150 лет назад в Саудовской Аравии... Основная идея ваххабизма такова: принимать Коран без всяких интерпретаций, отметить все национальные наслоения и традиции, игнорировать тот факт, что рядом с мусульманами живут и другие люди, других вер и других традиций. Более того, ваххабиты отрицают право и других мусульман на свое прочтение Ко-

¹ Этика социологического исследования требует сохранения анонимности респондентов, принявших участие в исследовании, поэтому их фамилии и имена в тексте не раскрываются. Исключение мы сделали лишь для тех экспертов, чьи оценки были опубликованы в масс-медиа.

² Грант, поддержанный Open Society Foundation (OSF).

рана и заповедей Пророка Мухаммеда. Короче говоря, ваххабизм - это идеология нетерпимости к другим верам, обычаям, традициям, вообще к людям, чем-то отличающимся от тебя. Достаточно сказать, что ваххабизм утверждался в той же Саудовской Аравии через кровь тысяч и тысяч людей» (Талгат Таджуддин: *Любовь к Отчизне - это часть нашей веры*. Российская газета, 3 октября 2001 г.)

Другой пример:

«Истинные мусульмане набожны, одаривают бедных, постыятся, совершают паломничество к святыням... То есть их образ жизни похож на мирную жизнь людей из других религиозных конфессий – христиан, буддистов и т.п. Но в исламе имеются учения и экстремистского толка, призывающие верующих к борьбе с иноверцами. Они по-своему, в тенденциозном духе истолковывают Коран. При этом идеология связывается с конкретными политическими целями и задачами. Так, например, ваххабитское учение, получившее свое развитие на Аравийском полуострове в XVIII веке, имело основной целью массовую политическую пропаганду за освобождение Аравии от иноземных захватчиков и объединение территорий. Аналогичные цели ваххабиты преследуют и в Чечне» (Владимир Попов: *«С Масхадовым нужно вести диалог»*. Российская газета, 4 октября 2004 г.).

Еще один пример:

«Ваххабизм, или салафия, – это отдельное течение в исламе, несмотря на то, что сами ваххабиты называют себя последователями ханбалитского мазхаба. Они ориентируются на довольно узкий круг ученых-богословов, таких, как Ибн Теймия, шейх Албани и др., которые по целому ряду вопросов находились в оппозиции к мнению большинства мусульманских богословов. Это, кстати, одна из причин, почему происходят конфликты между ваххабитами и т.н. традиционными мусульманами...» (эксперт №15, муж., 33 года, ученый).

Отдельные эксперты говорят о внешних идентификационных признаках, которые позволяют выделить ваххабитов в отдельную группу:

«Принадлежность к ваххабитской группировке устанавливается принятием идентификационных признаков – особым внешним видом (например, мужчины бреют усы и не бреют бороду) и особой одеждой (носят короткие, выше щиколоток брюки и т.п.). Примечательно, что опять-таки это делается “от противоположного” – как реализация принципа “недопустимости подражания неверным”...» (Игнатенко А.А. *Правоверность, доказываемая ненавистью*. Независимая газета, 14 сентября 2001 г.).

Кроме того, выделяются и признаки идеологического порядка, которые отличают сторонников ваххабизма от «традиционных мусульман»:

«Ваххабизм... характеризуется “программным” неприятием свободы совести. В его идеологии заложена религиозная нетерпимость, проповедь религиозной розни, призыв к насильственному искоренению всех неваххабитских систем и идей...Ваххабизм провозглашает неполноценность граждан по признаку их отношения к религии: христиане, поклоняющиеся иконам, по утверждению ваххабитских улемов (религиозных ученых), “относятся к числу наихудших созданий перед Аллахом”. В отношении немусульман (“носителей других верований, таких как христиане и прочие”) провозглашается обязательность дискриминации на религиозной основе... Ваххабизм осуществляет пропаганду исключительности своего учения, сопровождая ее угрозой применения насилия...Ваххабизм распространяет призывы, направленные на возбуждение религиозной вражды, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения... Особое, можно сказать, ключевое место в идеологии ваххабизма занимает категория или принцип, называемый “такфир”. Такфир – объявление мусульманина, представляющего другой “фрагмент” ислама, кафиром, то есть “неверным”... Есть в ваххабизме еще более изоциренное, религиозно-политическое обоснование насилия в отношении мусульман. “Язычеством” (ширк), “вероотступничеством” (ридда) или “неверием” (куфр) провозглашается любое участие в деятельности “тирании” (“тагута” – так ваххабиты называют государство и любую систему власти, которую они не контролируют), например, участие в выборах или получение пособий по многодетности... Такфир предполагает обязательное действие – джихад, то есть насилие, вплоть до убийства тех, кто квалифицирован как “вероотступник”» (Игнатенко А.А. Осторожно: ваххабизм! Независимая газета, 1 октября 2008 г.).

Эксперты из числа религиозных деятелей отмечают, что в настоящее время внешние идентификационные признаки ваххабитов перестают играть особую роль, поэтому выявление приверженцев ваххабизма должно происходить лишь на мировоззренческой основе:

«...Среднестатистический ваххабит сегодня стал умнее, нежели он был в 90-х годах XX века. Конечно, редкие представители ваххабитов, обладатели пышных бород, в коротких штанишках, кутающиеся в бедуинские халаты, еще встречаются. Но не они сегодня определяют погоду. Основные отличия этой ереси от традиционного ислама кроются в особом понимании основополагающих аспектов мусульманской религии. Излюбленное утверждение ваххабитов: Творец располагается на небесах и даже буквально восседает на небесном троне. С точки зрения правоверного мусульманина, не только определение местопо-

ложения Творца, но даже сама постановка вопроса об этом является неприемлемой... Одной из краеугольных основ ваххабитского учения является борьба с памятью об усопших... Ваххабиты, где бы они ни появились, всюду начинают борьбу с историческим наследием и культурой народов» (Хайдаров Ф.С. Узнаю экстремистов по делам их. Независимая газета, 16 ноября 2011 г.).

В экспертной риторике в отношении ваххабизма используется термин «секта», который дискурсивно маркирует ваххабитов как течение, отличное от классического ислама:

«...Террористы не являются классическими мусульманами. Они представляют сектантское крыло в исламе, известное как секта салафитов-ваххабитов. И эта секта относится к разновидности фашизма. Фашизм, если иметь в виду религиозную компоненту, как известно, был и “протестантским”, и “католическим”, но никогда не проистекал из религиозной культуры. Понятно, что и мусульманские народы не обошло это явление» (Якупов В. Резерв террористов готовится внутри России. Независимая газета, 13 сентября 2004 г.).

Тем не менее, было бы ошибочным утверждать, что все эксперты однозначно говорят о ваххабизме как исламском течении. В частности, ряд экспертов, принявших участие в исследовании, считают, что термин «ваххабизм» является, скорее, ярлыком, который используется в отношении различных экстремистских групп внутри ислама:

«...Вахаббизм как течение не существует вообще... это ... ярлык, нежели течение, учение... Могли бы просто назвать боевиками, ... эмиссарами экстремизма, а взяли и назвали вахаббизмом...» (эксперт №1, муж., 52 года, преподаватель мусульманского учебного заведения, 2000 г.).

А вот еще один фрагмент экспертного интервью, в котором утверждается некорректность использования термина «ваххабизм»:

«...Могут сказать, что это никакой не ваххабизм. Это просто – напросто экстремизм, который обозвали ваххабизмом... Ваххабизм – это ... религиозное, политическое учение в Саудовской Аравии. Оно привело к созданию саудовского государства...» (эксперт №11, жен., 54 года, ученый).

Подобные высказывания характерны и для экспертных интервью в масс-медиа. Так, например, по мнению Ш.З. Султанова, выделение «ваххабитов» в самостоятельную группу совершенно безосновательно:

«Крайний фланг исламского спектра составляет так называемый салафият аль-джихад. Это они... считают, что борьба с неверными должна вестись с применением силы и безо всяких компромиссов... Считать салафият аль-джихад каким-то самостоятельным, автохтонным направлением в исламе нет ни идеологических, ни концептуальных

оснований. Кстати, Ваххаб - одно из 99 священных имен Аллаха, значит, любой правоверный мусульманин вправе назвать себя последователем Ваххаба, т. е. ваххабитом. И только салафиты не имеют на это никакого морального права, но их-то и сделали "ваххабитами"...» (Сабов А. Мусульманский шанс России. Российская газета, 16 сентября 2005 г.).

Показателен еще один фрагмент экспертного интервью, в котором респондент перечисляет отдельные факторы, которые используются для конструирования доминирующего образа ваххабита:

«...В принципе, сейчас ярлык вахабизма клеится на любого, кто чем-то отличается от «общепринятого». Человек молится по-другому, например, возносит во время молитвы руки не на уровень головы, а на уровень плеч, что связано с разницей в мазхабах, и тут же его могут объявить ваххабитом. Ситуация еще хуже на Северном Кавказе, где ваххабитами объявляют тех, кто ходит на утренний намаз в мечеть или придерживается канонов ислама в одежде» (эксперт № 16, муж., 32 года, преподаватель мусульманского учебного заведения).

По мнению Е. Примакова, в публичном дискурсе существует упрощенное понимание ваххабизма, тогда как между ваххабизмом и радикальными течениями, пропагандирующими вооруженную борьбу, имеются фундаментальные различия:

«У нас часто проявляется элементарное заблуждение: раз экстремисты на Северном Кавказе выступают под лозунгом ваххабизма, значит, их поддерживает Саудовская Аравия с ее ваххабитским режимом. Прежде всего - уверен в этом - наши «ваххабиты» не знают, что между учением Абд аль-Ваххаба, с которым он выступил в XVIII веке, и идеями джихадистов (исламских экстремистов) существуют фундаментальные различия...» (Округ с острыми углами. Российская газета, 10 июня 2011 г.).

Кроме того, по мнению экспертов, существует и сложность, связанная с пониманием внутренней природы религиозно-мотивированного насилия. Один из экспертов, в частности, подчеркивает, что насилие, совершаемое от имени ислама, совершается людьми, имеющими поверхностное и превратное представление о мусульманской религии и ее установлениях:

«Вот, например, в Набережных Челнах в свое время был человек, который возомнил себя карающей рукой Аллаха и убивал в парке уединившихся молодых людей, под предлогом того, что они совершают прелюбодеяние, которое является тяжким грехом. Это был психически неполноценный человек, который в угоду своим человеконенавистническим чувствам начал совершать насилие. Поэтому, действительно, может какие-то отморозки и совершают насилие от имени ислама, но

это просто какие-то несознательные люди, которые даже религию-то толком не знают. Я думаю, что люди, которые совершают насилие, прикрываясь религией, просто не любят людей, не любят, в том числе, и мусульман, просто ненавидят все человечество не понятно за что... Я с удивлением вижу у некоторых людей, учащихся в медресе, идеи, что ислам – это означает отобрать у всех все и разделить между людьми, это прямо марксизм какой-то. Или же человек, безо всяких на то оснований, решил для себя, что имущество неверных для него разрешено, хотя стоит посмотреть на первоисточники и станет ясно, что это просто какой-то бред. Проблема в том, что люди, которые считают себя мусульманами, недостаточно знают об исламе, о том, что ислам разрешает, и что запрещает. Невежество ведет к терроризму и экстремизму, и это верно в отношении всех людей, любых национальностей и вероисповеданий» (эксперт № 16, муж., 32 года, преподаватель мусульманского учебного заведения).

Следует, тем не менее, отметить, что во временном измерении существует серьезное изменение дискурсов ваххабизма по сравнению с началом 2000-х гг. В частности, более снисходительные высказывания экспертов о ваххабизме были более характерны именно для начала 2000-х, тогда как в настоящее время осуществляется активная проблематизация ваххабизма. Вот, например, обобщенный вывод, который был сделан исследователями, работавшими над проектом «Исламизация в Республике Татарстан: влияние на социальную стабильность и формирование новых идентичностей молодежи»:

«Что касается ваххабизма, используемого в масс-медиа для проведения параллелей между исламом и экстремизмом, информанты считают, что это понятие изменяет свое значение в общественном дискурсе: «Люди называют ваххабитами тех мусульман, которые не понравились, хотя сами могут и не знать, что такое ваххабизм. ...Ваххабизм стал очень выгодным словом: если кто-нибудь негоден, то его называют ваххабитом» (жен., учащаяся медресе, Казань, 2000). О прочной ассоциации «ваххабизм – терроризм» свидетельствует достаточно распространенная синтетическая конструкция «ваххабист», употребляемая либо от незнания, либо как оговорка вместо правильного названия «ваххабит». Мнения мусульман по поводу этого течения ислама колеблются от полюса, что ваххабизм был неправильно понят отдельными людьми, которые «пятнают честь ислама» и из-за которых «люди плохо будут думать об исламе» (муж., учащийся медресе, Казань, 2000), до полного отрицания его как явления: «Нет ваххабизма, нет вообще такого понятия. Просто люди так называют» (жен., учащаяся медресе, Казань,

2000), *«Просто это слухи»* (муж., учащийся медресе. Казань, 2000)». ¹

Более того, тенденцией начала 2000-х гг. является и преуменьшение опасности ваххабизма, тогда как в настоящее время в экспертной риторике преобладают алармистские оценки. Вот, например, фрагмент одного интервью, взятого в 2000 г. в рамках проекта «Исламизация в Республике Татарстан: влияние на социальную стабильность и формирование новых идентичностей молодежи». Респондент в данном фрагменте говорит о том, что ваххабизм представляет собой не «опасное течение», а просто «выдумку», с которой удобно «бороться»:

«...А вплоть до сегодняшнего дня я еще не видел ни одного человека, который называл бы себя ваххабитом, даже несмотря на то, что мне приходилось общаться с мусульманами – представителями разных наций. Поэтому я это слово – “ваххабизм” – считаю вымышленным и думаю, что придумали его противники ислама, потому что даже если это движение ваххабитов и существует, суть его на сегодняшний день никому не открывалась, никому не известна. Кто-то его придумал, что бы с ним бороться. Это иногда напоминает борьбу Дон-Кихота с ветряными мельницами» (муж., преподаватель, Нижнекамск, 2000)». ²

Особенностью последнего же времени, наоборот, является акцент на опасности ваххабизма, с одной стороны, для российских мусульман, а с другой – для российского государства в целом:

«Ваххабизм опасен тем, что, во-первых, отдельные его сторонники нередко вносят смуту в мусульманскую общину, отвергая, критикуя некоторые обряды и элементы обрядов, чрезмерно выпячивая свою инаковость и стремясь идти наперекор действиям большинства... Во-вторых, ваххабизм и терроризм в последнее время становятся синонимичными понятиями и дискуссии об уничтожении государства ведутся, в основном, в радикальной ваххабитской среде» (эксперт №15, муж., 33 года, ученый).

На наш взгляд, подобные различия в экспертной риторике связаны не только с определенным пересмотром оценок, но и с тем фактом, что сообщество тех, кого называют «ваххабитами», далеко не однородно по своему составу. В этом отношении весьма примечательно мнение Р.Р. Сулейманова, который выделяет в их среде, по крайней мере, три разных по численности и склонности к радикализму группы:

«[Ваххабиты] Они делятся на несколько групп. Ваххабиты-джихадисты – они готовы хоть сейчас взять в руки оружие, если потребу-

¹ Подр. см.: Шумилова Е.А., Ходжаева Е.А. Особенности становления российской гражданской идентичности мусульман в Татарстане // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – Москва: Ин-т социологии РАН, 2006. – С. 132-140.

² См.: Там же. – С.137.

ется. Их идеологом является известный террорист Саид Бурятский (настоящее имя – Александр Тихомиров). Ваххабиты-мадхалиты – это последователи саудовского шейха Рабиу аль-Мадхали, который призывает распространять ваххабизм не с оружием в руках, а через дагват (пропаганду). На постсоветском пространстве транслятором подобных взглядов является Абу Ринат Мухаммад Казахстана (настоящее имя – Ринат Зайнуллин, уроженец Казахстана). И наконец – ваххабитствующие. Это наибольшая по численности группа ваххабитского сообщества: эти мусульмане не до конца ваххабиты, но они сочувствуют последним и считают их более праведными, чем мусульман, придерживающихся традиционного для татар ханафитского мазхаба» (Сулейманов Р.Р. «В Татарстане сейчас создается целый ваххабитский «холдинг». Информационно-аналитический портал «116.ru», 26 декабря 2011 г.).

Одной из особенностей конструирования ваххабизма в экспертном дискурсе является использование собирательного образа выпускника исламских учебных заведений из арабских стран (прежде всего, Саудовской Аравии). Этот собирательный конструкт интересен для нашего анализа тем, что он, отчасти, раскрывает совокупность причин, которые используются в риторике объяснения появления и усиления позиций ваххабизма в России. Репертуарные особенности конструирования образа «шакирда, вернувшегося из арабских стран» могут быть сведены к следующим дискурсам.

Во-первых, эксперты подчеркивают, что выпускники мусульманских учебных заведений из арабских стран нередко оказываются проповедниками ваххабизма. Для подобных индивидов характерен догматизм, буквализм в понимании источников мусульманского права и отказ от необходимости учитывать социо-культурный контекст, который присутствует в российских регионах компактного проживания мусульман:

«Проблема тут, скорее всего, лежит в том, что одна из особенностей ваххабизма заключается в буквализме. Они считают, что существует только однозначное понимание, скажем, коранического аята и никакие другие понимания не имеют права на существование. По сути своей такая вот однозначность и жесткость не вписывается в привычные и традиционные исламские представления о плюрализме мнений, имеющие под собой достаточно оснований. Не зря же в исламе существуют четыре мазхаба – четыре правовые школы, которые отличаются по целому ряду вопросов, имея, с другой стороны, единообразное понимание фундаментальных основ ислама. Шакирды, получившие образование в странах арабского Востока, нередко оказываются заложниками такой вот ригидной системы мышления. Мно-

гие из них критикуют ханафитский мазхаб, обвиняя его чуть ли не в самовольном искажении норм и требований... Сторонники ваххабизма, таким образом, оказываются противниками того, что для татар является религией, которую их предки сохранили, несмотря на годы гонений и репрессий» (эксперт №15, муж., 33 года, ученый).

А вот еще один фрагмент интервью, в котором эксперт иллюстрирует особенности «ваххабитского ислама»:

«Только Коран и Сунна Пророка... Ваххабиты истолковывают по-другому слово “джихад”. Джихад – это человек борется с самим собой, со своими страстями, со своей душой и желаниями, т.е. человек должен начать бороться с этим, а не с кем-то другим. Ваххабиты понимают джихад в буквальном смысле – как джихад с неверными» (эксперт №5, жен., 30 лет, выпускник мусульманского учебного заведения).

Во-вторых, по мнению экспертов, существует «линия напряженности» между выпускниками мусульманских учебных заведений из арабских стран и местным мусульманским духовенством, а также старшим поколением мусульманской уммы (для Татарстана, например, используется собирательный термин «бабаи» - букв. «старики»). Культурный конфликт с мусульманским духовенством связывается экспертами с тем, что последние нередко дают повод к критике своим некорректным поведением (например, страстью к стяжательству, или же оправдательной риторикой по отношению к любым действиям государства):

«Подростки, которым по 18, 16 лет... молодежь, никем не контролируемая, уезжала за границу, уезжала в центр ваххабитской мысли. И сегодня, естественно, люди, которые обучились, это молодые парни, которые учились в Саудовской Аравии, в Кувейте, в Катаре... Естественно, они приезжая сюда, они смотрят на официальное духовенство, которое как бы соответственно...играет, пляшет под дудку государства, так сказать, религию под нужды государства приспособляет, а с другой стороны, сами далеко ушли от такого, так скажем, исламского образа жизни. Они ездят на джипах, они имеют по несколько компьютеров, они имеют коттеджи огромные, естественно, так скажем, это вызывает уже неприязнь у молодежи, которая ничего не имеет пока... молодежь, так сказать, естественно, смотрит на все это и у нее, естественно, идет расхождение с официальным духовенством» (эксперт № 10, муж., 43 года, бывший имам мечети, 2000 г.).

Что же касается межпоколенного конфликта, то он связан с тем, что за годы советской власти выросло не одно поколение мусульман, которые не имели возможности на должном уровне изучить свою религию. Фрагментарность знаний старшего поколения, а также их стремление

сохранить не только свою конфессиональную, но и этнокультурную идентичность, вошли в противоречие с выпускниками исламских учебных заведений арабских стран, которые социализировались в совершенно иных условиях:

«К примеру, для молодежи с такими [ваххабитскими] взглядами характерно такое явление, как геронтофобия – презрительное отношение к пожилым. Это мы часто можем наблюдать в мечетях, когда ваххабиты выказывают неуважение к старикам, считая их «отсталыми», малосведущими в религии, в то время как именно благодаря этим старикам татарскому народу удалось сохранить исламские традиции в трудном XX веке» (Сулейманов Р.Р. «В Татарстане сейчас создается целый ваххабитский «холдинг» // Информационно-аналитический портал «116.ru», 26 декабря 2011 г.).

Еще один пример:

«...Возник большой спор между пожилыми людьми и молодежью, то есть пожилые, которые традиционно исполняли обряды, именно так как их научили, их отцы, их мамы прежде, то молодежь пришла и говорит: “Вы здесь ошибаетесь, не проверив достоверности корней, приняв информацию за правду”... Раздор получился такой ...» (эксперт №1, муж., 52 года, преподаватель мусульманского учебного заведения, 2000 г.).

В-третьих, эксперты отмечают, что юношеский максимализм у тех, кто обучался в арабских странах, усиливается за счет культурных различий между Россией и арабским миром. Когнитивный диссонанс, вызванный межкультурными различиями, ведет к фрустрации и радикализации выпускников мусульманских учебных заведений из арабских стран:

«Те, кто в свое время отучился в Саудовской Аравии, и в принципе они менее толерантны к миру вокруг, нежели мусульмане в Татарстане. Тут ситуация такая, что молодые люди 18 лет от роду уезжают в Саудовскую Аравию, учатся, привыкают к местной обстановке. А там люди менее толерантны, там в порядке вещей показывать фильмы о действиях моджахедов в Чечне, где под крики “Аллаху Акбар” взрывается российская боевая техника, где показываются будни боевиков, как они вместе молятся, как готовят пищу и т.д. Да и в целом менталитет там другой. И вот, они приезжают, а в Татарстане “все не так”: люди не так одеты, не все совершают намаз, когда молятся в мечети не все кричат “Аминь!”. И их все это начинает бесить, и в полнее возможно, что это выливается в какие-то действия. Они просто не до конца понимают, что жить арабскими мерками здесь не возможно, что надо быть более терпимыми к другим, а у них в голове жесткая конфронтация “Мы” - “Они», они ударяются в крайности,

бывают очень непримиримыми, одним словом, демонстрируют образцы экстремизма» (эксперт №16, муж., 32 года, преподаватель мусульманского учебного заведения).

Примечательно, что для экспертной риторики начала 2000-х гг. было характерным упоминание деятельности различных проповедников ваххабизма, в основном – выходцев из арабских стран, а также деятельности различных исламских фондов:

«Пути проникновения ваххабизма в Татарстан - это и миссионерский путь, и через шакирдов, которые получили образование за рубежом, и литература. Вот, в основном, эти вот пути...» (жен., государственный служащий, Казань, 2000 г.).

«...Фонд “Ибрагим аль-Ибрагим”, предлагая 3,5 миллиона долларов на расширение Московской соборной мечети в 1993 году, пожелал зафиксировать договором в английской адвокатской конторе, что половина мечети будет принадлежать московской общине мусульман, а половина - им. Мы это отвергли. Мы у них спросили: неужели половина мечети будет арабской, а половина - татарской? Если вы оказываете благотворительную помощь, то она должна быть безо всяких условий» (Талгат Таджутдин: «Талибы – заблудшие люди». Независимая газета, 11 октября 2001 г.).

В настоящее же время, в связи с произошедшими за последнее десятилетие изменениями, это явление практически прекратилось:

«Проповедников-арабов сейчас не встретишь, по крайней мере, в открытом виде ваххабитский призыв не ведется. В 1990-е годы в мечетях было много арабов, пакистанцев, турок, а сейчас это редкость... Ну а что касается исламских фондов, то они перестали играть активную роль в начале нынешнего века, после того, как к власти пришел Путин и началась активная борьба с терроризмом на Кавказе» (эксперт №15, муж., 33 года, ученый).

Отдельным пластом экспертного дискурса причин увеличения сторонников ваххабизма является тематика, связанная с экономическими причинами. По мнению ряда экспертов, в основе интереса к ваххабизму вполне может лежать желание улучшить свое финансовое положение и профессионально самореализоваться в условиях отсутствия альтернативных возможностей:

«Мухтар Яхьяев, завкафедрой философии Дагестанского госуниверситета... – Если нечем прокормить семью, а тебе предлагают уйти в лес или подполье с обещанием достойно платить, то получается, что экстремизм - это форма заработка...» (Кавказская бомба зловеще тикает. Аргументы и факты, 22 июля 2009 г.).

Еще один пример:

«Есть такая точка зрения, что радикализм вообще и ваххабизм в частности являются “болезнями бедности”. К этой точке зрения можно относиться по-разному, однако факты таковы, что, например, на Кавказе ваххабизм выбирают бедные слои населения. В криминологии есть такое понятие “девиантная карьера”, так вот, это как раз тот случай... Не надо забывать и то, что в свое время в Чечне существовали расценки за совершение диверсий, терактов, захват военнопленных и уничтожение военной техники и были те “борцы с неверными”, для которых важнее был поток долларов, получаемых из-за рубежа, нежели идеологическая составляющая их борьбы против российских войск» (эксперт №15, муж., 33 года, ученый).

С другой стороны, есть и альтернативные мнения, отрицающие роль «фактора бедности» в распространении ваххабизма:

«Президент Кабардино-Балкарии Арсен Каноков: Или еще говорят: мол, к оружию толкнула нищета. Но у нас в республике пока никто не умер от голода. У нас прекрасные климатические условия. Если есть подсобное хозяйство, если у человека 10-15 соток, я вас уверяю: от 10 до 30 тысяч рублей в месяц он может спокойно заработать. Даже больше. 50-60 тысяч рублей - если работает вся семья. Но у нас выгодно числиться безработным. Потому что пособие выплачивают. Можно получать пособие и одновременно заниматься подсобным хозяйством» (Скачки с препятствиями. Российская газета, 20 октября 2006 г.).

Кроме того, к причинам продолжающейся ваххабизации / радикализации молодежи на Северном Кавказе эксперты относят и перегибы в работе правоохранительных органов:

«Магомед Хазбиев, лидер ингушской оппозиции, правозащитник: В 2002-2004 годах силовики начали охоту на молодёжь. Расстреливали 15-18-летних ребят, подкидывали оружие или наркотики, объявляли их ваххабитами и получали звёзды на погоны: за два года офицер становился генералом! Пример подали федералы, потом и местные почувствовали кураж. За 5-6 лет убитыми и пропавшими без вести числятся свыше тысячи человек. А у каждого есть братья – многие взяли в руки оружие и мстят за своих родных. Милиционеров стали так же массово убивать. Руководство республики закрывало глаза на проделки силовиков, а они закрывали глаза на воровство из федерального бюджета. Начался хаос: спецслужбы, прокуратура, суды творили что хотели. И сегодня в республике есть мафиозный спрут и народ, который устал от всего этого. Одни молча страдают, другие уезжают за границу, третьи берут в руки оружие» (Кавказская бомба зловеще тикает. Аргументы и факты, 22 июля 2009 г.)

Одной из интересных особенностей ваххабизма, судя по экспертному дискурсу, является его плотная взаимосвязь с миром организованной преступности. Эта взаимосвязь имеет многоплановый характер. В первую очередь речь идет о том, что среди сторонников ваххабитской идеологии довольно много тех, кто в свое время составлял костяк организованных преступных групп, пик могущества которых пришелся на начало и середину 1990-х гг. Один из экспертов, в частности, вспоминает о высказываниях одного ваххабита, который утверждал, что преступная группировка как модель имеет очень много функциональных особенностей, заимствованных из ислама:

«...сидя в мечети, я стал свидетелем того, как разговаривали три человека рядом. Один из них сказал буквально следующее: “Все эти воровские обычаи, уличная жизнь, они все это взяли у мусульман...Вот смотри, у нас – закят, у них – общак. У нас все подчиняются имаму, а у них - пахану”...Он еще несколько пунктов перечислил, сейчас их не вспомню... Но я для себя, кажется, понял, почему бывшие бандиты-авторитеты, завязывая с прошлым, нередко становятся радикальными мусульманами. Просто они из одной среды переходят во многом похожую, в которой главной является не истинная сущность ислама, а идеи “борьбы с неверными”, “отнять и поделить” и пр. С приходом в ислам “братковская” сущность, в ряде случаев, так и остается неизменной...» (эксперт №15, муж., 33 года, ученый).

Другой эксперт рассказывает о том, как бывшие бандиты, ставшие ваххабитами, легитимизируют продолжение своей преступной деятельности:

«Среди ваххабитов нередко можно встретить бывших бандитов... Есть и те, кто наркотой торгует. Говоришь им, что это запрещено, а они в ответ: “Так мы не мусульманам продаем, а кафиrow травим!”...» (эксперт №16, муж., 30 лет, бывший государственный служащий).

Один из экспертов по современному ваххабизму Р.Р. Сулейманов также говорит о том, что сращивание ваххабизма с криминалом реализуется по сценарию, при котором бывшие члены преступных группировок меняют «декорации» своей деятельности, тогда как сущность остается все той же:

«Кооперация салафизма и ОПГ в Татарстане идет по пути изменения содержания формы рэкета. На многих розничных рынках Казани сегодня можно наблюдать картину, когда вчерашние опэзэшники становятся теперь активными мусульманами с той лишь оговоркой, что исповедуют не традиционный для татар ислам ханафитского мазхаба, а радикальные формы мусульманской религии. Буквально за несколь-

ко последних лет стала происходить ваххабизация бандитского криминала, когда вчерашняя «братва» становится теперь демонстративно религиозной, что, впрочем, совершенно не означает отказ ими от своей преступной деятельности. Если раньше рэкет торговцев на базарах осуществлялся по принципу «платишь дань – получаешь «крышу»..., то сегодня салафитский криминал пытается рэкет окрасить в религиозные тона: торговцу, если он этнический мусульманин, предлагают заплатить обязательный для каждого исповедующего ислам закят (милостыню) в пользу джамаата. При этом салафитская «братва» обосновывает это тем, что собираемый таким способом закят идет на помощь «братьям», сидящим в тюрьмах, или для «братьев», ведущих джихад (например, на Кавказе) ... В итоге торговцу на рынке весьма сложно отказать исламистской «братве»: с одной стороны, салафитские группировщики давят на религиозные чувства, а, с другой стороны, не оставляют выбора, ведь в случае отказа платить закят ваххабитам предпринимателя ждет расправа в духе бандитского криминала 1990-х гг. Что же касается торговцев немусульманского происхождения (как правило, это христиане: русские, армяне и др.), то к ним салафиты обращаются иначе, объясняя, что в исламском халифате христиан как «народ Книги» мусульмане «защищали», за что первые обязаны платить джизью - налог для неверных. Т.е. религиозно мотивированный рэкет распространяется и на немусульман, у которых особенно-то нет выбора, ведь не согласившись платить дань (как бы ее салафиты ни называли, пусть тем же словом джизью), их ждет наказание» (Сулейманов Р.Р. Организованные преступные группировки и салафизм: сращивание религиозного фундаментализма и криминала в Татарстане. Новое восточное обозрение, 3 ноября 2011 г.).

И, наконец, необходимо остановиться и на экспертном дискурсе социального контроля и противодействия ваххабизму. В первую очередь необходимо отметить идеологические меры, предлагаемые экспертным сообществом. Например, глава Чеченской республики Р. Кадыров считает, что с ваххабизмом необходимо бороться, прежде всего, на идеологическом фронте, путем его деконструирования в масс-медиа, сфере религиозного образования и т.д.:

«Главной задачей сегодняшнего дня в антитеррористической кампании должно стать идеологическое противодействие сепаратизму и клерикальному экстремизму. Дело в том, что сегодня ваххабизм существует не только из-за социальной напряженности в регионах, но и потому, что это сильнейшая идеология. Именно потому необходимо с помощью исламских религиозных деятелей подготовить программу по

деидеологизации ваххабизма» (Умарова З. Боевики сдаются, но расслабляться рано. Российская газета, 27 марта 2007 г.).

Стоит отметить, что сама по себе идея борьбы с ваххабизмом через образование не нова – подобная риторика встречается и в экспертных интервью, проведенных в рамках проекта «Исламизация в Республике Татарстан: влияние на социальную стабильность и формирование новых идентичностей молодежи»:

«Мы, конечно, предпринимаем [меры против ваххабизма]. Вся наша деятельность: и образовательная деятельность, и пропагандистская деятельность, направлена против него. Мы всегда исповедовали традиционный ислам. Но вот в этой связи преподавание ислама и православия в средней школе могло бы выручить нас. Потому что там как раз, всем-всем против ваххабизма могла быть дана необходимая информация и наши молодые люди вступали на путь и склонялись к истинной вере» (муж., сотрудник ДУМ РТ, Казань, 2000 г.).

Для решения проблемы распространения ваххабизма студентами, окончившими мусульманские учебные заведения в арабских странах, эксперты предлагают обязать их проходить адаптационную переподготовку, которая позволит им вести духовную работу сообразно местным традициям. Вот, например, отрывок из интервью муфтия Татарстана И. Файзова:

«Что делать тем, кто когда-то уехал из Татарстана и получил базовое образование в Саудовской Аравии, Турции, Пакистане и других странах?... Сейчас у нас создан центр переподготовки имамов, который начнет работать осенью. Есть программа переподготовки... Приехал, пожалуйста, пройди переподготовку, адаптируйся к правилам данной местности. Познакомься с уставом ДУМ, с установленными правилами. У нас же есть хороший пример – в нашем государстве. Например, если политика президента РТ, главы администрации и главы сельского совета будут разниться между собой, то из этого получится хаос и бардак. У нас же – только в духовном отношении – должно быть так же. Должно быть каноническое единство, которое заложено и в структуре самого ислама. Никогда не было такой анархии, как сегодня. Сегодня демократия в понимании некоторых – это, скорее, анархия. У меня перед глазами пример Северного Кавказа. Не могу понять до сих пор, как это может быть, что уважаемого имама может убить простой прихожанин, только из-за того, что тот ему сделал замечание в мечети» (Ильдус Файзов: «Вертикаль не подразумевает, что все неугодные будут вырваны с корнем». Деловой Интернет-портал «Бизнес-онлайн», 11 апреля 2011 г.).

По мнению Е. Примакова, в обучении шакирдов в зарубежных исламских учебных заведениях нет ничего предосудительного, и задача государства сводится лишь к тому, чтобы направлять абитуриентов в те учебные заведения, которые отличаются приверженностью к традиционному исламу:

«Специфика нынешнего положения в том, что многие из действующих муфтиев и еще больше из тех, кто стремится ими стать, проходят соответствующую подготовку за рубежом. Нужно сделать все от нас зависящее, чтобы такая учеба проходила в зарубежных центрах, известных своей приверженностью к истинному исламу. Преимущество в этом плане перед Афганистаном и Пакистаном имеют страны Ближнего Востока, с которыми могут быть установлены специальные связи, обеспечивающие такую учебу» (Округ с острыми углами. Российская газета, 10 июня 2011 г.).

Отдельные эксперты предлагают более радикальные меры, предполагающие вообще отказ от практики обучения теологии за рубежом и снятия с постов тех имамов, которые дискредитировали себя приверженностью к ваххабитским убеждениям:

«Давайте для начала прекратим отправлять нашу молодежь учиться за рубеж: ну чему хорошему могут научить саудиты, если они даже шиитов, как-никак мусульман, в своей стране подвергают ужасной дискриминации. В Татарстане достаточно развита собственная система религиозного образования – от и до. Кроме того, у татар есть порядка 30 тысяч книг религиозного содержания, изданных до революции 1917 года. Из этого количества не переведено даже одного процента. Наконец, должна произойти кадровая ротация мусульманского духовенства, придерживающегося ваххабитских убеждений. Если в муфтияте бьют тревогу, то определенных имамов нужно снимать с должности» (Сулейманов Р.Р. В Татарстане сейчас создается целый ваххабитский холдинг. Информационно-аналитический портал «116.ru», 26 декабря 2011 г.).

Эксперты подчеркивают, что борьба с ваххабизмом должна ориентироваться на конкретные причины, которые стоят за его распространением и усилением. Например, для республик Северного Кавказа первоочередной мерой является ликвидация экономических предпосылок ваххабизма:

«Бороться надо с причинами ваххабизма, тогда как сейчас борьба идет, в основном, с последствиями. Если на Кавказе проблема в бедности основной массы населения, то борьба с радикализмом лежит в области улучшения экономической сферы, в т.ч. борьбе с повальной

коррупцией и клановостью, которые делают бессмысленными годами продолжающееся вкачивание федеральных средств в северокавказские республики» (эксперт №15, муж., 33 года, ученый).

А вот мнение С.М. Маркедонова, российского политолога, который специализируется, помимо прочего, на кавказской проблематике:

«Сегодняшняя борьба с ваххабизмом – это противостояние не причинам, а следствиям болезни. Идеи «чистого ислама» как «третьего пути», альтернативного коммунизму и либеральной демократии, находят массовую поддержку у жителей Кавказа. В этом смысле они самые что ни на есть внутренние, а не занесенные извне. Безработица при высоких темпах рождаемости и плотности населения, социальная необустроенность, закрытость власти подпитывают исламских радикалов. Их сила возрастает из-за слабой инкорпорированности жителей региона в общероссийские социальные процессы» (Маркедонов С.М. Об истинном и ложном ваххабизме. Веб-портал «Агентства политических новостей», 24 февраля 2005 г.).

Другой мерой профилактики ваххабизации молодежи на Северном Кавказе является, по мнению Р. Кадырова, постоянный акцент на самоидентификации кавказских этносов в противоположность тому, что ваххабизм призывает нивелировать этническое самосознание в пользу исключительно религиозной идентификации:

«Тему национальной самоидентификации - того, что позволило нашим предкам не раствориться среди других народов и не рассеяться по всему миру, – следует ежедневно поднимать в средствах массовой информации. При этом особо подчеркивая, что цель ваххабизма – сделать из чеченцев безликую массу, лишенную родины, истории, национальных традиций и национальной самобытности. По сути – рабов для какого-нибудь амира. Нация первичнее религии, и национальное самосознание – самое лучшее средство для борьбы с ваххабитами» (Умарова З. Боевики сдаются, но расслабляться рано. Российская газета, 27 марта 2007 г.).

Экспертный дискурс рецептов борьбы с ваххабизмом в Поволжье большой акцент делает на интегрирование сторонников «умеренного ваххабизма» через предоставление им легитимных возможностей для самореализации и использование жестких мер против тех ваххабитов, которые выступают за использование насилия для достижения своих целей:

«В Поволжье ситуация другая, и мне почему-то кажется, что большего можно добиться за счет мягкой, но последовательной интеграции радикально настроенной молодежи и предоставления им путей для самореализации. Процесс интереса молодежи к ваххабизму-салафизму объективен и нередко причиной становится юношеское стремление

все делать наоборот, в пику «официальному духовенству». Запретами можно добиться лишь того, что ваххабиты уйдут в подполье, поэтому действовать тут надо с умом. При этом подчеркну, что я говорю об интеграции т.н. умеренных ваххабитов, которые не призывают к террору, изменению государственного строя и пр. Закоренелых радикалов интегрировать бесполезно, их нужно просто уничтожать» (эксперт №15, муж., 33 года, ученый).

Кроме того, представители Духовного управления мусульман Татарстана уверены в том, что наряду с силовыми способами борьбы с ваххабизмом необходима государственная поддержка «традиционного ислама»:

«Этот процесс [борьба с ваххабизмом] должен вестись в двух направлениях. Селективное уничтожение – не боюсь этого слова – сектантских проявлений и одновременно государственная поддержка мусульманской ортодоксии» (Якупов В. Резерв террористов готовится внутри России. Независимая газета, 13 сентября 2004 г.).

Таким образом, в пятой главе мы проанализировали конструирование ваххабизма как религиозной девиации в экспертной риторике. Исследование показало, что основными особенностями экспертного дискурса по ваххабизму является большая пестрота суждений, присутствие зачастую противоположных оценок, ориентации на темы экспорта ваххабизма из-за рубежа, связи ваххабитов с криминалом. Кроме того, экспертный дискурс характеризуется не только проблематизацией ваххабизма, но и репрезентацией различных точек зрения по способам социального контроля за ним.

ГЛАВА 6. ДЕКОНСТРУИРОВАНИЕ ВАХХАБИЗМА В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Взгляд на (де)конструирование ваххабизма в масс-медиа был бы неполным без обращения к такому значимому в современных условиях источнику информации, как веб-сайты радикальной (ваххабитской) направленности. Мы намеренно выбрали веб-ресурсы именно подобной направленности, поскольку они позволяют понять особенности деконструирования ваххабизма как девиантной практики.

В настоящее время на просторах сети Интернет имеется значительное количество электронных ресурсов, которые решают задачи апологии ваххабизма и деконструирования его имиджа как радикального и деструктивного течения в исламе. Исследование деконструирования ваххабизма в сети Интернет проводилось в период декабрь 2011 г. – январь 2012 г. и охватило следующие сайты:

1. <http://www.salaf-forum.ru> (один из крупнейших ваххабитских форумов на русском языке. Согласно данным Яндекс.Метрики среднее число посетителей сайта составляет около 3000 человек в день, а число просмотров составляет в среднем около 20 000 в день).

2. <http://ummanews.ru> (информационно-аналитический сайт, разработанный «группой исламских студентов за рубежом»).

3. <http://toislam.ws> (сайт «К исламу» с лозунгом «Знания прежде слов и дел»).

4. <http://salafportal.ru> (сайт с текстовыми и аудио- материалами, посвященными вопросам вероубеждения и мусульманского права (фикх)).

5. <http://salihat.com> (согласно данным top.mail.ru, число посетителей в день составляет более 280 человек).

6. <http://sunnaonline.com>.

7. <http://salyafi.my1.ru>.

8. <http://yourallah.com>.

9. <http://manhadj-salafov.ru>.

Наряду с ними были проанализированы отдельные материалы проваххабитской направленности с информационно-аналитических сайтов www.ansar.ru и www.golosislama.ru, а также экстремистского сайта www.kavkazcenter.com. Кроме этого, отдельные аналитические выкладки были проиллюстрированы материалами с других сайтов (в т.ч. «живых журналов») ваххабитской направленности. Всего в ходе исследования было проанализировано 15 сайтов ваххабитской направленности.

Следует подчеркнуть, что сайты ваххабитской ориентации под-

черкнуто дистанцируются от самого термина «ваххабизм» (который, помимо прочего, практически всегда пишется в скобках с целью подчеркивания его неприменимости и искусственного характера), отдавая приоритет использованию термина «салафия», который в мусульманской литературе используется для описания первых поколений мусульманской уммы («салафус-салихин»). Термин «салафия», таким образом, подразумевает, что сторонники данного течения следуют традициям «чистого ислама», и имплицитно предполагает, что остальные мусульмане от этих принципов отошли, хотя при этом декларируется неправильность самой идеи обособления в качестве отдельного движения и противопоставления «салафитов» и мусульманской уммы:

«Ас-салафия – это следование манхаджу [= пути] Пророка и его сподвижников, потому что они – те, кто жил до нас, наши предшественники (салафы). Следование им – салафия. Что касается взятия салафии в качестве специального манхаджа, то это когда человек причисляется к «салафитской партии» и считает заблудшими тех мусульман, которые не согласны с ним, даже если они на истине. Взятие салафии как партийного манхаджа противоречит самой салафии. Все салафы призывали к согласию и объединению вокруг сунны посланника и не считали заблудшими тех, кто противоречил им, кроме как в акьиде [= вопросах вероубеждения]. Они считали, что тот, кто противоречит им в акьиде – заблудший, что же касается других вопросов, то они допускали в них большие облегчения» (Шейх Усаймин (Рахимаху Ллах) о том, что такое истинная салафия // <http://salihat.com>, 9 марта 2010 г.).

В то же время на изученных сайтах предпринимается попытка деконструировать те негативные коннотации, которые связываются в доминирующем дискурсе с термином «ваххабизм». Тактика деконструирования негативных коннотаций данного термина основывается, во-первых, на представлении термина «ваххабизм» как негативно окрашенного ярлыка, а во-вторых, на утверждениях о том, что последователи Муххаммада ибн Абдельваххаба являются «истинными мусульманами», твердо придерживающимися исламских предписаний:

«Что касается слова «ваххабизм», то это определение придумали многочисленные противники призыва, пытаясь этим ввести в заблуждение людей. Они говорили, что ваххабизм – это пятый мазхаб, отвергающий все другие мазхабы, чтобы это отвращало неграмотных мусульман от призыва шейха... Хвала Аллаху, сегодня те, которых называют «ваххабитами» – это движение в исламе, которое объединяет людей, твердо следующих по дороге Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, придерживающихся Корана, Сунны и дороги правед-

ных халифов, основывающихся на ясных доказательствах, повелевающих праведное и запрещающих прегрешения, выступающих против ереси и измышлений в религии» (Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб // <http://salyafi.myl.ru>, 28 октября 2008 г.).

Вообще систематическая попытка доказать, что ваххабизм является «чистым исламом», является наиболее ярко выраженной и распространенной стратегией деконструирования образа ваххабизма как девиантной мусульманской секты. Показательным является, в частности, широко представленный на ваххабитских сайтах дискурс суфизма («суфистов», как их называют сторонники ваххабизма).

Читая материалы веб-сайтов ваххабитского толка, трудно отделаться от мысли, что ваххабитское мировоззрение делит всех мусульман на два лагеря – «суфистов», или «традиционных» мусульман, и «салафитов». Дискурс суфизма особенно часто упоминается в контексте процессов на Северном Кавказе и исторически тесно связан с сильным распространением различных тарикатов (прежде всего, Накшбандия, Кадария и Шазилия)¹ в регионе. С доктринальной точки зрения, суфии и суфистские практики были объектом яркой критики сторонников ваххабизма с самых первых дней возникновения этого движения.² Ваххабитские сайты активно конструируют образ суфизма как некоего обособленного течения (или течений), которое вышло за рамки правильного понимания ислама:

«...Могут посоветовать не читать книги этого автора (Саид Афанди). Он главный суфист в Дагестане. В его книгах очень много ереси, а также ширк [многобожие]. Он является главным идеологом и борцом с «ваххабизмом» в Дагестане еще с 90-х годов... Пусть Аллах поставит заблудших на прямой путь или ломает им хребты!» (Обсуждение темы «Издательство «Диля» // www.salaf-forum.ru, 1 марта 2010 г.).

Показательным является и выложенный на одном из ваххабитских сайтов (<http://sunnaonline.com/quran/288-2010-08-28-15-21-27>) фрагмент видеозаписи встречи одного из виднейших представителей накшбандийского тариката Назима аль Хаккани с папой римским Бенедиктом XVI. Размещенная на этом сайте видеозапись предваряется заголовком «Суфисты – друзья кафинов!! Главарь накшбандийского тариката во всем мире, “шейх” Назим аль Хаккани, братается с главой куфра «папой римским»!», а среди комментариев к материалу встречаются, например, такие: «Как такое возможно, эти люди перешли все границы. Они

¹ Подр.см.: Мацузато К., Ибрагимов М.Р. Тарикат, этничность и политика в Дагестане // Этнографическое обозрение. – 2006. – №4. – С.10-23; Гусейнова М.Р. Тарикат и особенности его проявления в Дагестане: автореф.... дис. канд. филос. наук: 09.00.13. – Махачкала, 2004.

² См.: Мантаев А.А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане: дис.... канд. пол. лит. наук: 23.00.02. – М., 2002. – С.15.

не скрывают свой куфр, лебезя перед предводителем тагута! О Аллах, убереги нас от лицемерия» и «Таких надо резать!».

Образы суфизма в ваххабитской риторике не отличаются разнообразием. Как правило, ваххабитские материалы рисуют образ т.н. могилпоклонника – человека, который вызывает мольбами к душам умерших (например, шейхам суфийских тарикатов), отвергая, тем самым, одно из ключевых понятий мусульманского вероубеждения – понятие единобожия. Большинство из материалов, связанных с риторикой «могилопоклонников» (или «кубурия» в арабском варианте), носят характер теологических дискуссий, поэтому в нашем исследовании мы ограничимся лишь рядом иллюстрирующих фрагментов по этой теме:

«Защита Пророка и сподвижников от клеветы могилпоклонников» (<http://sunnaonline.com>);

«Суфии-могилопоклонники (кубуриты) имеют убеждение о том, что мертвые слышат разговоры людей, и слышат обращения тех, кто призывает их. Они считают, что слух, зрение и знание праведников ... после их смерти обретают гораздо большую силу, чем при жизни. Это обуславливается тем, что при жизни скрытые способности праведника ... находятся в телесном плену, словно меч в ножнах, но после смерти дух праведника высвобождается из этих тесных оков и его возможности многократно преумножаются. Они считают, что мертвые слышат слова тех, кто посещает их могилы...» (Мертвые не слышат в своих могилах // <http://kahhar-786.livejournal.com>, 20 июля 2011 г.);

«Удивление вызывает логика суфиев-кубуритов, которые приводят этот хадис как довод того, что мертвые слышат, тогда как этот хадис является явным доводом того, что мертвые не слышат... их убеждения о том, что мертвые слышат, является одним из самых главных столпов их идеологии, на которой они строят все свои последующие действия, как просьба у мертвых, поклонение им, проявление почитания их могил и т.п. Они считают, что вся религия в этом и заключается и не могут представить религию, не связанную с могилами» (Абу Абдуллах. Слышат ли покойные? // www.salaf-forum.ru, 15 марта 2011 г.).

На отдельных, наиболее радикальных, сайтах дискурсы суфизма тесно переплетаются с политической проблематикой и вооруженным противостоянием на Северном Кавказе. Для иллюстрации данного тезиса полезным будет разобрать одну из статей, опубликованных на сайте www.kavkazcenter.com. Указанная статья связывает деятельность суфиев на Северном Кавказе с борьбой против ваххабизма и поддержкой пророссийских сил. С точки зрения лексического содержания, рассматриваемая статья представляет собой осовремененную версию со-

ветской риторики «внутреннего врага», для которой характерным было использование разнообразных ярлыков и сравнений, а также наделение конструируемых образов идеологическими, политическими, социальными и эстетическими анти-ценностями:¹

«С началом второй войны верхушка наших чеченских суфистов перешла в стан кафиров, устроилась на собачьи должности и ведет войну против мусульман (кафиры и мунафики [лицемеры] называют мусульман “ваххабитами”). Основной костяк чеченских национал-поддонков во главе с Кадыровым – это представители суфистов, различных ... толков.... В каждом селе есть по несколько братств суфистов, разрозненные группировки, враждующие друг с другом, братских отношений у них и близко нет... Эти муртады [вероотступники], перейдя на сторону кафиров, ненавидят истинных мусульман и называют их “шайтанами”» (Мувахид М. Чеченские суфисты-мунафики худшие из лицемеров // www.kavkazcenter.com, 28 июля 2007 г.).

Суфии, которые клеймятся как «вероотступники», противопоставляются «истинным мусульманам», к которым ваххабиты относят себя. С суфизмом рассматриваемая статья связывает один из величайших грехов в исламе – многобожие, за счет чего происходит символическое их выведение за пределы мусульманской уммы, и, как следствие, дискурсивная стигматизация их в качестве «заблудших». Риторический эффект от этого усиливается перечислением различных «суфистских заблуждений»:

«Эти муртады [вероотступники], называющие себя суфистами, являются главными распространителями ширка (многобожия) на Кавказе.... Эти враги Аллаха так же активно участвуют в «контртеррористической операции». Их главной задачей является одурманивание умов людей и всяческое оправдание кафиров и мунафиков. Они дают ложные представления об исламе, вводят в заблуждения и обманывают людей, особенно подрастающее поколение, еще не обладающих достаточными знаниями в вопросах религии... Они хотят сделать ислам всего лишь ритуалом, к которому будут прибегать во время похорон. Их религия - это хождение по похоронам и отправление всяких нововведений, таких, как: мавлиды, зикры-танцы, где они искушают людей к совершению тяжких грехов, а также плотно наедаются. На своих сходнях с Кафыровым они устраивают дикие танцы и клеветуют на моджахедов и мусульман, и советуют, как эффективнее с ними бороться. А теперь Кафыров им за это официально платит зарплату... Поистине, эти суфисты, став передовым отрядом кафиров, являются худши-

¹ Подр. см.: Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 261 с.

ми из мунафиков (лицемеров) и им уготовано суровое наказание...» (Мувахид М. Чеченские суфисты-мунафики худшие из лицемеров // www.kavkazcenter.com, 28 июля 2007 г.).

А вот фрагмент, в котором ответственность за негативный образ ваххабизма возлагается на суфиев, которые конструируют проблему ваххабизма, фальсифицируя «объективные» данные и манипулируя властными органами:

«Подлость суфиев нашего региона также проявляется в том, что сейчас они начали активно использовать термин “саляфия” и “саляфиты”, включая в него всех, кто им неуютен. Делают они это, потому что прекрасно понимают то, что никто сегодня не способен встать на их пути, высказать слово истины и обличить их лживую натуру, кроме саляфитов. При этом они намеренно смешивают несовместимое, пытаясь заручиться поддержкой властей и правоохранительных органов. Они прекрасно знают, что саляфиты не имеют никакого отношения и отрекаются от любых подпольных партий и течений, распространенных в республике, из которых можно упомянуть партии “Хизб ут-Тахрир”, “Такфир” (по-другому “хариджиты”), “Джихад и Хиджра”, “Таблиг”, “Ихуан уль-Муслимун”, “Суруриты”, “Саид Нурси” и прочие заблудившие группы и течения. Они осведомлены о том, что саляфия не имеет отношения к взрывам, переворотам, демонстрациям, попыткам захвата власти, убийствам невинных людей, захватам заложников и прочим беспорядкам» (Руслан Абу Ибрахим Татарстани. Оживление языческих обрядов Булгара – начало конца татарского народа // <http://toislam.ws/books-aqidah/218-bulgarbook>).

В тех регионах России, в которых деятельность суфийских братств не распространена (например, Татарстан, Башкирия, Оренбургская область), риторика борьбы с «могилопоклонниками» практически не представлена в ваххабитском дискурсе. Исключение составляет лишь проблематика «паломничества в Булгары»:

«...Вот у нас в Татарстане сделали официальным праздником дату принятия Ислама! и зовут всех людей совершать ширк [многобожие, язычество] в Булгар!» (Пользователь ALFIS, обсуждение темы «День независимости» // www.salaf-forum.ru, 13 декабря 2010 г.).

«...Ежегодные посещения города Булгар проводятся с 1989 года ... С 2006 года посещение приобрело официальное название “Изге Болгар жыены”, то есть “Собрание в Святом Булгаре”... ежегодные посещения исторических мест в Булгаре оставляют много неясностей и нерешённых вопросов и заставляют задуматься о допустимости подобных действий с точки зрения Ислама. Начнём с самого названия этого ме-

роприятия – почему город Булгар, а точнее, исторические места возле него, могут быть названы “святыми”? Известно, что святыми в Исламе являются только те места, которые были названы так Всевышним Аллахом... Другой момент – почему татары, будучи частью исламского мира, решили, что могут ежегодно отмечать день принятия Ислама своими предками?... Разве подобное не приводит к разобщенности мусульман по национальному признаку?... Кроме того, как известно от тех, кто ранее побывал на сборище в Булгаре, многие люди, приезжающие туда, вполне серьёзно считают, что совершают “паломничество” для того, чтобы поклониться в “святых местах”, прикоснуться к древним камням, загадав при этом желание и надеясь на некую “духовную связь” с предками-булгарами, захороненными в этих землях. Желающие имеют возможность подойти к некоему древнему дереву, также считающемуся святым, полностью обвешанному лентами, подвешенными предыдущими “паломниками” на счастье. Здесь же есть возможность совершить жертвоприношение, для чего отведены специальные места. Разве такие обряды могут считаться исламскими или допустимыми с точки зрения Ислама?...» (Предостережение от поездки с имамами на «праздник» в город Булгар //ummanews.ru, 16 июня 2011 г.).

Справедливости ради следует отметить, что отдельные практики, связанные с традиционным посещением Булгар (жертвоприношение, семикратные обходы вокруг Малого минарета и пр.) осуждаются и представителями традиционного мусульманского духовенства как не соответствующие исламскому вероубеждению.

В печатных масс-медиа, и частично в дискурсе представителей мусульманского духовенства, как было показано выше, образ ваххабизма зачастую конструируется через анализ риторики «воинствующего ислама», в частности, связи между ваххабизмом и терроризмом. В этом отношении весьма показателен тот факт, что веб-сайты, занимающиеся апологетикой ваххабизма, содержат немало материалов, посвященных джихаду и отношению ваххабизма к нему. При этом наше исследование показывает, что среди сторонников ваххабизма нет единой точки зрения по данному вопросу. В частности, часть веб-сайтов отстаивает более умеренный взгляд на джихад, а часть из них занимается активной пропагандой радикальных способов ведения военных действий и совершения террористических актов.

Умеренная трактовка джихада характерна для ваххабитов-мадхалитов (в классификации Р.Р. Сулейманова¹). В частности, на отдельных

¹ Подр. см.: Сулейманов Р.Р. «В Татарстане сейчас создается целый ваххабитский «холдинг» [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «116.ru». – Режим

сайтах встречаются «открытые письма», в которых достаточно подробно излагается данная точка зрения на джихад. Показательным примером, в частности, является «Ответ Гамета Сулейманова на некоторые обвинения Бурятского». Этот текст, размещенный на многих проваххабитских сайтах, представляет собой полемику с обвинительными высказываниями Саида Бурятского, который был теоретиком и практиком вооруженного подполья на Северном Кавказе. Контр-риторика, деконструирующая взгляд на ваххабизм как «воинствующий ислам», основывается на целом ряде аргументов. Одним из таких аргументов является несоответствие практики подпольной вооруженной борьбы против государственного строя шариатским правилам:

«... [Саид Бурятский] описывает нас так, будто бы мы полностью отвергаем джихад ... Мы никогда не отрицали, и не отрицаем существование джихада, соответствующего шариату. Джихад, который мы отвергаем, это тот джихад, который не соответствует шариату... Надо понимать, что если кто-то, взяв оружие в руки, начал сражаться противкого-то, это еще не значит, что его война будет считаться джихадом, соответствующим шариату» (Ответ Гамета Сулейманова на некоторые обвинения Бурятского // <http://salaf-forum.ru>, 31 августа 2009 г.).

Деконструирование радикального взгляда на джихад осуществляется с помощью использования такого приема, как контр-риторика неискренности (в типологии П. Ибарры и Дж. Китсьюза):¹

«Еще одним интересным моментом в его [Саида Бурятского] статье является то, что он пошел на джихад в Чечню после того как его пригласили туда. После этого меняются его взгляды, и те аяты и хадисы, которые он раньше приводил в поддержку призыва [проповеднической деятельности по распространению ислама], он начинает приводить их в качестве доводов в поддержку джихада... Нам кажется, что этот брат с самого начала был предрасположен к взглядам Джама'атуль Джихад [«Джамаат аль-Джихад аль-Ислами» – террористическая организация, действующая в Средней Азии], однако сначала не выявлял свои взгляды, а занимался тем, что собирал себе сторонников, рассказывая о таких общих темах, как жизнеописание сподвижников и праведников. И как только он достиг определенного уровня, он раскрыл себя» (Ответ Гамета Сулейманова на некоторые обвинения Бурятского // <http://salaf-forum.ru>, 31 августа 2009 г.).

Другим дискурсивным приемом, который используется для отстрой-

доступа: <http://116.ru/person/470934.html>, свободный.

¹ Подр. см.: Ясавеев И.Г. Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуаций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – № 1. – С.91–102.

ки от наиболее радикальных ваххабитов, является стратегия схождения проблем (С. Холл).¹ В исследованном текстовом фрагменте проблема вооруженного подполья на Северном Кавказе «встраивается» в проблемное поле, вызванное деятельностью бандформирований, действующих в данном регионе:

«...Хотелось бы посмотреть на их [сторонников вооруженной борьбы против государственного строя] действия в Чечне. Какую пользу и кому они принесли? Не нужно быть слишком эрудированным, чтобы понять, что все это не принесло никакой пользы ни чеченскому народу, ни их соседям, и не принесло пользу мусульманам в целом. Наоборот, только вред, о котором можно говорить очень долго» (Ответ Гамета Сулейманова на некоторые обвинения Бурятского // <http://salaf-forum.ru>, 31 августа 2009 г.).

И, наконец, нельзя не обратить внимание на используемую тактику отстройки от «радикалов», которая использует образ Усамы бен Ладена как «террориста №1». В мадхалистской трактовке методы, которые практиковал Усама бен Ладен, критикуются, а его самого они рассматривают как «заблудшего человека»:

«Другим интересным моментом является то, что он [Саид Бурятский] называет Усаму Бен Ладена Шейхом... Усама бен Ладен уже давно всем известен как заблудший человек, и это не только мои слова... О его заблуждении говорили все большие ученые, такие как Ибн Баз, Усеймин, Албани, Фаузан и другие» (Ответ Гамета Сулейманова на некоторые обвинения Бурятского // <http://salaf-forum.ru>, 31 августа 2009 г.).

Противоположной точки зрения придерживаются те, кого в англоязычной (и частично русскоязычной) литературе называют «джихадистами». Стратегии деконструирования образа ваххабизма как религиозной девиации в риторике «джихадистов» в репертуарном отношении гораздо беднее. Основной используемой стратегией является «символический талион» – оправдание вооруженной борьбы преследованиями мусульман со стороны государственных органов и спецслужб:

«Я хочу обратить ваше внимание на тяжелое положение мусульман в Башкирии и в России в целом. Ни для кого не секрет, что сегодня в обществе много проблем. Из-за них в первую очередь страдает молодежь. И та часть молодежи, которая не смирилась с этим положением и искала решение, нашла его в исламе. Молодые люди начали изучать религию и тянуться к исламу как к чистому воздуху. Но некоторым людям это не понравилось, и они начали всячески препятствовать этому развитию. Мусульмане оказались под жестокими притеснениями и

¹ Подр. см.: Hall S. Policing the crisis...

оскорблениями со стороны спецслужб МВД и ФСБ. Противники ислама хотели всячески опорочить религию, разобличить мусульман и поставить знак равно между исламом и терроризмом. В подтверждении всего этого приведем некоторые факты событий. Так Айдар Хабибуллин был арестован по сценарию, ставшему уже стандартным для спецслужб. 25 сентября 2010 года во время обыска в чужой квартире, куда он зашел в гости, ему предъявили запал от гранаты РГД-5, несколько карт Московской области и листовку экстремистского характера. Суд счел это “законной” причиной для его задержания и содержания под стражей...» (пользователь amadej, материал «Шайтаны в погонах или террористы №1» //http://yourallah.com).

Для усиления риторического эффекта используется целый ряд собирательных образов. В частности, в отношении сотрудников правоохранительных органов используются эпитеты «террористы в погонах», «шайтаны» и «упыри», а также приводится перечень «пыточного арсенала», позволяющий провести параллели с деятельностью инквизиции и нацистского гестапо:

«На днях в Уфе были произведены обыски и аресты! Ни в чем не повинных мусульман пытали целые сутки и в итоге отправили в тюрьму, до суда. Эти террористы в погонах выгребали в домах у мусульман все ценное: компьютеры телефоны и даже умудрились документы конфисковать. ФСБ оборудовали в своем здании отдельный кабинет для пыток, где есть щипцы, молотки, боксерские перчатки, иголки (под ногти совать), противогаз, электрошокер и прочие, в общем все как в гестапо. 6-й отдел именуемый ныне ЦПЭ (центр противодействия экстремизму) тоже от них не отстает. Молодцы! Настоящие блюстители закона! Кстати некоторые имамы их поддерживают, говоря что они делают свою работу. Мусульмане проснитесь! завтра к вам домой придут эти упыри в погонах! Только объединившись мы сможем противостоять этим шайтанам!» (пользователь amadej, материал «Осторожно, террористы!» //http://yourallah.com).

Другой, не менее распространенной, стратегией деконструирования девиантного образа ваххабизма является попытка на основе различных положений ислама оправдать необходимость применения насилия, в т.ч. в виде совершения различных террористических актов. Авторы подобных материалов на основе собственной аргументации стараются убедить читателей в том, что совершение терактов, использование террористов-смертников, нанесение ущерба не только комбатантам, но и мирным гражданам, полностью оправдано мусульманским вероучением, и, соответственно, подобные практики не являются отклонением от нормы:

«...Мусульманину дозволен любой способ или средство в сражении с не-верными, и он может использовать любой способ и средство для того, чтобы убивать неверных. Будет ли мусульманин стрелять в кафира издали, или будет с ним воевать близко лицом к лицу, или он будет прорываться во внутрь скопления врага ... (т.е. прорыв укреплений, нейтрализация дотов и т.д.), или когда будет сбит его самолет, он, не прыгая с парашютом, направит самолет в скопление врага, или взорвет себя внутри лагеря противника, для нанесения им урона, или взорвет поезд со взрывчаткой для убийства неверных врагов, и при этом он сам умрет – нет разницы в этих способах и средствах. До тех пор, пока это есть средство для войны с кафиром – это является разрешенным» (Абу Ислам аль Маргилани. Действия, направленные на смерть на пути Аллаха или обоснование самовзрывов на джихаде // <http://www.kavkazchat.com/archive/index.php/t-32923.html>, 24 июля 2008 г.).

Следует отметить, что на отдельных сайтах присутствуют материалы, демонстрирующие специфику взаимных неприязненных отношений ваххабитов-мадхалитов и «джихадистов». Показателен, например, следующий фрагмент из «Живого журнала» одного из дагестанских ваххабитов:

«...джихадисты – фанаты Аль-Каиды, бен Ладена, Аймана и их банды. Всех ученых, которые с ними не согласны, определяют в «продажные и правительственные»... Главные «ученые» – некий Абу Мухаммад Аль-Макдиси, Абу Катада Филлистини, Айман Аз-Завахири, Саид Кутб, мифический Абдулькадир Абдульазиз, амир Сейфулла (он же Астемиров Анзор) и Саид Бурятский (после присоединения к Докку Умарову). Джихадом называют почти любую заваруху с участием мусульман и обязывают всех участвовать в этом. Часть идей берется от чистых такфиристов - проще убивать или оправдывать убийство своих же ментов и гаишников, обзывая их кафирами и мунафиками, да и на правителях мусульманских стран можно душу отвести, обвинив во всех своих бедах, если их кафирами и мунафиками обозначить. Обосновывают свою позицию в первую очередь личными эмоциями и небольшими отсылками к удобным выдержкам их книг более ранних или даже современных ученых, там где ученые говорят то, что им нравится» (Али М. Дагестанские хариджиты // <http://ibn-ibrahim.livejournal.com/67518.html>, 12 января 2009 г.).

А вот отрывок материала с сайта www.kavkazcenter.com, автор которого делегитимизирует право ваххабитов-мадхалитов выступать от имени «чистого ислама», обвиняя их в отходе от «правильного» (т.е. радикального) понимания джихада:

«Кто такие “псевдосалафиты”? Мы используем этот термин

в отношении людей, которые заявляют о своей приверженности вероубеждениям ... и методам... праведных предшественников (саяфов), при этом имея огромные пробелы в вопросах ...обвинения в неверии (такфира), джихада, установления власти Аллаха на земле. В отношении этого течения используются также названия “мадхалиты” от имени Раби ибн Хади аль-Мадхали... Самым заметным отличительным признаком псевдосалафитов на сегодняшний день является ненависть к джамаатам и джихаду... Они также борются против современного джихада, давая ему негативные оценки: от тупого непонимания Сунны посланника Аллаха ... который “не вёл партизанскую войну в мекканский период”, до обвинения муджахидов в “работе на сионистов”, которым “исламский терроризм” дает основание для нападков на ислам и мусульман и провоцирует на искоренение ислама...» (Мерджо З. О псевдосалафитах // www.kavkazcenter.ru, 18 декабря 2008 г.).

В заключение рассмотрим довольно специфическое пространство деконструирования негативного образа ваххабизма – символическое пространство дискуссий о роли ханафитского мазхаба в жизни российских мусульман. Сам по себе вопрос о мазхабах как мусульманских правовых школах, систематизирующих основные шариатские нормы, лежит в сфере теологии. Тем не менее, дискуссия о необходимости следования мазхабам и о практике поддержки государственными органами и мусульманским духовенством отдельных мазхабов (прежде всего, ханафитского) для борьбы с распространением ваххабизма является пространством символической «встречи» и «противодействия» прои контрваххабитских дискурсов.

В этой связи интересными нам показались материалы с ваххабитского информационно-аналитического сайта ummanews.ru, а также проваххабитские дискурсы двух информационно-аналитических сайтов, публикующих материалы на темы, связанные с исламом – www.ansar.ru (веб-сайт сопредседателя Совета муфтиев России, саратовского муфтия Мукаддаса Бибарсова) и www.golosislama.ru. Сами по себе последние два веб-портала трудно назвать ваххабитскими (об этом свидетельствует общая направленность публикуемых на них аналитических материалов), однако отдельные статьи используют риторику, которая вполне соотносится с ваххабитским неприятием традиционных мазхабов (или же «традиционного ислама»).

Избранный в апреле 2011 г. на пост муфтия Татарстана И. Фаизов начал курс на «деваххабизацию» республики, который предполагал замену духовных лиц с ваххабитскими взглядами на имамов-ханафитов, стандартизацию преподавания в религиозных учебных заведениях, повсеместную

ориентацию в религиозных практиках на правовую школу Имама Абу Ханифы (ханафитский мазхаб).¹ Наряду с попытками «силового» давления на выборы муфтия Татарстана и противодействия его деятельности (пикеты, самовольное отстранение назначенных муфтием имамов, захват мечетей оппозиционными прихожанами и пр.),² в электронных масс-медиа началась кампания по дискредитации нового муфтия и его деятельности. С точки зрения нашего исследования, интерес представляет та часть этой информационной кампании, которая (в т.ч. и имплицитно) пыталась деконструировать опасность ваххабизма в Татарстане.

Начнем мы с анализа материалов ваххабитского сайта *ummanews.ru*. Одна из основных деконструирующих стратегий в проваххабитской информационной кампании данного сайта была направлена непосредственно против личности муфтия И. Фаизова и основывалась на контр-риторике неискренности (П. Ибарра, Дж. Китсьюз). В рамках данной стратегии муфтия обвиняли в различных нарушениях и отклонениях от нормы, и через призму подобных обвинений рассматривалась проводимая им политика по деваххабизации региона, которой придавался оттенок нелегитимности. Репертуар девиаций, которые приписывались муфтию, был довольно разнообразным. Например, авторы сайта *ummanews.ru* обвинили муфтия в том, что он, будучи в должности имама мечети «Булгар» (г. Казань), периодически присваивал деньги мусульманской общины и занимался незаконным предпринимательством:

«В редакцию UmmaNews поступили компрометирующие документы ... на ... и.о. марионеточного муфтия Татарстана Ильдуса Фаизова. Также он является имамом мечети “Булгар”...Выяснилось, что Фаизов получил от бухгалтера мечети 4 000 000 (четыре миллиона) рублей и присвоил их себе. Деньги принадлежали мечети “Булгар”. Кроме того, предприимчивый муфтий Фаизов организовал на прилегающей к мечети территории, которая является её собственностью, автостоянку на 300 машин. При этом с каждого пользователя стоянкой он собирал по 1500 рублей ежемесячно. Итого выходит 450 000 (четыреста пятьдесят тысяч) рублей в месяц. И это заработок только с одной стоянки. Плату он брал без оформления каких-либо документов и актов.... (И.о

¹ Подр. см.: Сулейманов Р.Р. Новый курс татарстанского муфтията: трудности и успехи деваххабизации [Электронный ресурс] // Новое восточное обозрение. – 2011. – 24 сентября. – Режим доступа: <http://journal-neo.com/?q=ru/node/9199>, свободный.

² См. напр.: Сулейманов Р.Р. «Салафитская истерика»: попытки срыва выборов муфтия Татарстана [Электронный ресурс] // Новое восточное обозрение. – 2011. – 28 марта. – Режим доступа: <http://journalneo.com/?q=ru/node/5336>, свободный; Сулейманов Р.Р. Попытка рейдерского захвата мечети в Альметьевске: ваххабитский реванш? [Электронный ресурс] // Новое восточное обозрение. – 2011. – 31 декабря. – Режим доступа: <http://journalneo.com/?q=ru/node/12097>, свободный и др.

муфтия) организовал на территории мечети 3 (три) магазина, где продавал товары народного потребления и принадлежности для похорон. При этом никаких договоров аренды он заключать и не думал... Отчётливо осознавая, что люди могут не понять его “чистых” и “искренних” побуждений, муфтию Фаизову пришлось уничтожить всю финансово-хозяйственную документацию, которая всё это время велась бухгалтером. А в налоговые “органы” он представлял заведомо ложные бухгалтерские документы, уклоняясь от уплаты “подходящего налога с физических лиц”» (Татарстан. Заместитель муфтия Татарстана Ильдус Фаизов оказался изрядным вором // ummanews.ru, 23 марта 2011 г.).

Особенно ярко стратегия делигитимизации борьбы с ваххабизмом в Татарстане проявляется через упоминание тесного сотрудничества муфтия И. Фаизова с государственными структурами. Это позволяет сторонникам ваххабизма обвинять его в выполнении «государственного заказа» на устранение «истинных мусульман». Таким образом, по мнению авторов публикаций на сайте ummanews.ru, опасность ваххабизма является мнимой, а борьба с ним – способ «показать себя» для нового муфтия:

«Как сообщают СМИ, глава синодального отдела... Чаплин выразил свою радость по поводу избрания новым муфтием Татарстана ... Ильдуса Фаизова. Причина радости заключается в том, что последний, по признаниям самого попа Чаплина, очень любит христиан и стремится возродить бесхребетный «традиционный Ислам»... на одной из своих встреч с местными имамами Фаизов очень чётко обозначил, кем он считает мусульман, воюющих с кафирами и защищающих Ислам и своих братьев: “Каждый человек должен знать: тот, кто прибегает к террору, – это враг Аллаха, враг любой религии, в том числе религии собственного народа...”», – сказал муфтий ДУМ Татарстана Ильдус Фаизов...новый муфтий Фаизов пообещал вести активную борьбу с мусульманами, придерживающимися правильных исламских убеждений, основанных на убеждениях праведных предшественников, а также наладить отношения со спецслужбами России и кремлёвскими главарями, в помощи которых подобные Фаизову “будучи гражданами страны, сильно нуждаются”» (Христианские попы ценят муфтия Татарстана Ильдуса Фаизова за любовь к ним // ummanews.ru, 14 апреля 2011 г.).

Кроме того, авторы материалов с сайта ummanews.ru намекают и на то, что борьба с ваххабизмом является способом привлечения федеральных денег со стороны местного муфтията:

«... Было создано внеочередное собрание татарских имамов. На нём ... выступил и главный советник управления президента РФ по внутренней политике ... Алексей Гришин. Он сказал, что Фаизову необходимо

жёстко противодействовать распространению убеждений, основанных на Коране и Сунне, среди верующих. Он считает, что “команде” муфтия предстоит создать систему жёсткого идеологического противодействия распространению исламских знаний... По его профессиональному мнению, в дело создания интернет-сайтов и проведения интернет-пропаганды нужно вливать огромные средства: “Нужно выстроить в СМИ и наладить очень качественно борьбу с попытками обосновать проявления экстремизма, – считает кафир. – Эта работа очень сложная, трудоёмкая и очень финансовоёмкая. В этом смысле мы готовы оказать всяческую поддержку”, – сказал представитель кремлёвской администрации» (Христианские попы ценят муфтия Татарстана Ильдуса Фаизова за любовь к ним // ummanews.ru, 14 апреля 2011 г.).

И, наконец, еще одним примером «неправильного поведения» муфтия И. Фаизова, как считают апологеты ваххабизма, является то, что он «сдаёт истинных мусульман» органам государственной безопасности:

«...Те, кто призывает к истинным исламским ценностям, желая пробудить мусульман и открыть им глаза на правду, подвергаются серьёзным гонениям, в том числе тюремным заключениям на большие сроки... По словам марионеточных властей, главная угроза исходит от последователей салафии, чьи идеи распространяются в некоторых мечетях Татарстана... В связи с этим активизируются местные идейные борцы за счастливое существование под кафирской властью. Среди них особо выделяется ... муфтий Ильдус Фаизов... Фаизов считает, что бесхребетный “традиционный ислам” в Татарстане находится в опасности в связи с распространением салафии проповедниками из Аравии, Катара и Египта... Возможно, именно поэтому, заняв пост муфтия Татарстана, Фаизов за неимением аргументов начал преследовать мусульман, в том числе и имамов, за их убеждения... Многие имамы уже были отправлены в отставку по доносам Фаизова в тербанду ФСБ» (Западные СМИ: муфтий Ильдус Фаизов сдаёт мусульман в ФСБ // ummanews.ru, 31 мая 2011 г.).

В целом же большинство материалов сайта ummanews.ru, делающих попытку дискредитации главы ДУМ РТ, выполнено в довольно грубоватой манере, с использованием уничижительных эпитетов и радикальных обобщений, эксплицитно принижающих статус муфтия и делигитимирующих его борьбу с ваххабизмом:

«... Ситуация в марионеточном муфтияте Татарстана резко осложнилась после того, как между муртадами и кафирами с одной стороны и моджахедами — с другой в Нурлатском районе произошёл ожесточённый бой. После этого в местном ДУМе начали суетиться – выговоры,

увольнения, перестановки. В результате этой мышинной возни наметился новый муфтий ДУМа – Ильдус Фаизов» (Сайт UmmaNews обвинили в связях с татарстанскими «ваххабитами» и в заговоре против изрядного вора муфтия Ильдуса Фаизова // ummanews.ru, 13 апреля 2011 г.).

С точки зрения доминирующих дискурсов, сайты www.ansar.ru и www.golosislama.ru используют более имплицитную риторику, в которой нет места непосредственной защите ваххабизма. Основной акцент при освещении недавних событий в Татарстане указанные веб-порталы делают на проблематике «традиционного ислама», а также занимаются активной критикой муфтия И. Фаизова. На страницах портала www.ansar.ru, например, нередко можно встретить статьи, иронизирующие и высмеивающие деятельность ДУМ РТ по деваххабизации Татарстана. Например, в одной из статей муфтия И. Фаизов предстает в образе «служилого татарина», полностью подчиненного федеральным властям:

«Муфтию Всея Татарстана Его Святейшеству служилому татарину Ильдуске Файзову от бывшего главного инженеришки Соборной мечети Елабужского улуса Зюрейской даруги ясачного татарина Личурки Мифтахова...Ассалямю алейкум, Ваше Святейшество, Милостивый Государь, святой отец и благодетель!... А я уж век буду Вашему Святейшеству премного благодарен, что от дел государевых оторвал, и для уверения в том, при сём заявлении своём новую золотом расшитую тюбетейку прилагаю, да 200 рублей на булавки для чад Ваших и домочадцев» (Мифтахов Л. Открытое письмо Ильдусу Файзову // www.ansar.ru, 3 января 2012 г.).

В другой статье с помощью техники гиперболизации в комичном свете выставляется работа муфтията по ориентации местного духовенства на ханафитский мазхаб:

«В современном российском обществе несколько недооценивается значение тюбетейки как одного из важных факторов борьбы с террористической угрозой. Форма головного убора, как это не покажется странным, способна указать на потенциального экстремиста, а ношение традиционных татарских тюбетеек, безусловно, ведет к профилактике экстремизма на ранних ее этапах... Современные “эксперты по исламу” достаточно глубоко изучили проблематику и успешно внедрились в массы знания о деструктивном влиянии на молодых мусульман: ношения коротких штанов, громкого выкрикивания слова “аминь” на коллективной молитве и, что самое важное дополнительного вскидывания рук во время совершения намаза. В то же время вопрос влияния головного убора на развитие экстремистских взглядов мало изучен и требует всестороннего анализа... опыт показывает, что за боль-

шинством терактов на территории России стоят люди, которые не имели опыта ношения татарских традиционных тюбетеек. Вполне очевидно, что в России необходимо ввести запрет на ввоз, распространение и использование нетрадиционных форм головных уборов» (Мифтахов Л. Традиционная форма татарской тюбетейки как орудие борьбы с экстремизмом // www.ansar.ru, 20 июня 2011 г.).

Анализ материалов сайтов www.ansar.ru и www.golosislama.ru показывает, что их авторы дискурсивно конструируют наличие двух течений в ваххабизме («умеренного» и «радикального») и выступают за необходимость признания и интеграции умеренных ваххабитов. Утверждается, в частности, что отказ от попытки сотрудничества с «умеренными» ваххабитами может привести к радикализации последних и разворачиванию событий по северокавказскому сценарию:

«...Многие в Татарстане сегодня боятся, что смена команды в ДУМ РТ приведет и к смене курса – от сбалансированности к “традиционализации”. А это, в свою очередь, дестабилизирует исламскую общину, особенно молодежь... Разрушение созданного Исхаковым баланса может блокировать и масштабную социально-религиозную работу, которая сформировалась в республике, и привести к откату и стагнации. А если молодежная энергия не будет должным образом канализирована в легальной исламской активности, она может найти выход в “подворотнях” и “квартирных молельнях” с их вульгарным и радикальным пониманием мира и ислама. И тогда борцы за “традиционный ислам”-получат результат обратный желаемому» (Мухаметов А.Р. Нет ДУМа без огня // www.ansar.ru, 21 апреля 2011 г.).

Деконструирование угрозы со стороны «умеренного» ваххабизма осуществляется и через указание на существование практики конструирования «мифа о ваххабитской угрозе»:

«В Татарстане под видом возвращения верующих к своей традиционной религии (ханафизации) идет дезинформационный штурм. Частые, назойливые статьи - страшилки в СМИ о ваххабистских холдингах в республике, характеризуют авторов этих статей, как паникёров, “раскачивающих лодку”. Выдавая себя за историков, аналитиков, религиозных деятелей, эти люди реально сеют раздор в рядах обычных мусульман... И так, если ты не придержишься “традиционного ислама”, значит ты “саляфит”, а “саляфит” значит “ваххабит”. Ну, а если “ваххабит” значит террорист. Всё просто... Нагнетается обстановка, лепится проблема, тут же находится метод ее решения. Любой неугодный мулла или хазрат объявляется “саляфитом-ваххабитом” и пошло-поехало» (Имаметдин М. Ханафизм или фанатизм // www.ansar.ru, 9 января 2012 г.).

Для распространения «мифа о ваххабитской угрозе», как полагают журналисты сайта www.golosislama.ru, используются технологии «черного PR», когда непроверенные сведения печатаются в СМИ и распространяются на веб-ресурсах с большим числом посетителей:

«Провалом “псевдоханафитов-традиционалистов” можно назвать выход статьи Ислама Батыя (он же Раис Сулейманов) под названием “Ваххабизм в Нижнекамске” ... если по каждой красной строке статьи “Ваххабизм в Нижнекамске” произвести разбирательство на должном уровне, то выявится, что это неподтверждённая, построенная на сплетнях завистников, информация. Но почему Сулейманов идёт на это? Почему редактор “Звезды Поволжья” выставляет статью на первую полосу в своей газете? А начальник отдела информации и пропаганды ДУМ РТ Ришат Хамидуллин, выбрасывает в группу “Нижнекамск ВКонтакте”, в которой зарегистрировано более 45000 нижекамцев? Неподтверждённую информацию максимально быстро пытаются распространить в интернете!» (Имаметдин М. Провал // www.golosislama.ru, 16 января 2012 г.).

Так же, как и в случае с откровенно экстремистскими сайтами, выводы по деятельности татарстанского муфтията ложатся в канву «обвинения в неискренности»:

«И вот смотрим на все это происходящее и думаем: “Что это за «традиционный ислам» такой? Может это лишь ширма для некой секты карьеристов, заручившихся поддержкой государства для воплощения своих политических, экономических и иных целей?”» (Имаметдин М. Ханафизм или фанатизм // www.ansar.ru, 9 января 2012 г.).

Таким образом, в шестой главе мы проанализировали «оборотную сторону» публичных дискурсов – риторику, деконструирующую воззрения на ваххабизм как религиозную девиацию. Исследование показывает, что техники нейтрализации негативных коннотаций, связанных с ваххабизмом, весьма разнообразны. Характерным является, например, отождествление последователей М. бин Абдельвахаба с «истинными мусульманами», противопоставление суфийским братствам, полемика с тезисами о связи ваххабизма с террористическими актами. Кроме того, значимую роль в деконструировании негативного образа ваххабизма играют различные материалы, связанные с пропагандой ханафитского мазхаба («традиционного ислама») на территории Поволжья и регионах компактного проживания татар.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном социуме существует множество социальных проблем. Если отдельно рассматривать институт религии, а точнее говоря, ислам, то наиболее яркой проблемой в данной сфере является проблема ваххабизма.

Исследование ваххабизма мы начали с формулирования методологического каркаса исследования. Для исследования особенностей (де-)конструирования ваххабизма как религиозной девиации была использована комплексная методология, основу которой составила теория конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Данная теория, которая является продолжением работ А. Шюца, рассматривает процесс превращения объективной реальности в субъективную и обратно, постулируя, таким образом, субъективно-объективную природу социума. Конструирование реальности, по мнению авторов теории, осуществляется на лингвистическом уровне через использование механизмов хабиутулизации, интериоризации, экстернализации, объективации, институционализации, легитимизации и др.

В рамках конструкционистского понимания социальной реальности существует несколько версий: радикальный конструкционизм (П. Ватцлавик, Х. фон Фёрстер, Э. фон Глазерсфельд), строгий конструкционизм (М. Спектор, Дж. Китсьюз), умеренный конструкционизм (Дж. Серль), контекстуальный конструкционизм (Дж. Бест). Автор является сторонником контекстуального конструкционизма, который с методической точки зрения предполагает соотнесение конструируемых социальных феноменов с определенным набором социальных условий, являющихся контекстом социального конструирования реальности.

На вспомогательных уровнях методологического каркаса исследования располагаются «технические» теории (теории, объясняющие лингвистические механизмы конструирования реальности) и «специальные» теории (теории, объясняющие специфику конструкционизма с точки зрения различных социальных институтов). К «техническим» теориям в рамках нашей работы были отнесены наиболее распространенные и популярные среди исследователей четыре подхода к дискурс-анализу (Т. ван Дейк, Н. Фэркло, Р. Водак, Э. Лакло и Ш. Муфф). В качестве «специальных» теорий были рассмотрены теории конструирования социальных проблем (М. Спектор, Дж. Китсьюз, Дж. Бест), теория публичных арен (С. Хилгартнер, Ч. Боск), а также ряд теорий, рассматривающих проблематику риторических приемов и дискурсивных стратегий конструирования социальной реальности (П. Ибарра, Дж. Китсьюз, С. Холл, Р. Энтман).

Далее были рассмотрены особенности теоретической интерпретации конструирования девиаций в социологическом дискурсе. Мы рассмотрели особенности конструкционистского взгляда на проблему социальных отклонений, согласно которому девиации не являются онтологической реальностью, а представляют собой конструкты. Конструкционистское направление в теории отклоняющегося поведения зародилось в 1970-е гг. и в настоящее время пользуется популярностью в социологическом и криминологическом сообществах.

Социологические теории, связанные с проблематикой девиантного поведения, можно условно разделить на две группы: конструкционистские теории, которые объясняют механизмы конструирования девиаций, и иные теории, которые, в рамках социологической науки, конструируют представления о причинах девиаций и необходимых мерах социального контроля. К прото-конструкционистским теориям девиаций можно отнести разработки в рамках теории ярлыков (Ф. Танненбаум, Э. Леммерт, Г. Беккер), а собственно конструкционистским – теорию моральных паник (С. Коэн, Э. Гуд, Н. Бен-Йехуда).

Сам же процесс конструирования социальных девиаций весьма сложен и состоит из множества элементов, которые взаимодействуют друг с другом в символической сфере. Как представляется, процесс конструирования девиаций инициируется наличием социального феномена (или фактов), который сигнифицируется в качестве проблемы академическим, экспертным сообществом, политиками и группами интересов, и вызывает озабоченность у общества и различных социальных групп. Сигнификация порождает академическую дискуссию о причинах вызывающего озабоченность социального феномена, в результате чего появляются научные представления о природе отклоняющегося поведения и необходимых мерах социального контроля, которые начинают тиражироваться масс-медиа и экспертным сообществом. Еще одним этапом конструирования девиаций является этап правового конструирования отклонений, который может предшествовать как академической дискуссии об их природе, а в редких случаях – и сигнификации социального феномена в качестве отклонения.

Важная роль, которую играет институт науки в конструировании представлений о причинах девиаций, обусловила необходимость обращения к ряду позитивистских теорий отклоняющегося поведения для того, чтобы выявить, какой объяснительный репертуар социальных отклонений конструируется в данных теориях и какие меры социального контроля они постулируют в качестве эффективных. На примере ряда социологических работ (М. Фуко, Дж. Хаджердон, Е. Финн-Ааге, В. Каппелер, Г.

Поттер) было показано, что научные представления о сущности, причинах, последствиях отклоняющегося поведения оказывают существенное влияние как на общество, так и на тех, кого считают девиантами. Те или иные определения отклонений ведут к усилению карательных мер в отношении «преступников», делают необходимым большие расходы на правоохранные нужды, или же, наоборот, выводят отдельных индивидов за пределы легальных санкций. Научные представления о причинах девиаций оказывают существенное влияние на практики социального контроля. Влияние института науки на общественное мнение велико и в связи с тем, что академический дискурс охотно используется СМИ для придания достоверности и солидности своим сообщениям.

Каковы же особенности социологического дискурса причин отклоняющегося поведения и необходимых мер социального контроля? В социо-биологическом подходе к отклоняющемуся поведению (Ч. Ломброзо) девиации предстают в качестве сущностной характеристики индивида. С точки зрения конструирования девиантности, теория Ломброзо явилась прообразом расового профилирования, которое изначально нивелирует презумпцию невиновности в отношении расовых / этнических меньшинств, а также представлений о большей «биологической предрасположенности» этнических меньшинств к отклоняющемуся поведению.

Аномические теории (Р. Мертон, А. Коэн, Р. Кловард и Л. Олин) защищают тезис о том, что доминирующие общественные ценности толкают индивида на совершение противоправных действий. В аномических теориях конструкт девианта представлен, прежде всего, образом представителя низшего класса, пытающегося добиться материального благополучия через криминальную карьеру. Это, с одной стороны, ориентировало институты социального контроля на борьбу с бедностью, а с другой – превратило представителей низшего класса в «чужих», всегда готовых пойти на нарушение закона.

Исходный тезис теории дифференциальных связей (Э. Сазерленд) гласит, что девиантные практики являются процессом освоения некоторыми представителями общества криминальных ценностей. Конструкт девианта в теории дифференциальных связей представляет собой восприимчивый к влиянию окружающей среды объект; данная теория акцентирует внимание на социальном контексте, в котором существует индивид и его влияние на формирование противоправного поведения. С точки зрения конструирования девиантности, теории дифференциальных связей нашли применение в тезисе о необходимости работы с социальной средой для снижения преступности.

В теориях социального контроля девиантность конструируется

либо как результат недостаточного внутреннего контроля индивида над своими поступками / слабого контроля соответствующих социальных институтов (У. Реклесс, И. Най), либо как отсутствие приверженности к основным нормам и ценностям общества (Т. Хирши). Образ девианта в теориях социального контроля представлен, прежде всего, таким социальным персонажем, как «трудный подросток».

На практике представления о том или ином социальном отклонении обычно конструируются через использование объяснительных схем в рамках нескольких теорий.

Особенности конструирования ваххабизма как религиозной девиации могут быть выявлены в соотношении с историческим и социальным контекстом. Спецификой исторического и социального контекстов является зарождение ваххабизма в качестве маргинального учения, возникшего в рамках ханбалитского мазхаба, отрицающего рациональные подходы к трактовке положений Корана и Сунны и основанного, во многом, на учении Ибн Таймийи о необходимости вернуться к «исначальному исламу». Основными особенностями ваххабизма, названного так по имени его основателя – Мухаммада ибн Абдельваххаба, являются постулаты о необходимости строгого следования единобожию, непримиримая позиция по отношению к религиозным нововведениям, радикальная позиция по отношению к остальным мусульманам (вплоть до их объявления «неверными»).

Развитие ваххабизма связано с возникновением Королевства Саудовская Аравия ряда сопряженных факторов, в частности, открытием крупных нефтяных месторождений на полуострове. Начиная с 1970-х гг. факторами распространения ваххабизма становятся участие ваххабитов в ряде военных конфликтов (Афганистан, Ирак), экспорт ваххабитского религиозного образования в соседние страны, деятельность ваххабитских фондов, поддерживающих ваххабизацию в мусульманских странах, и частичный контроль над масс-медиа в арабоязычных государствах. Российская специфика конструирования ваххабизма связана с ситуацией на Северном Кавказе, участием боевиков-ваххабитов в террористических актах, а также оформлением ваххабизма в качестве протестной религии для северокавказской молодежи, недовольной положением дел в регионе.

Далее приводятся результаты авторских исследований, реализованных в соответствии со сформулированной теоретико-методологической базой. Результаты исследования (де)конструирования ваххабизма были репрезентированы на трех уровнях: уровне традиционных СМИ, представленном печатными изданиями, уровне экспертного сообщества

и уровне «новых медиа», представленных различными интернет-порталами проваххабитской направленности. Подобная разбивка позволила, с одной стороны, представить тематический репертуар (де)конструирования ваххабизма различными акторами, а с другой стороны, показать область деконструирования девиантного образа ваххабизма со стороны интернет-медиа, которая практически не представлена ни в дискурсе печатных СМИ, ни в риторике экспертного сообщества.

Исследование (де)конструирования ваххабизма в печатных изданиях было проведено на материалах трех федеральных многотиражных изданий – «Известий», «Российской газеты» и «Независимой газеты». Для исследования были отобраны все публикации в этих изданиях за период 2001-2011 гг., содержащие ключевое слово «ваххабизм» или его производные. В качестве исследовательского метода была использована количественно-качественная стратегия, основанная на идее триангуляции (Н.К. Дензин, П. Лазарсфельд). Отобранные для анализа статьи в печатных изданиях были сначала подвергнуты количественному анализу, суть которого заключалась в выделении доминирующих тем, используемых для (де)конструирования образа ваххабизма в печатных изданиях. Результаты данного этапа исследования показали, что в период 2001-2011 гг. численность публикаций в разные годы заметно отличалась, что позволило выделить три периода с разной степенью акцентирования внимания на проблематике ваххабизма. Первый период (2001-2005 гг.) характеризуется значительным количеством публикаций, связанных с ваххабизмом во всех изданиях и может рассматриваться в качестве периода моральных паник (С. Коэн), связанных с ваххабизмом. Второй период (2006-2008 гг.) ознаменовался резким спадом интереса к проблематике ваххабизма со стороны изученных газет, а в третий период (2009-2011 г.) интерес к данной теме несколько повышается, но не в той мере, в какой это имело место на первом этапе. Анализ публикаций в печатных изданиях с точки зрения активности интереса к теме ваххабизма и с точки зрения тематического разнообразия статей позволил сделать вывод, что актуальность этой темы для СМИ прямо коррелирует с террористической деятельностью на территории России.

С точки зрения тематического репертуара, образ ваххабизма в печатных СМИ конструируется с помощью нескольких основных и ряда дополняющих тем. Наиболее широко представленной в изученных газетах является тема связи между ваххабизмом и терроризмом, которая использует стратегию схождения проблем (С. Холл), при которой проблема ваххабизма дискурсивно «встраивается» в спектр проблем, связанных с терроризмом. Географическим маркером дискурсивной связи между

ваххабизмом и террором выступают республики Северного Кавказа, прежде всего, Чечня. Усиление террористической риторики ваххабизма происходит за счет использования образов террористок-смертниц, которые символически превращают ваххабизм в идеологию «промывания мозгов», способную превратить женщин в безжалостных и кровавых убийц гражданского населения. Особый акцент на связи между ваххабизмом и взрывами с участием террористок-смертниц делался в период активного конструирования ваххабизма как социальной проблемы (2001-2005 гг.), тогда как в последние годы конструирование этой связи осуществляется, скорее, имплицитно (например, через использование выражений «шахидка» и «пояс шахида», которые семантически несут коннотации, связанные с ваххабизмом).

Другой распространенной темой является тема, которая символически встраивает ваххабизм в дискурсы, связанные с российскими мусульманами (в частности, «традиционный ислам versus ваххабизм»). Распространенной дискурсивной стратегией в рамках данной темы является стратегия отстройки, при которой ваххабизм противопоставляется классической мусульманской религии и представляется в образе радикального течения или даже секты. С другой стороны, присутствует в изученных изданиях и противоположная стратегия, которая, явно или неявно, конструирует наличие тесной связи между российским мусульманским духовенством и эмиссарами / апологетами ваххабизма, на фоне чего отдельные «традиционные» имамы и муфтияты предстают как исключение из правил. Судя по газетным публикациям, ваххабизм для мусульманского духовенства России имеет статус ярлыка, который клеится на конкурентов в рамках борьбы между многочисленными муфтиятами. При этом тематика борьбы за власть и ресурсы внутри российской уммы тесно переплетается с темой ваххабизма в Поволжье. Дискурс ваххабизации Поволжья предстает в газетных публикациях как прямое следствие отсутствия внутреннего единства в рядах мусульман России, на фоне чего экстремисты с легкостью ведут свою деструктивную работу. Заметен интерес отдельных печатных изданий и к теме т.н. русского ваххабизма.

Газетные публикации по разному оценивают успехи государственной власти в деле борьбы с ваххабизмом: есть положительные публикации на эту тему, а есть и публикации критического характера. Негативизации образа государственного противодействия ваххабизму служат, в частности, и те материалы, которые посвящены попыткам ваххабитов, отбывающих наказание в российских тюрьмах, создать подпольные ваххабитские ячейки.

Относительно немного в изученных печатных изданиях материалов, посвященных «подноготной» ваххабизма – как правило, это материалы, в которых разоблачается «идейность» ваххабитов, а их деятельность объясняется политическими, экономическими и иными факторами. Что же касается публикаций, деконструирующих представления о ваххабизме как девиации, то таких в выборке исследования практически не оказалось. Те несколько публикаций, которые, так или иначе, деконструируют негативный образ ваххабизма, указывают на то, что недопустимо смешивать понятия «ваххабизм» и «терроризм / экстремизм / бандитизм».

Исследование (де)конструирования ваххабизма экспертным сообществом охватило следующие группы экспертов: 1) религиозных деятелей (мусульманские священнослужители, шакирды / студенты мусульманских учебных заведений), 2) государственных служащих, 3) представителей академической среды и 4) представителей правоохранительных органов. Конструирование ваххабизма экспертным сообществом изучалось по комплексной методике, включающей в себя качественный анализ полупространственных экспертных интервью (N = 16), а также качественный анализ интервью различных экспертов, данных ими для средств массовой информации (N = 17). Кроме того, для анализа изменений в экспертном конструировании ваххабизма во временном измерении нами частично были использованы интервью, собранные исследовательской группой под руководством Г.М. Мансуровой в ходе работы над проектом «Исламизация в Республике Татарстан: влияние на социальную стабильность и формирование новых идентичностей молодежи» (1999-2000 гг.), а также выводы, сделанные исследователями по результатам этого проекта.

Экспертный дискурс, в отличие от газетного, отличается существенно большим разнообразием. Так, например, наряду с представлениями о ваххабизме как секте внутри ислама с четкими идентификационными признаками (внешний вид и доктринальные воззрения), равным образом присутствует в экспертной риторике и мнение о том, что ваххабизм – это ярлык, который не точен ни с терминологической точки зрения, ни с точки зрения адекватности присущих ваххабитам признаков для их выделения в отдельное течение. Эксперты, стоящие на таких позициях, подчеркивают, что некорректно отождествлять ваххабизм с экстремизмом еще и потому, что не всегда понятны мотивы тех людей, которые совершают насилие от имени ислама. Примечательно, что сравнительно-временной анализ отношения экспертного сообщества к ваххабизму показывает наличие серьезного изменения экспертных дискурсов ваххабизма по сравнению с началом 2000-х гг. В частности, более снисходительные вы-

сказывания экспертов о ваххабизме были более характерны именно для начала 2000-х, тогда как в настоящее время осуществляется активная проблематизация ваххабизма, и он конструируется в качестве проблемы и отклонения от нормы. Кроме того, тенденцией начала 2000-х гг. является и преуменьшение опасности ваххабизма, тогда как в настоящее время в экспертной риторике преобладают алармистские оценки. Представляется, что подобные различия в экспертной риторике связаны не только с определенным пересмотром оценок, но и с тем фактом, что сообщество тех, кого называют «ваххабитами», далеко не однородно по своему составу и среди них можно выделить «умеренных ваххабитов», «радикальных ваххабитов» и «симпатизантов ваххабизма».

Одной из особенностей конструирования ваххабизма в экспертном дискурсе является использование собирательного образа выпускника исламских учебных заведений из арабских стран. Этот собирательный конструкт интересен для нашего анализа тем, что он, отчасти, раскрывает совокупность причин, которые используются в риторике объяснения появления и усиления позиций ваххабизма. Репертуарные особенности конструирования образа «шакирда, вернувшегося из арабских стран» могут быть сведены к следующим дискурсам.

Во-первых, эксперты подчеркивают, что выпускники мусульманских учебных заведений из арабских стран нередко оказываются проповедниками ваххабизма. Для подобных индивидов характерен догматизм, буквализм в понимании источников мусульманского права и отказ от необходимости учитывать социо-культурный контекст, который присутствует в российских регионах компактного проживания мусульман. Во-вторых, по мнению экспертов, существует «линия напряженности» между выпускниками мусульманских учебных заведений из арабских стран и местным мусульманским духовенством. В-третьих, эксперты отмечают, что юношеский максимализм у тех, кто обучался в арабских странах, усиливается за счет культурных различий между Россией и арабским миром. Когнитивный диссонанс, вызванный межкультурными различиями, ведет к фрустрации и радикализации выпускников мусульманских учебных заведений из арабских стран. Институциональные формы ваххабитской проповеди (посредством различных фондов), как показывает экспертная риторика, сошли в настоящее время на нет, тогда как для начала 2000-х гг. это было нормой. Экспертный дискурс остальных причин распространения ваххабизма более однообразен. Распространение ваххабизма одни эксперты объясняют экономическими причинами (например, бедностью), а другие – перегибами в работе правоохранительных структур.

Интересной особенностью экспертного дискурса является постулируемая связь между ваххабизмом и бандитизмом, которая фактически стирает различия между ваххабитами и членами организованных преступных группировок. Эксперты отмечают, что бывшие члены ОПГ нередко становятся убежденными ваххабитами и продолжают свою криминальную деятельность уже в контексте ваххабитского мировоззрения (например, продажа наркотиков объявляется средством «борьбы с кяфирами»), а «крышевание» бизнеса приобретает форму сбора зяката – обязательной милостыни и джизьи – налога для иноверцев).

Экспертное сообщество, исходя из своего статуса, не только анализирует проблемы, но и конструирует способы их решения. Экспертный дискурс противодействия ваххабизму весьма разнороден и обусловлен отношением каждого конкретного эксперта к ваххабизму (оценка его в качестве девиации или нормы), а также способам распространения ваххабизма в текущих условиях. Экспертами предлагаются пути противодействия ваххабизму в идеологической сфере (в т.ч. через «правильное и традиционное» мусульманское образование), через полный отказ или корректировку практики отправки шакирдов для обучения за рубеж, «очистку» рядов мусульманского духовенства от сторонников ваххабизма, работу по повышению уровня жизни в республиках Северного Кавказа, а также интеграцию тех ваххабитов, которые не являются сторонниками экстремизма и терроризма, а лишь отличаются от большинства мусульман своими воззрениями на вопросы мусульманской религиозной практики.

Исследование деконструирования доминирующе девиантного образа ваххабизма в «новых медиа» осуществлялось на основе анализа контента ряда веб-сайтов ваххабитской и проваххабитской направленности. Результаты исследования свидетельствуют о том, что материалы на сайтах ваххабитской направленности дистанцируются от термина «ваххабизм», обозначая его в качестве терминологически некорректного ярлыка, и используют вместо этого термин «салафия» (концепт, образованный от выражения «салафус-салихин» - букв. «праведные предшественники»). Деконструирование негативных коннотаций, связанных с термином «ваххабизм», осуществляется и через символическое представление последователей Муххаммада ибн Абдельваххаба в качестве «истинных мусульман», твердо придерживающихся исламских предписаний.

Представления о ваххабизме как «чистом исламе» конструируются и с помощью «контрастной стратегии», в которой объектом для сравнения с ваххабитским мировоззрением выступают т.н. «суфисты» – последователи различных суфийских орденов. Дискурсивно разделяя мусульманскую умму на два лагеря («ваххабиты / салафиты» versus «суфисты / традици-

онные мусульмане»), сторонники ваххабизма представляют последних в качестве тех, кто отошел от «правильного понимания» сути ислама.

Символическая борьба против суфизма особенно характерна для тех веб-сайтов, которые так или иначе проблематизируют ситуацию на Северном Кавказе. В отношении последователей суфизма используются приемы негативизации, карикатуризации и стереотипизации. Как правило, ваххабитские материалы рисуют образ т.н. могилопоклонника – человека, который взывает мольбами к душам умерших (например, шейхам суфийских тарикатов), отвергая, тем самым, одно из ключевых понятий мусульманского вероубеждения – понятие единобожия. Суфии, которые клеймятся как «вероотступники», противопоставляются «истинным мусульманам», к которым ваххабиты относят себя. С суфизмом ваххабитская риторика связывает один из величайших грехов в исламе – многобожие, за счет чего происходит символическое их выведение за пределы мусульманской уммы и, как следствие, дискурсивная стигматизация их в качестве «заблудших».

Для ваххабитских сайтов характерна и деконструирующая полемика с распространенным представлением о ваххабизме как воинствующем течении. При этом наше исследование показывает, что среди сторонников ваххабизма нет единой точки зрения по данному вопросу. В частности, часть веб-сайтов отстаивает более умеренный взгляд на джихад, а часть из них занимается активной пропагандой радикальных способов ведения военных действий и совершения террористических актов.

Конструирование умеренного взгляда на джихад использует приемы отстройки от радикалов-джихадистов, обращает внимание на проблемы, которые генерируются в результате террористических актов (исламофобия, преследование мусульман силовиками), а также указывает на наличие у радикалов-джихадистов скрытой повестки дня. Джихадистский дискурс, в противоположность этому, в основном оперирует риторикой «символического талиона» – оправдания вооруженной борьбы преследованиями мусульман со стороны государственных органов и спецслужб. Для усиления риторического эффекта в джихадистском дискурсе используется целый ряд собирательных образов (например, в отношении сотрудников правоохранительных органов используются эпитеты «террористы в погонах» и «шайтаны», приводится «инквизиторский» перечень «пыточного арсенала» и т.д.). Другой, не менее распространенной, стратегией деконструирования девиантного образа ваххабизма в джихадистском дискурсе является попытка на основе различных положений ислама символически легитимизировать необходимость применения насилия, в т.ч. в виде совершения различных террористических актов.

Частью тематического репертуара символического деконструирования девиантного образа ваххабизма является область виртуальных дискуссий о роли ханафитского мазхаба в жизни российских мусульман и о государственной поддержке «традиционного ислама» в качестве меры борьбы с распространением ваххабизма. Наше исследование показало, что в последнее время, в связи с выбором на пост муфтия Татарстана И. Файзова, активизировалась «анти-традиционалистская» риторика на ряде ваххабитских и проваххаибских сайтов, целью которой было делегитимизировать борьбу нового муфтия с ваххабизмом в Татарстане и символически деконструировать опасность ваххабизма в республике.

Радикальная риторика, направленная против И. Файзова, обвиняла его в присвоении средств мечети, сотрудничестве с государственными органами и преследовании «правильных» мусульман. Наряду с радикально-ваххабитскими материалами важную роль в негативизации имиджа муфтия И. Файзова играли и материалы умеренно-ваххабитской направленности, выполненные на более профессиональном уровне с использованием, в частности, приемов иронизации, карикатуризации и гиперболизации. Подобные материалы, как показало исследование, большую значимость придавали необходимости принятия во внимание неоднородности ваххабитского сообщества (в частности, наличия в их числе умеренных ваххабитов) и необходимости интегрировать их в мусульманское сообщество для предотвращения событий по северокавказскому сценарию.

Обобщение результатов проведенных исследований было бы неполным без рекомендаций по противодействию ваххабизму как религиозной девиации. На наш взгляд, необходимо, в первую очередь, усилить противодействие ваххабизму в символической сфере. Исходя из того, что риторика, деконструирующая негативный образ ваххабизма, представлена, прежде всего, в сети Интернет, основные усилия должны быть направлены на виртуальное пространство. Наряду с закрытием явно экстремистских сайтов отдельное внимание должно быть обращено на выявление сайтов, занимающихся апологетикой ваххабизма и поддержку тех веб-порталов, которые противодействуют ваххабизму за счет предоставления объективной информации о нем и доступного разъяснения особенностей традиционного ислама.

Параллельно с этим необходима правовая концептуализация ваххабизма как нелегального течения с четким ответом на вопрос о том, являются ли легальными различные умеренные фракции внутри ваххабитского сообщества (в частности, мадхалиты). В экспертной среде нет однозначного мнения о том, возможен ли диалог с т.н. умеренными вах-

хабитами, поэтому точку в этом диспуте должен поставить законодатель.

Кроме того, любая деятельность по противодействию ваххабизму будет половинчатой в том случае, если не будут предприняты одновременные меры по ликвидации системных причин ваххабизма. Для этого необходима реальная борьба с коррупцией и молодежной безработицей (особенно на Сев. Кавказе), государственная поддержка российской системы высшего религиозного образования для мусульман, повышение финансовой прозрачности российских муфтиятов, усиление подготовки сотрудников силовых структур, занимающихся религиозным экстремизмом и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулаева М.Ш. Проблемы внутриисламского диалога в Дагестане / М.Ш. Абдуллаева // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С.219-222.
2. Акаев В. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: миф или реальность [Электронный ресурс] / В. Акаев // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 3 (9). – Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/15.Akaev.shtml>, свободный.
3. ал-Кахтани Г. Кто они «нео-хариджиты» (ваххабиты – «салафиты»)?: / Г. ал-Кахтани; пер. Р.К. Адыгамова; под общ. ред. В. Якупова. – Казань: Иман, 2006.
4. Ахмадиева Л.А. Конструирование межэтнического конфликта (на примере федеральных СМИ) / Л.А. Ахмадиева // Вестник Казанского государственного технологического университета. – 2010. – № 12. – С.547-549.
5. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
6. Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем / Дж. Бест // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: хрестоматия / сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001.
7. Блюдина У. Молодежные культуры, масс медиа и феномен «моральных паник» / У. Блюдина // Другое поле: Социологические практики / под ред. Е. Омельченко. – Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2000. – С.53-64.
8. Бурганова Л.А. Конструирование имиджа государственной службы средствами массовой информации (опыт эмпирического исследования) / С.В. Батайкина, Л.А. Бурганова // Власть. – 2008. – № 3. – С. 42-45.
9. ван Дейк Т.А. Дискурс и доминирование / Т.А. ван Дейк // Современный дискурс-анализ. – 2009. – Вып.1. – № 1.
10. Васильев А.М. Пуристане ислама / А.М. Васильев. – М.: Наука, 1967.
11. Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу / Р. Водак // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19. – С.107-116.
12. Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ / В.В. Волков. – М.: Изд. ГУ ВШЭ, 2005. – 350 с.
13. Гарленд Д. Культура контроля / Д. Гарленд // Отечественные записки. – 2003. – № 2. – С.443-444.
14. Гишинский Я.И. Конструирование девиантности / Я.И. Гишинский. – СПб.: Деан, 2011. – 224 с.
15. Гишинский Я.И. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы / Я. И. Гишинский // Петербургская социология сегодня: сб. научн. трудов Социологического института РАН / Социологический институт РАН. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С.327-344.
16. Гишинский Я.И. Конструирование преступности / Я.И. Гишинский // Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией: сборник научных трудов. – Саратов: Сателлит, 2009. – С.102-112.

17. Гишинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория / Я.И. Гишинский // Социологические исследования. – 1991. – № 4.
18. Гишинский Я.И. Социология девиантности (новеллы и перспективы) // Социологические исследования. – 2009. – № 8.
19. Гусейнова М.Р. Тарикат и особенности его проявления в Дагестане: автореф. ... дис. канд. филос. наук: 09.00.13 / М.Р. Гусейнова. – Махачкала, 2004.
20. Денисова Е.А. Проблема российской коррупции в рамках объективистского и конструкционистского подходов / Е.А. Денисова // Девиации и контроль: результаты эмпирических исследований девиантного поведения в современной России / под ред. М.Е. Поздняковой, А.Л. Салагаева. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С.197-214.
21. День Интернета в России [Электронный ресурс] // Веб-портал ВЦИОМ. – 2008. – 30 сентября. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=10753>, свободный.
22. Дзуцев Х.В. Ваххабиты на Северном Кавказе – религия, политика, социальная практика / Х.В. Дзуцев, А.И. Першиц // Вестник Российской академии наук. – 1998. – Т. 68. – № 12. – С.1113-1116.
23. Душин А.В. «Чужие» в «нашей» стране»: причины межэтнических конфликтов в риторике русских националистов / А.В. Душин, Р.Р. Сафин // Конфликты в социальной сфере и их регулирование: сб. материалов всероссийской конференции. – Казань: Изд-во Печатный двор, 2009. – С.404-411.
24. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов / Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 130 с.
25. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – М., 1994.
26. Журавлева Ж.В. ВИЧ-инфекция и СПИД в масс-медиа: конструирование социальной проблемы: автореф.... дис. канд.соц. наук: 22.00.06 / Ж.В. Журавлева. – Казань, 2002.
27. Здравомыслова Е. Социальное конструирование гендера как феминистская теория / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Женщина. Гендер. Культура / под ред. З. Хоткиной, Н. Пушкаревой, Е. Трофимова. – М., 1999. – С.46-65.
28. Интернет в России. Зима 2010-2011: аналитический отчет [Электронный ресурс] / Фонд «Общественное мнение». – Режим доступа: http://bd.fom.ru/pdf/Internet%20v%20Rossii%20Vol32.%20Zima%202010-2011_short.pdf, свободный.
29. Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М.В. Йоргенсен, Л.Дж. Филипс. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
30. Карпенко О. Как эксперты производят «этнофобию» / О. Карпенко // Расизм в языке социальных наук/ под. ред. В. Воронкова. – СПб.: Алетейя, 2002. – С.23-38.
31. Кезин А.В. Радикальный конструктивизм: познание в «пещере» / А.В. Кезин // Вестник Московского университета. Серия «Философия». – 2004. – № 4. – С.3-24.
32. Клоев Е.В. Речевая коммуникация. – М.: Приор, 1998.
33. Комлев Ю.Ю. Социология девиантного поведения: вопросы теории / Ю.Ю. Комлев, Н.Х. Сафиуллин. – Казань: Изд-во КГУ, 2000. – 160 с.

34. Кудрявцев А. «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе [Электронный ресурс] /А. Кудрявцев // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 3 (9). – Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/14.Kudriav.shtml>, свободный.
35. Кузнецов Ю. П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств /Ю.П. Кузнецов. – СПб.: Мифрил, 1998.
36. Кузнецова-Моренко И.Б. Ислам и мусульмане в общероссийских и татарстанских телевизионных программах / И.Б. Кузнецова-Моренко, Л.Н. Салахатдинова // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С.120-127.
37. Култыгин В.П. Количественный и качественный анализ: органическое единство или автономия / В.П. Култыгин // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С.10-12.
38. Лаба Л.Я. Способы интеграции качественных и количественных методов / Л.Я. Лаба // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С.124-129.
39. Майнхоф У. Дискурс / У. Майнхоф // // Контексты современности-II / под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд. КГУ, 2001.
40. Макаров А.С. Конструирование социальной проблемы подростковой делинквентности в печатных изданиях Республики Татарстан: автореф. дис.... канд. соц. наук: 22.00.04 / А.С. Макаров. – Нижний Новгород, 2007.
41. Малашенко А.В. Ислам в России: религия и политика /А.В. Малашенко // Исламоведение. – 2010. – № 3. – С.67-85.
42. Мантаев А.А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане: дис.... канд.полит.наук: 23.00.02 /А.А. Мантаев. – М., 2002.
43. Мацузато К. Тарикат, этничность и политика в Дагестане / К. Мацузато, М.Р. Ибрагимов // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 4. – С.10-23.
44. Мейлахс П.А. Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ /П. Мейлахс // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – № 4. – С.135-151.
45. Мертон Р. Социальная структура и аномия /Р. Мертон // Социологические исследования. – 1992. – № 2-4.
46. Общественное мнение – 2011: ежегодник. – М.: Аналитический центр Ю. Левады, 2012.
47. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е.Л. Омельченко. – М.: ИС РАН, 2000.
48. Плотников А.А. Влияние средств массовой информации на правонарушения несовершеннолетних: административно-деликтологический аспект: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.14 /А.А. Плотников. – Хабаровск, 2003.
49. Побережный А.А. Идеи радикального конструктивизма в контексте современной духовной культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 /А.А. Побережный. – М., 2007.
50. Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. – Томск: ТГУ, 1993. – 144 с.
51. Ракин А.И. «Социализм не порождает преступности...» (серийная преступность в СССР: попытка историко-криминалистического анализа) [Электронный ресурс] /А.И. Ракин. – М., 2009. – Режим доступа: <http://murders.ru/>

USSR_serial_killer_history_1.html, свободный.

52. Русакова О.Ф. Основные разновидности современных теорий политическо-го дискурса: опыт классификаций /О.Ф. Русакова // Политическая экспертиза. – 2006. – Т. 2. – № 3. – С.191-212.

53. Рябова, Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований /Т.Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – Т. V. – Вып. 1-2 (15-16). – С.120-139.

54. Салагаев А.Л. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. – Казань: Экоцентр, 1997. – 158 с.

55. Сафин Р.Р. «Девиантный чужой»: составляющие образа трудового мигранта в современном российском обществе /Р.Р. Сафин // Девиация и делинквентность: социальный контроль: сб. материалов международной конференции: в 2-х т. / под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Изд. НИСОЦ, 2006. – Т. 1. – С.131-133.

56. Сафин Р.Р. Исследование межэтнической интолерантности через образ «чужого»: основные теоретико-методологические подходы /Р.Р. Сафин // Вестник Казанского государственного технологического университета. – 2006. – № 2.

57. Серио П. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса /П. Серио. – М.: Прогресс, 1999.

58. Скретнева Н. В. Насильственная преступность несовершеннолетних / Н.В. Скретнева // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 1. – С.60-65.

59. Спектор М. Конструирование социальных проблем / М. Спектор, Дж. Китсьюз // Контексты современности-II / под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд. КГУ, 2001. – С.160-163.

60. Статистика террористических актов на территории Российской Федерации в 2005-2011 гг. [Электронный ресурс] // Официальный веб-портал Национального антитеррористического комитета. – Режим доступа: http://nak.fsb.ru/nac/media/terrorism_today/history.htm, свободный.

61. Страна газет [Электронный ресурс] // Веб-портал Фонда «Общественное мнение». – 2011. – 27 сентября. – Режим доступа: <http://fom.ru/kultura/10178>, свободный.

62. Сулейманов Р.Р. В Татарстане сейчас создается целый ваххабитский «холдинг» [Электронный ресурс] / Р.Р. Сулейманов // Информационно-аналитический портал «116.ru». – Режим доступа: <http://116.ru/person/470934.html>, свободный.

63. Сулейманов Р.Р. «Салафитская истерика»: попытки срыва выборов муфтия Татарстана [Электронный ресурс] / Р.Р. Сулейманов // Новое восточное обозрение. – 2011. – 28 марта. – Режим доступа: <http://journalneo.com/?q=ru/node/5336>, свободный.

64. Сулейманов Р.Р. Новый курс татарстанского муфтията: трудности и успехи деваххабизации [Электронный ресурс] / Р.Р. Сулейманов // Новое восточное обозрение. – 2011. – 24 сентября. – Режим доступа: <http://journalneo.com/?q=ru/node/9199>, свободный.

65. Сулейманов Р.Р. Попытка рейдерского захвата мечети в Альметьевске: ваххабитский реванш? [Электронный ресурс] / Р.Р. Сулейманов // Новое восточное обозрение. – 2011. – 31 декабря. – Режим доступа: <http://journalneo.com/?q=ru/node/12097>, свободный.
66. Сулейманова С.Т. Делинквентное поведение подростков в современном российском обществе: факторы и социальный контроль: дис.... канд. соц. наук: 22.00.04 / С.Т. Сулейманова. – Пенза: ПГУ, 2006.
67. Террористические акты, совершённые в России // Интернет-энциклопедия «Википедия». – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/террористические акты, совершённые в России](http://ru.wikipedia.org/wiki/террористические_акты,_совершённые_в_России), свободный.
68. Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 5-16.
69. Туриянский И.Е. Социальный контроль подростково-молодежной делинквенции: социологические концепции и практики: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08 / И.Е. Туриянский. – Казань: КГТУ, 2004.
70. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. / А.В. Фатеев. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 261 с.
71. Федеральный список экстремистских материалов // Российская газета. – 2012. – 25 апреля.
72. Фридмен М. Тирания статус-кво / М. Фридмен, Р. Фридмен // Экономическая теория преступлений и наказаний. – 1999. – Вып.1.
73. Фуко, М. Археология знания / М.Фуко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 416 с.
74. Фуко М. Ненормальные / М. Фуко; перев. с франц. А. В. Шестакова. – СПб.: Наука, 2004. – 432 с.
75. Фэркло Н. Дialeктика дискурса [Электронный ресурс] / Н. Фэркло // Современный дискурс анализ. – 2009. – Вып.1. – Режим доступа: http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf, свободный.
76. Хилгартнер С. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / С. Хилгартнер, Ч.Л. Боск // Социальная реальность. – 2008. – № 2. – С.77-78.
77. Шумилова Е.А. Особенности становления российской гражданской идентичности мусульман в Татарстане / Е.А. Шумилова, Е.А. Ходжаева // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М.: Ин-т социологии РАН, 2006. – С.132-140.
78. Щюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Щюц. – М.: Росс. полит. энцикл., 2004. – С.7-50.
79. Щюц А. Смысловое содержание социального мира // Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Щюц. – М.: Росс. полит. энцикл., 2004. – С.687-1006.
80. Ярская-Смирнова Е.Р. Женщины-террористки в интерпретативных моделях СМИ. Дискурс-анализ газетных публикаций / П.В. Романов, В.В. Щербанова, Е.Р. Ярская-Смирнова // Политические исследования. – 2003. – № 6. – С.144-154.
81. Ясавеев И.Г. «Сижу за решеткой»: медиаобразы российских залоченных / И.Г. Ясавеев // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С.53-68.
82. Ясавеев И.Г. Конструирование «не-проблем»: стратегии дeпроблематизации ситуаций / И.Г. Ясавеев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – № 1.

83. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. – 200 с.
84. Ясавеев И.Г. Конструкционистский подход к социальным проблемам / И.Г. Ясавеев // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – Т. 2. – № 4. – С.533-546.
85. Allen C. *God's Terrorists: The Wahhabi Cult and the Hidden Roots of Modern Jihad* / C. Allen. – London: Abacus, 2007.
86. Ayoob M. *The Many Faces of Political Islam: Religion and Politics in the Muslim World* / M. Ayoob. – Michigan: University of Michigan Press, 2008.
87. Becker H. *Outsiders* / H. Becker. – New York: Free Press, 1973.
88. Behr R. Television news, real-world cues, and changes in the public agenda / R. Behr, S. Iyengar // *Public Opinion Quarterly*. – 1985. – № 49. – P.38-57.
89. Boulahanis J.G. Perceived Fears: The Reporting Patterns of Juvenile Homicide in Chicago Newspapers / J.G. Boulahanis, M.J. Heltsley // *Criminal Justice Policy Review*. – 2004. – Vol. 15. – №2. – P.132-160.
90. Brachman J. *Global jihadism: theory and practice* / J. Brachman. – New York: Routledge, 2008. – 212 p.
91. Burke J. *Al-Qaeda: The True Story of Radical Islam* / J. Burke. – New York: Macmillian, 2004.
92. Castells M. *The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture* / M. Castells. – New York: John Wiley & Sons, 2009. – 584 p.
93. Chiricos T. Crime, News and Fear of Crime: Toward an Identification of Audience Effects / T. Chiricos, S. Eschholz, M. Gertz // *Social Problems*. – 1997. – Vol. 44. – № 3. – P.342-357.
94. Cloward R.A., Delinquency and Opportunity: A Theory of Delinquent Gangs / R.A. Cloward, L.E. Ohlin. – New York, 1960.
95. Cohen A.K. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang* / A.K. Cohen. – Glen-coe, 1960.
96. Cohen S. *Folk devils and moral panics: the creation of the Mods and Rockers* / S. Cohen. – New York: Routledge, 2011.
97. Commins D. *The Wahhabi Mission and Saudi Arabia* / D. Commins. – New York: I. B. Tauris & Co, 2006.
98. Cook M. On the Origins of Wahhabism / M. Cook // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland*. – 1992. – Vol. 2. – № 2. – P.191-202.
99. DeLong-Bas N. J. *Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad* / N.J. DeLong-Bas. – London: Oxford University Press, 2004.
100. Dillon M.R. *Wahhabism: is it a factor in the spread of global terrorism?* / M.R. Dillon. – Monterey, CA.: Naval Postgraduate School, 2009.
101. Douglas J. *The Sociology of Deviance: An Introduction* / J. Douglas, F.C. Waksler. – Boston: Little, Brown, 1982.
102. Ehninger D. *Decision by Debate* / D. Ehninger, W. Brockriede. – New York: IDEA, 2008. – 420 p.
103. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm / R.M. Entman // *Journal of Communication*. – 1993. – Vol. 43. – № 4.
104. Entman R. *Projections of Power. Framing news, public opinion, and U.S. foreign policy* / R. Entman. – Chicago: University of Chicago Press, 2004.

105. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. – London: Routledge 2003.
106. Fairclough N. *Critical discourse analysis* / N. Fairclough // *Marges Linguistiques*. – 2005. – Vol. 9.
107. Fairclough N. *Discourse and Social Change* / N. Fairclough. – Cambridge: Polity Press, 1992.
108. Ferrell J. *Criminalizing Popular Culture* / J. Ferrell // *Popular Culture, Crime, and Justice* / F. Bailey, D. Hale (Eds.). – Belmont, Ca.: Wadsworth, 1998. – P.71-83.
109. Ferrell J. *Materials for making trouble* / J. Ferrell, N. Websdale // *Making Trouble. Social Construction of Crime, Deviance and Control* / J. Ferrell, N. Websdale (Eds.). – New Brunswick, NJ.: Transaction Publishers, 2009.
110. Finn-Aage E. *Gangs and Definitional Issues: When Is a Gang a Gang, and Why Does It Matter?* / E. Finn-Aage [et al.] // *Crime and Delinquency*. – 2001. – Vol. 47. – P.105-130.
111. Gaskins B. *Internet News. Is It a Replacement for Traditional Media Outlets?* / B. Gaskins, J. Jerit // *The International Journal of Press/Politics*. – 2012. – Vol. 17. – № 2. – P.190-213.
112. Gibson M. *Editor's Introduction* / M. Gibson, N.H. Rafter // *Criminal Man* / M. Gibson, C. Lombroso, N.H. Rafter (Eds.). – Durham, NC: Duke University Press, 2007.
113. Goffman I. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity* / I. Goffman. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1963.
114. Gold D. *Hatred's Kingdom: How Saudi Arabia Supports the New Global Terrorism* / D. Gold. – Washington, DC.: Regnery Publishing, 2004.
115. Goode E. *Moral Panics: The Social Construction of Deviance* / E. Goode, N. Ben-Yehuda. – Oxford: John Wiley and Sons, 2009.
116. Gusfield J.R. *The Culture of Public Problems: Drinking-Driving and the Symbolic Order* / J.R. Gusfield. – Chicago: University of Chicago Press, 1984.
117. Hagedorn J.M. *A World of Gangs. Armed Young Men and Gangsta Culture* / J.M. Hagedorn. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2009.
118. Hagedorn J.M. *The Global Impact of Gangs* / J.M. Hagedorn // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. – 2005. – Vol. 21. – № 2.
119. Hall S. *Policing the crisis: mugging, the state, and law and order* / S. Hall [et al.]. – New York: Holmes & Meier, 1978.
120. Hilgartner S. *Science on Stage: Expert Advice as Public Drama* / S. Hilgartner. – Stanford: Stanford University Press, 2000.
121. Hirschi T. *Causes of delinquency* / T. Hirschi. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 309 p.
122. Ibarra P. *Claims-making discourse and vernacular resources* / P. Ibarra, J. Kitsuse // *Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems* / G. Miller, J.A. Holstein (Eds.). – Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 2003. – P.17-50.
123. Jensen G.F. *The path of the devil: early modern witch hunts* / G.F. Jensen. – Lanham, MD.: Rowman & Littlefield, 2007.
124. Kappler V.E. *The Mythology of Crime and Criminal Justice* / V.E. Kappeler, G.W. Potter. – Prospect Heights, Il.: Waveland Press, 2005. – 428 p.

125. Lacey N. Legal constructions of crime /N. Lacey // *The Oxford handbook of criminology* /M. Maguire, R. Morgan, R. Reiner (Eds.). – London: Oxford University Press, 2007. – P.179-200.
126. Lemert E. M. *Social Pathology* / E.M. Lemert. – New York: Mcgraw-Hill, 1951.
127. Lombardo R.M. The hegemonic narrative and the social construction of deviance: the case of the Black Hand / R.M. Lombardo // *Trends in Organized Crime*. – 2010. – Vol. 13. – № 4. – P.263-282.
128. Loseke D.R. *Thinking about social problems: an introduction to constructionist perspectives* / D.R. Loseke. – Hawthorne, NY.: Aldine de Gruyter, 2003.
129. Lupton D. *Dangerous Places and the Unpredictable Stranger: Constructions of Fear of Crime* / D. Lupton // *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. – 1999. – Vol. 32. – № 1. – P.1-15.
130. Manning P.K. *Media Loops* / P.K. Manning // *Popular Culture, Crime, and Justice* / F. Bailey, D. Hale (Eds.). – Belmont, CA: West/Wadsworth, 1998. – P.25-39.
131. McCombs M. E. The agenda setting function of mass media / M.E. McCombs, D.L. Shaw // *Public Opinion Quarterly*. – 1972. – № 36. – P.176-187.
132. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure* /R.K. Merton. – New York: Free Press, 1968.
133. Nye I. *Family relationships and delinquent behavior* / I. Nye. – N.Y.: Wiley, 1958. – 168 p.
134. Phares W. *The War of Ideas: Jihadism Against Democracy* / W. Phares. – London: Macmillan, 2008. – 288 p.
135. Prokop M. *Saudi Arabia: The Politics of Education* / M. Prokop // *International Affairs*. – 2003. – Vol. 79. – № 1. – P.77-89.
136. Rafter N.H. *The Social Construction of Crime and Crime Control* / N.H. Rafter // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. – 1990. – Vol. 27. – № 4. – P.376-389.
137. Reckless W. *The Crime Problem* / W. Reckless. – N.Y.: Appleton Century-Crofts, 1955. – 198 p.
138. Ritzer G. *Sociology: A Multiple Paradigm Science* / G. Ritzer. – Boston: Allyn and Bacon, 1975.
139. Russell K. K. «Driving while black»: Corollary phenomena and collateral consequences/K.K. Russel//*Boston College Law Review*. –1999. –Vol. 40. –P.717-731.
140. Russell K. K. *Racial profiling: A status report of the legal, legislative, and empirical literature* /K.K. Russel // *Rutgers Race and the Law Review*. – 2001. – Vol. 3. – P.61-81.
141. Sacco V.F. *Media Constructions of Crime* / V.F. Sacco // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1995. – Vol. 539. – № 1. – P.141-154.
142. Schneider J.W. *Problems Theory: The Constructionist View* / J.W. Schneider // *Annual Review of Sociology*. – 1985. – Vol. 11. – P.209-229.
143. Searle J. *The Construction of Social Reality* / J. Searle. – New York: Free Press, 1995, P.28.
144. Sutherland E. *Principles of Criminology* /E. Sutherland. – Chicago: Uni-versity of Chicago Press, 1955. – 721 p.
145. Sutherland E. *Professional Thief* / E. Sutherland. – Chicago, 1937.
146. Sykes G. *Techniques of neutralization: A theory of delinquency* / G. Sykes, D. Matza // *American Sociological Rewiew*. – 1957. – Vol. 22. – P.664-670.

147. Tannenbaum F. *Crime and Community* / F. Tannenbaum. – New York: Columbia University Press, 1938.
148. Taylor I. *The New Criminology: For a Social Theory of Deviance* / I. Taylor, P. Walton, J. Young. – London: Routledge, 1973. – 368 p.
149. Thomas W.I. *The child in America: Behavior problems and programs* / W.I. Thomas, D.S. Thomas. – New York: Knopf, 1928.
150. Thrasher F.M. *The Gang: A study of 1313 gangs in Chicago* / F.M. Thrasher. – Chicago, 1927.
151. Titmuss R.M. *Social Policy: An Introduction* / R.M. Titmuss. – London: Unwin Hyman Ltd., 1990.
152. Toulmin S.E. *The Uses of Argument* / S.E. Toulmin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 247 p.
153. Van Dijk T.A. *Critical Discourse Studies: A sociocognitive Approach* / T.A. Van Dijk // *Methods of critical discourse analysis* / R. Wodak, M. Meyer (Eds.). – London: Sage, 2009. – P.62-85.
154. Van Dijk T.A. *Discourse analysis: Its development and application to the structures of news* / T.A. van Dijk // *Journal of Communication*. – 1983. – Vol. 33. – № 2. – P.20-43.
155. Van Dijk T.A. *Discourse and Context. A sociocognitive approach* / T.A. Van Dijk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
156. Van Dijk T.A. *Discourse, context and cognition* / T.A. van Dijk // *Discourse Studies*. – 2006. – № 8.
157. Van Dijk T.A. *Elite Discourse and Racism* / T.A. van Dijk. – London: Sage, 1993.
158. Van Dijk T.A. *News as Discourse* / T.A. Van Dijk. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988.
159. Weitzer R. *Racialized policing: Residents' perceptions in three neighborhoods* / R. Weitzer // *Law and Society Review*. – 2000. – Vol. 34. – P.129-155.
160. Welch K. *Black Criminal Stereotypes and Racial Profiling* / K. Welch // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. – 2007. – Vol. 23. – № 3. – P.276-288.
161. Wodak R. *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer. – London: Sage, 2009.
162. Wodak R. *Orders of Discourse* / R. Wodak. – New York: Addison Wesley Longman, 1996.
163. Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual* / R. Wodak. – Basingstoke: Palgrave, 2011.
164. Wodak R. *Wir sind alle unschuldige Täter! Diskurshistorische Studien zum Nachkriegsantisemitismus* / R. Wodak [et al.]. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.
165. Wykes M. *Constructing crime: Culture, stalking, celebrity and cyber* / M. Wykes // *Crime Media Culture*. – 2007. – Vol. 3. – P.158-174.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА	9
ГЛАВА 2. КОНСТРУИРОВАНИЕ ДЕВИАЦИЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	30
ГЛАВА 3. ВАХХАБИЗМ КАК РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕВИАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	48
ГЛАВА 4. КОНСТРУИРОВАНИЕ ВАХХАБИЗМА В ПЕЧАТНЫХ СМИ	60
ГЛАВА 5. КОНСТРУИРОВАНИЕ ВАХХАБИЗМА ЭКСПЕРТНЫМ СООБЩЕСТВОМ	80
ГЛАВА 6. ДЕКОНСТРУИРОВАНИЕ ВАХХАБИЗМА В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	116
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	128

Научное издание

Ильнур Ильдусович Нурутдинов

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАКТИК
(ДЕ-)КОНСТРУИРОВАНИЯ ВАХХАБИЗМА
КАК РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕВИАЦИИ

Монография

Корректор Климанова Н.А.
Компьютерная верстка Ризванова Л.А.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 7,8
Подписано в печать 10.02.2015 Тираж 100 экз.

Типография КЮИ МВД России
420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35.